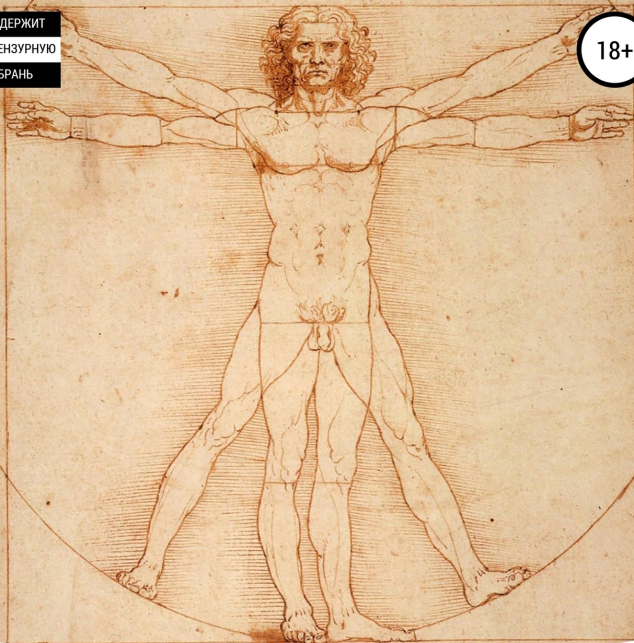

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Беляков Дмитрий Олегович
Большой Мир. Книга 1

Дмитрий Олегович Беляков

Большой мир. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63019557

SelfPub; 2020

Аннотация

Я очнулся в неизвестном ночном лесу после чудовищных событий, которые разорвали в клочья мой прежний мир. Всех, кого я знал, испарила странная Сфера, в том числе и меня. Где я? Куда попал? Верните меня назад!

Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Подземный бункер. Центральное помещение.

Двадцать пятый день после падения на землю метеорита.

Я вижу, как его рука уходит в сторону, и как в замедленной съемке на конце дула пистолета появляется яркая вспышка. Рядом вскрикивает Сая и, прижав руку к животу, падает на колени. Я хочу броситься к ней, но он направляет дуло на меня, и снова раздается выстрел. Эмма толкает меня, и я падаю на пол почти рядом с Саей.

– Сая! – раздается вопль Мэгги.

– Господи, Сая! – навзрыд закричал Барри, бросившись к дочери.

– Мама, нет! – плачет сестра, сидя рядом с лежащей на полу Эммой.

Я посмотрел на мать и увидел под ней красную лужу.

Сфера разгорелась еще сильнее, и от нее стали вытягиваться тонкие жгуты. Один жгут направился прямо к Барри и, столкнувшись с ним, буквально расплыл его. Второй полетел к Присцилле и сделал с ней тоже самое. Так же исчез Филипп.

Сфера как спрут распустила щупальца, которые испаряли всех в комнате. Бело-голубые, тонкие щупальца.

Может, так даже лучше?

Исчезли Мэгги, Рич, Кернис. Еще одно забрало тело ма-

мы.

Я посмотрел на бездыханную Саю и заметил, как бело-голубая красота приближается ко мне.

Распыли меня.

– Брат! – позвала меня Лизи и протянула руку.

Я хотел протянуть свою, но почувствовал приятно обжигающую боль.

Последнее, что я увидел, был беззвучный крик сестры и ее красивые, но такие красные от слез глаза.

Затем настала темнота.

Простите меня...

На мгновение меня поглотил густой мрак и сознание угасло.

Где-то в глубине леса. Ночь...

– Простите меня! Прости меня, Сая, мама! – услышав свой голос, я вздрогнул. Сфокусировавшийся взгляд представил передо мной не сестру, а серое дерево с торчащими маленькими сухими ветками.

Я резко огляделся по сторонам в поисках Лизи, но увидел лишь густой лес. Верхушки деревьев еще горели красным, поглощая остатки заходящего солнца, но в самом низу уже не было цвета, а лишь серый брат темноты.

– Где я, черт возьми? – спросил я в пустоту, и мне, конечно же, никто не ответил.

– Лизи! – позвал я, что есть сил. – Мама! Са...

Мой голос оборвался. В горле застрял комок, а живот скрутило. Я схватился за голову и завыл как раненный зверь.

Он убил Саю.

Я не понимал, что происходит и как оказался в чертовом лесу. Вот я был в убежище, и вот я здесь. Почему рядом больше никого?

Пробежав вокруг дерева и прокричав имена, я наткнулся лишь на сгущающийся мрак. Хотелось вернуться назад. Хотелось дотянуться до сестры. Хотелось повернуть время вспять и уничтожить эту мразь. Почему я остановился? Почему я не добил тварь?! Раз за разом в моей голове пробежали последние минуты в убежище, будто я несусь на карусели, вокруг которой оживают сцены. Зашатавшись, я понял, что карусель не только в моих воспоминаниях, а и перед моими глазами. Меня начало качать из стороны в сторону, и в голове зазвучал низкий свист.

– Черт! – выдавил я. – Верните меня назад! **ВЕРНИТЕ НАЗАД!**

Я почувствовал, как силы покидают меня и тело заваливается вбок. Дошатавшись до дерева, оперся об него спиной и съехал вниз по колючим маленьким сучкам. Боль обожгла спину, но сквозь призму непонятного обморока я не ощутил всей радости этого события. Силы покинули меня окончательно...

Я резко открыл глаза, и меня снова накрыла волна сосущей пустоты в груди.

Я не хотел подниматься. Не хотел шевелиться. Хотел снова уснуть.

Собравшись с силами, я попытался подняться на ноги, но у меня это получилось не с первого раза. Пальцы рук не хотели как следует сгибаться, а колени разгибаться. Наконец подняв себя на ноги, я понял, что полностью голый. Меня трясло, и конечности не хотели двигаться. Сделав несколько шагов, я снова упал. Уперев левую ногу в сырую землю, я попытался подняться, но она ушла вниз, и мое лицо соприкоснулось с пахнущими гнилью листьями.

Над головой что-то пронеслось.

Я сделал еще один рывок. В этот раз, скрючив пальцы на ноге и почувствовав опору, выпрямился. Не понимая, куда идти, я просто двигался вперед. Пробираясь между колючими ветками каких-то кустарников, я чувствовал, как мое тело обрызгивало ледяной утренней росой. Спина горела, стопы горели, остальное тело трясло от холода. Перестукивая зубами, я задрал голову вверх и увидел желтеющие кончики деревьев, значит, должно стать теплее. Хотелось в тепло. Хотелось в убежище. Хотелось убить мразь. Хотелось обнять Саю, Лизи, маму...

Хотелось сдохнуть.

Обойдя очередные заросли, окружившие несколько деревьев, я наткнулся на земляную насыпь и сильно усомнился, что смогу обойти эту кучу, тем более подняться.

– Черт! – рыкнул я сухим хрипом.

Я тяжело прислонился голым плечом к дереву и постарался просто не упасть.

Думай, думай, думай.

Не о чем было думать. Я не представлял, как мне выжить в этом чертовом лесу абсолютно голым с перемерзшим за ночь телом. Сомневался, что смогу даже палку раскрутить своими деревянными пальцами.

Палка.

Обшарив взглядом вокруг себя, я нашел то, о чем подумал. Скрюченный кусок толстой ветки валялся почти рядом со мной. Поспешил поднять его и направился в сторону насыпи, так как перспектива обходить была более туманной.

Солнце почти коснулось зеленой травы, покрывающей лысую возвышенность, и мою макушку начало слегка разогревать. Мой слух уловил щебет птиц и шуршание крыльев, на мгновение оторвав меня от депрессивных и тяжелых воспоминаний. Я задрал голову и в этот раз увидел синее небо и пролетающие надо мной черные точки.

– Ненавижу вас, – выдохнул я.

Вталкивая в землю свою новообретенную трость, я карабкался наверх, изнывая от боли в ногах. Мне было страшно даже попытаться осмотреть свои стопы, учитывая количество красных следов, которые оставались после меня.

Я не понимал, где нахожусь, и осматриваясь по сторонам, наткался лишь на деревья с вездесущими кустами. Возвышенность, на которую я наткнулся, была единственным го-

лым от деревьев местом, и у меня была надежда, что за ней, возможно, будет что-то другое, кроме чертового леса.

Пока я взбирался наверх, я передумал много вариантов о том, где оказался. Первый и самый правдоподобный был связан с теми, о ком говорилось в сообщении от сопротивления. Мне подумалось, что нас просто вырубали какой-то неизвестной технологией Сферы и вытащили из убежища. То, что наши тела испарялись, было моей галлюцинацией. Сфера все-таки оказалась каким-то шпионским прибором и вывела на нас тех существ.

– Черт. Дерьмо! – я наступил на очередную острую ветку и череда обжигающих стопу ощущений дополнилась еще одним огненным уколом.

А что со мной?

Возможно, я выпал из какого-нибудь летающего перевозчика. Отсутствие одежды обосновано желанием не допустить на перевозчик оружие или другие опасные предметы. Может быть, меня выбросили, как ненужный материал. Может быть, где-то в этом лесу, так же, как и я, бродила Лизи. Израненная и холодная. Уставшая и беспомощная. Моя сестренка.

Подначив себя эмоциями, я попытался ускорить подъем. Эта насыпь, высотой с дом и шириной с футбольное поле, казалась непреодолимой в моем состоянии.

Я мечтал о том, что за этой ненавистой горой появится особняк Барри и, найдя вход в убежище, я найду там запла-

канную сестру. И тело Саи...

– Сая.

Сая черт побери!

Этот ублюдок убил ее. Эта мразь не должна была рождаться.

– Сая... – снова прорвался мой голос.

В этом огромном лесу слышать себя было особенно неуютно.

Может быть, это был сон, и я не попал ни в какое убежище Келванов, а случайно выжил после падения метеорита? Может быть, не было никакого падения, и я просто настолько ушел в запой, что оказался в этом богом забытом месте!

– Да! Не было никакого метеорита! – хрипло заорал я в землю, опершись об импровизированный посох. – Сая жива, а Лизи и отец сейчас ждут меня в нашем особняке!

Я воодушевился этой идеей и с новой силой зашагал вверх. До вершины оставалось несколько шагов, и возможно... возможно...

– Я в аду.

Глава 2

Мои надежды развеялись, как дым костра, который взлетел слишком высоко от своего источника. И так же неизбежно.

Стоя на вершине насыпи, я смотрел на очередной лес. Я находился слишком низко, чтобы увидеть желто-зеленое море, но вида окружающих меня деревьев было достаточно для

отчаяния. Хотелось зарыдать.

Упав на пятую точку и, опершись руками о корявый посох, я все-таки посмотрел на свои стопы. Это был ужас, и мне от этого вида стало еще больнее. Нужно было идти. Нужно было вставать и выбираться из этого дерьма. Я должен найти сестру.

Я должен уничтожить мразь, которая убила Саю.

Я должен.

Собравшись с силами, моя голая задница оторвалась от земли, и исколотые валежником стопы снова отправились в мир боли. Спускаться с насыпи оказалось легче, по крайней мере, с точки зрения дыхания.

Левая нога. Правая нога. Левая нога... Правая нога...

Представ перед стеной лесного массива, я задумался о направлении.

– Оууууу, – раздалось справа от меня.

Очень знакомый вой, который нельзя спутать ни с чем другим. Знакомый, но пока еще далекий. Я, не глядя, ломанулся вперед в гущу леса, и периодически цепляясь плечами о стволы деревьев, кривился от боли в ногах.

– Оууууу, – раздалось уже за моей спиной.

– Нет! – выдавил я и ускорил шаг.

Над головой зашуршали деревья, заглушая мое неспешное бегство от неизбежного. Я понимал, что раненый и с одной невзрачной палочкой не смогу ничего противопоставить даже одному зверю. Мое ближайшее будущее – быть разо-

рванным на части дикими животными.

Лес вокруг стал враждебным и гнетущим.

– Оууууу, – зазвучал боевой клич нескольких особей.

Я обернулся и увидел несколько смазанных движений среди деревьев.

– Черт.

Я почти побежал вперед, забыв о боли в ногах, вялых конечностях и отсутствии сил. Деревья вокруг были слишком толстыми, чтобы забраться на них, да и забравшись, я не смогу сидеть там вечно. А звери будут ждать.

Оглядываясь по сторонам, я искал еще какое-нибудь оружие, еще одну палку.

– Оууууу, – снова раздался вой.

Силы подходили к концу, дыхание участилось. Я почувствовал себя загнанной дичью, на которую с улыбками и пьяным весельем охотились в старину. Мои уши словно улавливали громкое дыхание десятка глоток, и капающие от предвкушения слюни хищников отзывались в голове эхом. В глотке стало холодно от учащенного дыхания, в груди сдавило, и ноги начали подгибаться. Мне показалось, что по ноге ударило что-то мягкое.

Это ведь была ветка или я схожу с ума?

– Гхрррх, – услышал я справа рычание, но даже не повернул голову.

Впереди блеснул яркий свет, но сил ускориться уже не было. Я понимал, что плотность леса становится меньше, и воз-

можно, там будет спасение. Возможно, там будет нечто, что позволит мне выжить. Нужно только успеть.

Что-то попыталось схватить меня за ногу, я резко развернулся и увидел дикие черные глаза на серой морде. Эти глаза смотрели на меня со спокойной уверенностью в своей победе. Справа и слева появилась еще пара глаз. Мой собственный взор был залит потом, и я чувствовал себя бегущим в темном тоннеле с сужающимся кругом обзора, как гаснущий ламповый телевизор. Глядя по сторонам, я заметил, что твари идут спокойным, уверенным шагом, и это значило лишь одно – я передвигаюсь как улитка.

– Нет! Мне нельзя! – выкрикнул я хриплым голосом.

Внезапно лес оборвался, и буквально вывалившись на светлую поляну, укрытую зеленым покрывалом, я почувствовал, как мне в спину что-то врезалось. Я хотел удержаться на ногах, но это было физически невозможно. Падая, я перекрутился лицом вверх и, выставив палку вперед, словил чью-то пасть, которая вырвала ее у меня из руки и вцепилась в пальцы.

Хруст.

Я никогда даже не представлял себе, что услышу хруст моих выдираемых пальцев. Как кто-то с рычащим удовольствием будет пожирать мою плоть. Визжа и хрипя от боли, я машинально прикрывал свободной рукой лицо, чувствуя, как тяжелые острые зубы цепляются за нее.

Внезапно я перестал чувствовать боль. Перед моим взо-

ром дергались облака, и вместе с этим трепыханием внутри стала угасать ноющая пустота.

Да, так даже лучше.

– Та-а, сон-на! За кем’е баэж т-тэ! Гхену химаэ! Гхену!* – услышал я взволнованный девичий голос.

Сая...?

Я встречу Саю...

– *Отец, скорее! Ты должен помочь ему! Прочь твари! Прочь! – голосила завернутая в короткое зеленое пальто светловолосая девочка. Большущие черные ботинки резко выделялись на ее тонких ногах, а ладони были спрятаны в перчатки с обрезанными пальцами.

– Я и так спешу, как могу, дочь! – ответил ей запыхавшийся, немолодой мужчина.

Двое бежали по красивому полю к стае голодных сероволков, пирующих на теле атлана.

– Леа, выпусти волну, скорее! – скомандовал мужчина.

Девочка, не добежав до цели добрых пять шагов, взмахнула ладонями сверху вниз, и сероволки, заскулив, пригнули головы, почувствовав волну острого пронизывающего ветра. Издав недовольный гортанный рык, трое хищников нехотя попятнулись от добычи и, развернувшись, скрылись за стеной деревьев.

– Ох ты ж, папа. Это ужасно! – взглянув на то, что сотворили сероволки, Леа не знала, к чему прикасаться на этом

истерзанном куске мяса.

Запыхавшийся мужчина подбежал к нужному месту и расстегнув свое коричневое пальто, уверенными движениями перевернул тело атлана на спину.

– Черт, – округлив глаза, сказал он, оценив повреждения взглядом бывалого целителя. – Я...не уверен, Леа.

– Нет, папа, ты сможешь. Я знаю! Мы не можем бросить его, он ведь еще дышит! – эмоционально выпалила девочка.

Мужчина нервно вытер рукавом со лба пот и, расположив ладони над горлом полутрупа, начал вливать ману. На глазах, рваная рана начала закрываться, а хрипы, исходящие от разорванного горла, затухать. Затем мужчина, затаив дыхание, перевел взгляд на виднеющиеся белесые кости на руках и начал вливать ману в места лишённые мяса и мышц.

– Хорошо. Вот так. Ты выживешь, – ласково говорила девочка, поглядывая на работу отца.

Тем временем, мужчина нацелился на вывороченную печень и, запихнув ее вовнутрь, начал восстанавливать орган, попутно осматривая тело, чтобы быстро решить, куда передвинуться дальше.

– Все, я выдохся, – сказал целитель. – Теперь надо отвезти его в избу, а там и мана восстановится. Думаю, к вечеру верну ему пальцы.

– Хорошо, папа, – улыбнулась Леа. – Ты отлично справился.

– Ага, надеюсь не зря, – тихо сказал целитель и, подняв-

шись, направился к оставленному колесному тягачу с валежником.

Пока мужчина ходил за приспособлением, Леа пыталась рассмотреть лицо спасенного парня, но это давалось ей нелегко, учитывая залитую кровью кожу. Она скромно отводила взгляд от его промежности и задавалась вопросом, как вообще он мог оказаться в этом месте в таком виде.

– Давай погрузим, – сказал подошедший целитель, притащив за собой узкое устройство на одном колесе.

Леа кивнула, и они вместе аккуратно расположили тело на тягач, крепко обмотав его веревкой.

Подняв довольно легкую ношу, отец девочки тяжело вздохнул, переживая о возможных неприятностях, связанных с найденным атланом, но все же побрел в сторону дома. Если бы он был один, он бы прошел мимо, но при дочери он не мог так поступить. Ради дочери он бы спас самого Саарга.

– Повезло же тебе, атлан, – недовольно проворчал себе под нос целитель, оглянувшись на счастливица.

...

В один миг мир приобрел краски. Я открыл глаза и спокойно огляделся. Было неприятно и даже больно вертеть головой, поэтому осмотр, в основном, ограничился глазами.

Помещение, которое предстало перед моим взором, напоминало избу из исторических фильмов и, насколько хватало угла обзора, имело довольно скудное убранство. Дверь,

стул, кровать и маленький столик под окном. Самого окна я не видел, но белый дневной свет нельзя было ни с чем спутать. На прибитом к двери крючке висело непривычного вида тряпье: подобие толстого свитера с меховым воротником, меховая шапка и варежки.

Как я здесь оказался?

– А? – зазвучал удивленно мой голос.

Я? Кто я?

Я занервничал и сквозь боль и дискомфорт сильнее завертел головой. В мозгу что-то щелкнуло, и я замер, стараясь не двигаться. В комнате друг стало душно.

Покопавшись в воспоминаниях, я не смог в них найти себя, хотя и знал, что такое дом, дерево, люди, животные, смартфон.

Как меня зовут? Как я здесь оказался?

Почему я не помню себя?!

Мне стало страшно, и я захотел подняться с постели, но тело было ватным и плохо слушалось. Еле выбравшись из кровати, я почти рухнул на деревянный пол и на коленях добрался до двери. Не успел я схватиться за ручку, как дверь резко убежала назад, и мои глаза наткнулись на чьи-то ноги, завернутые в подобие домашних тапочек.

– Т-те? Т-те за макту?! Марсо ке паисту! Сон-на, сон-на!

** – взволнованно проворчал кто-то сверху.

(** – Что? Что ты делаешь?! Вернись в постель! Быстро, быстро!)

Я резко задрал голову и увидел мужика с недельной щетиной и круглыми толстенными очками, прикрывающими выпученные глаза. В моих же глазах начало темнеть, и я погрузился в небытие...

Второй раз я очнулся уже не так спокойно, мгновенно вспомнив о проблемах с памятью. Открывать глаза не хотелось, и я просто неподвижно лежал, прислушиваясь к окружению.

В комнате было тихо и только за окном, справа от меня, я слышал привычные голоса природы: щебет каких-то птиц, порывистое дыхание ветра и шелест листьев, в ритм накатыванию мягких порывов. Все было таким знакомым и одновременно новым. Я знал названия процессов, которые происходили за окном, и помнил связанные с этим ощущения, но это была просто память. Я не помнил, как чувствует себя кожа, когда ее касается ветер, или как в точности выглядит птица. Память выдавала разбросанные детали, которые я не мог сложить в цепочку, которая была бы безоговорочно принята сознанием.

– Та-а, пере т-тэ буда?*** – услышал я приглушенный дверью девичий голос.

– Леа, нага сон-на! Т-тэ кем'е легка. Нага поран! – прозвучал басистый мужской голос.

– Па та-а! – разочарованно протянула девушка.

– На'! – отрезал мужской бас.

На каком языке они говорят, черт возьми?

—
***— Отец, можно его разбудить?

— Леа, нельзя спешить! Он должен выздороветь. Нельзя тревожить!

— Но папа!

— Нет!

Глава 3

Слова и интонации незнакомцев не были похожи ни на один язык, который я изучал в университете. Я снова машинально подумал о том, чего не мог объяснить словами. Я не понимал, что такое университет, но раз сознание автоматически выплонуло это сравнение, значит, я должен был быть хорошо знаком с этим понятием.

— Саэ... — вяло протянул девичий голос.

За дверью стихло, и я снова стал окружен лишь звуками за стеклом и своим мерным дыханием. Спать не хотелось, но попытавшись двинуться, я понял, что привязан к кровати. Видимо, прошлая попытка выбраться из комнаты была достаточным основанием, что обездвигить мое тело. Что ж, все равно я не представлял, куда идти и где я вообще. Может быть, я в каком-то забытом богами поселении в лесах Амазонии?

Ладно, нужно подвести хоть какие-то итоги.

Для начала, я не помнил свое имя, внешность и биографию. Я мог называть некоторые вещи, события и процессы,

описать действие которых не получалось. Есть ли у меня семья? Жена? Дети, в конце концов?

Пусто. Очень странно знать и не знать.

Я очень хорошо помнил города, дороги и транспорт. Мог прямо сейчас вызвать такси и отправиться в кафе на парк Сайн (там всегда был отменный десерт). Но я не мог описать, как выглядит такси. В целом, я понимал, что это транспортное средство, перевозящее людей, оно состоит из металла и колес, гудит и пылит, но эти детали не складывались в общую картинку. Мозг – странная штука.

Захотелось почесать нос, но руки были привязаны вместе с телом. Изогнув шею, я посмотрел на узлы и вяло ухмыльнулся: детский лепет. Тут же поворочав немного запястьем, моя правая рука обрела свободу, и я с удовольствием прошелся ногтями по коже шнобеля.

Нащупав приличную бороду, я задумался о количестве времени, проведенного в этом месте. Такая борода растет не за месяц. Черт. Неужели я так долго в виде овоща провалялся в этом месте? Вот мужик-то удивился, наверное, когда открыв двери, увидел ползущего меня.

Покрутившись еще какое-то время, я решил попробовать поспать. Ко мне никто не заходил и не тревожил, что меня в принципе устраивало, ведь я мало того, что не помню себя, но еще и слаб, и не понимаю речь этих людей. Я решил, что будет практичнее набраться сил, не привлекая к своему пробуждению внимание.

...

– Кома, – сквозь дрему услышал я мужской голос. – Кома гинэ, кома!*

(*Проснись парень, проснись!)

Неохотно разлепив веки, я увидел уже знакомого мужика, который тормозил меня за плечо. Заметив мое пробуждение, он взял тканевый жгут, который я сбросил с правого запястья и потряс им передо мной.

– Ке за н'фира? – вопросительно кивнул он мне.

Я помотал головой давая понять, что не понимаю его речь. Хотя намек на веревку до меня, безусловно, дошел.

Небритый мужик недовольно вздохнул. Отбросив бесполезную вещь, он придвинул стул и, поправив толстенные, круглые очки, начал меня бегло осматривать. От его ладоней, которыми он вдумчиво надо мной водил, исходило тепло и слабое свечение. Я дернулся, заметив это, но он благополучно прижал меня рукой к постели и хмуро зыркнул.

Это что сейчас было? Я продолжал молча наблюдать за его действиями и не мог поверить в то, что вижу и чувствую. Даже в состоянии амнезии, а у меня именно она, я мог сравнить этот процесс с каким-то энергетическим или магическим сканированием, коих в кино было показано предостаточно. Поводив руками, он удовлетворенно кивнул и, молча поднявшись со стула, покинул помещение.

Я остался в одиноком исступлении, с отвисшей челюстью. Это определенно было что-то из разряда фантастики Земли.

Амнезия или нет, но то, что на моей техногенной планете о таком в реальности не было известно, я знал. Снова обшарив глазами комнату, в которой находился, я только сейчас обратил внимание, что на потолке не было ничего напоминающего люстру или голую лампочку. Выключатели на стенах тоже отсутствовали. Конечно, это могло быть обусловлено удаленностью дома от цивилизации, но в копилку необычности упала монетка, с одной стороны которой был мужик с непонятным умением, с другой – отсутствие моей памяти. Вариант, что моя память изменена и знания о Земле ненастоящие, не прошел даже стадию проверки.

Захлопнув челюсть, я почувствовал в груди трепет.

Если это другой мир или земное будущее или прошлое, то меня ждет невероятная авантюра!

Но что со мной произошло и почему у меня амнезия?

–Тук-тук, – скромно постучали в дверь.

Я уже не видел смысла притворяться спящим и громко "кхмкнул". Тем более что посетителем будет не мужик, а девушка, голос которой я недавно слышал.

Через секунду дверь распахнулась, и в комнату почти влетела девчушка, на вид лет пятнадцати. В коричневом платье, усыпанном заплатками, и такого же цвета колготами. Светлые волосы были собраны в прическу, как говорится, творческого беспорядка, что сразу дало понять о беспокойном характере юной гостьи. Тонкая, как тростинка, с большими голубыми глазами и... и наполовину изуродованным лицом.

Я старался не пялиться на сплошной шрам на пол-лица, на первый взгляд от огня, и смотреть только в глаза.

Девчушка сверкала белозубой улыбкой и излучала жизнерадостность. Я даже не пытался сдержаться и тоже улыбнулся в ответ. Не знаю, была ли это магия или еще что-то, но от нее исходили волны добра и весны, будто сама жизнь заскочила ко мне на чай.

– Здаро! – продолжая улыбаться, пропела она. – За буда!

Я кивнул. Нельзя было не кивнуть. Чтобы она ни говорила, это были не вопросы, а утверждения.

– Ге Леа, Синэлеадора! То пере Леа! – затараторила она, указывая на себя пальцем.

Намек понят, но я не знал, кто я, поэтому замотал головой.

– Хм, – сдвинула светлые брови на переносице девчушка, но потом снова засияла.

– Нон за ге шуй'ка?*** – спросила она меня.

(**Как ты себя чувствуешь?)

Я снова помотал головой.

– За на' знавед ге? – снова ткнула она в себя пальцем.

Я вздохнул и снова дал понять, что не понимаю ее. Леа помрачнела, но это продлилось так же долго, как удар молнии.

– Рода, – кивнула она, снова улыбнувшись. – За на' знавед йон ямен'а.***

(***Ладно, ты не понимаешь наш язык.)

Сказав это, Леа волнительно встала и выскочила из комнаты, не закрыв за собой двери. Я успел разглядеть часть другого помещения и приятно удивился, что там все выглядело более обжито чем место, где лежал я сейчас обитал: теплый желтый свет, черный мохнатый ковер на полу и край деревянного стола, с крепким на вид широким стулом, задвинутым под него. По-видимому, это был их дом, а не какая-нибудь лечебница.

Девушка так же быстро заскочила обратно, как и выскочила. В руках у нее было что-то похожее на доску для письма, размером с ноутбук, и чашка, судя по всему, с каким-то питьем. Только увидев чашку, я понял, что вообще не хотел пить и есть. Это было странно.

Она уселась на стул рядом с кроватью и, сосредоточившись, принялась что-то чертить на доске. Я разглядывал ее лицо, пока она не смотрела на меня, и кроме приобретенного уродства обратил внимание на странную форму ушей: они были вытянуты вверх и на конце немного заострены, как уши сказочных фей или эльфов. Заметив эту странность, я вспомнил лицо мужика и понял, что его уши выглядят так же.

Очередной раз удивившись увиденному, я задумался о том, что нахожусь в странном месте и видимое отсутствие техники, как и эта обжитая, но не по меркам Земли "изба", были лишь первым камешком в фундаменте этой истины.

Леа, видимо, дочертила то, что хотела, и повернула пись-

менную принадлежность. Странный предмет – внешне был похож на обычную нарезную доску, но с лицевой стороны я обнаружил белое полотно.

Светловолосая затейница схематично изобразила на нем двух людей, которые отличались наличием условной юбки, что, по-видимому, указывало на нее. Рядом с фигуркой были начертаны какие-то каракули, возможно, означающие ее имя. Я не идиот, хоть и с амнезией, и я прекрасно понял наше предполагаемое представление друг другу с первого раза, но я не помнил своего имени, а говорить что попало мне не хотелось. Разглядывая ее художество, я думала над тем, как себя обозвать. Начертить я свое имя, конечно же, не мог, но голос везде голос, нужно просто придумать что-то созвучное с их наречием.

– Каин, – ткнул я пальцем в схематичного себя, на волшебной доске. Не знаю почему, но в уме раздалось именно это имя. Имя первого убийцы из религиозного мифа.

– Леа, – указала она на доску, потом на себя и радостно заерзала на стуле.

Признаться, мне тоже было волнительно. Я придумал себе имя и разговаривал с девушкой, уши которой заявляли о ее принадлежности к одноименной расе мифических существ.

– Ге, – она снова ткнула в себя пальцем.

Я кивнул.

– За, – перевела стрелку на меня.

Я улыбнулся и повторил за ней:

– Ге, Каин. За, Леа.

Леа радостно хлопнула в ладоши и ее глаза загорелись. Она отложила доску и, удерживая подбородок, призадумалась.

– За Атлан? – решившись, спросила она.

Не понимая, что такое атлан, я махнул головой из стороны в сторону.

– Хм, – нахмурилась Леа. – За сак'хеди Атлан.

Вместе с этим, Леа обвела ладонями свою голову и фигурально тело.

Понятно, атланами здесь называют похожих на меня. Но я не знал, как выгляжу, и это создавало определенные неудобства. Вдруг я оказался в этом мире в теле какого-нибудь чудика. Внимательно оглядев свои руки, я решил, что остальное тело не может физически сильно отличаться от конечностей, по структуре кожи как минимум. Да и ощупывая свое лицо, я не заметил ничего странного, что не укладывалось бы в образ человека из моего мира, который был в моей памяти.

– Да, – кивнул я.

– Тер, – серьезно поправила меня Леа.

Она хотела было снова что-то сказать, но раздался звук удара закрывшейся двери. Девочка моментально схватила доску и, подорвавшись со стула, вылетела из комнаты, в этот раз не забыв прикрыть дверь.

Почувствовав слабость, я решил, что на сегодня хватит

умственной деятельности и, перевернувшись на бок, закрыл глаза. За дверьми басил мужской голос, перерывая тонкий девичий писк, но не скандальный, а скорее взволнованный. Видимо, отец просто отчитывал глупышку за своеволие. Я улыбнулся и от души зевнул, почти мгновенно начав засыпать...

Глава 4

Черпая из памяти все, связанное с понятием амнезии, я убеждался лишь в том, что ничего не могу с этим поделать. Какие-то детали складывались в целостную информацию, и я резко вспоминал что-то из земной жизни, но ничего связанного лично со мной. Это происходило спонтанно, и мне не удавалось найти в этом закономерность, так как все, что меня окружало, не вызывало абсолютно никаких ассоциаций. Может быть, это уже не первый раз, когда я пробуждаюсь и просто не помню этого? Не представляю, сколько времени я уже нахожусь здесь, и меня напрягает перспектива зависнуть в этом состоянии на годы.

Пожевывая кусок белого мяса, похожего на куриную грудку, я старательно держал тарелку у рта, чтобы не мусорить на постели. Не хотелось обременять моего лекаря еще сильнее. Проведя несколько дней в сознании, я успел понять, что за мной постоянно ухаживали, пока я был овощем, и подчищая все съестное, что мне приносили, я надеялся подняться на ноги как можно скорее. К слову, естественные нужды меня не тревожили, что было более чем странно, но в условиях

присутствия непонятных для меня умений и окружения, я все списал на удивительные лечебные практики этого мира.

Лея прибегала ко мне каждый раз, когда ее отец покидал дом. Указывая на разные предметы в комнате, она старательно произносила их название, а я вдумчиво повторял. К сожалению, Сорас, так звали целителя, не часто пропадал, и спонтанно начавшееся обучение продвигалось довольно медленно.

Запоминая лексику, я повторял названия в одиночестве, чтобы не забыть. Да и других занятий у меня не было, особенно по вечерам, когда дневной свет пропадал, и в комнатке эстафету моих спутников принимал мрак. Не знаю почему, но Сорас, видимо, считал, что я вижу в темноте. Или это намек на отдых, вместо ночных гляделок на какой-нибудь трепыхающийся огонек свечи.

Опустошив деревянную тарелку, я поставил ее на тумбочку и повторил название обоих предметов.

– Партиса, дуорчек.

Эх, поскорее бы уже выйти наружу.

Я снова улегся на подушку, и поглощенная пища дала о себе знать приятным, теплым комочком.

Для меня вопрос удивительных способностей мужика все еще оставался загадкой, так как я не мог напрямую спросить "что это такое". Он использовал свои умения так обыденно и просто, что у меня руки не поворачивались попытаться объяснить свой вопрос на пальцах. Я боялся, что буду выглядеть

слишком странно даже для не знающего языка больного, и от меня захотят избавиться от греха подальше. Нужно было сначала встать на ноги, чтобы в случае чего выжить, где бы я из-за последствий этого вопроса ни оказался.

– Рода (хорошо), – тихо сказал сам себе.

Завтра попробую нормально встать, чтобы Сорас сильно не пыхтел, разглядывая мои несчастные попытки.

Дверь резко открылась, и как по мановению волшебной палочки, в комнату вошел целитель. Почему целитель? Да потому что он каждый раз осматривает меня, как врач: цепко, молча, хладнокровно. Но я решил, что слова врач и лекарь не совсем подходят к моему окружению.

Сорас как всегда молча сел на стул и начал вдумчиво водить надо мной руками. Я продемонстрировал ему движение пальцев рук, и он, удовлетворенно кивнув, выдавил подобие улыбки.

– Рода. За кон’дар гинэ, – тепло сказал он и, поднявшись, собрался уходить, но остановившись возле двери, развернулся. – Леа, дорани за каис’та ямен’а. Ге т-тон. *

(*– Хорошо. Ты выздоравливаешь парень. Леа хочет тебя учить языку. Я разрешил.)

Я, конечно, ничего не понял, но спокойный голос не предвещал беды.

Оставшись в одиночестве, я приподнялся и повернулся к окну, чтобы разбавить картинку мира чем-то кроме потолка и стен. К сожалению, смотреть было особо не на что, так как

огромное дерево перекрывало почти весь вид. Здоровое, с серой потрескавшейся корой, оно выглядело так, будто вылезло из старинных мифов, в которых на вот таких вот исполинах селились лесные духи или еще какие-нибудь феи. За ним, иногда разбиваясь на пары, тянулись более мелкие представители местной флоры, заканчивая свой редкий бег стеной леса. Серое небо, к сожалению, не порадовало тонких струн моей души.

Разглядывая всю эту холодную красоту, мне стало не по себе, и завернувшись плотнее в одеяло, я поджал колени и попытался уснуть.

– Мареа, – прошептал я слово, обозначающее сон...

...

– Ге дорани готра, – сказал я Сорасу, стоя перед ним ровно и почти не колыхаясь.

Он придирчиво посмотрел на меня и нахмурил густые брови.

– Готра? – спросил он недоверчиво.

– Дэк! – уверенно подтвердил я.

Мне действительно надоело камнем лежать и жутко хотелось начать делать хоть что-то, кроме дыхания, питания и сна. Для начала, неплохо было бы получить разрешение от целителя на то, чтобы передвигаться по дому. Разумеется, я мог бы передвигаться по комнате, пока он не видит, но не хотелось испортить его лечение своим нетерпением. Он и так по непонятной для меня причине выходил меня и даже не

намекнул, что мне следует в скором времени покинуть этот дом.

– Хм, – Сорас окинул меня взглядом и кивнул. – Рода, за кон’дар. Ге т-тон за ат’о переса. **

(**– Хорошо, ты здоров. Я разрешаю тебе покидать комнату.)

На радостях я чуть не подпрыгнул, но удержался от бурной реакции. Все-таки борода не маленькая, а значит, я не могу вести себя как подросток. Да и споткнуться на месте, свалившись под ноги Сорасу, было бы верхом фиаско.

Целитель покинул комнату, и я спешно натянул выданные мне серые, из довольно плотной ткани, штаны и такого же цвета рубашку. К слову, материал, несмотря на плотность и неказистость пряжи, был удовлетворительно мягким и приятным на касание.

– Ктааа! – закричала девушка, врываясь в комнату.

Как всегда улыбчивая и жизнерадостная, Леа начала тараторить так быстро, что я не успевал различать паузы между словами, чтобы уловить хоть что-то.

– Тер, – улыбнулся я ей в ответ.

Эта девочка никогда не переставала раскидывать вокруг себя волны добра, не давая в ее присутствии замкнуться на своих проблемах. А если принять во внимание уродство ее ожогов, то становилось даже стыдно думать о себе много-страдальном. Амнезия – это плохо, но я жив, и мои конечности на месте.

А ведь могло оказаться иначе, если верить тому, что пыталась мне рассказать Леа.

За неделю, что я бодрствую, мне удалось запомнить приличное количество слов и начать потихоньку разговаривать. Более того, насколько я могу судить, их язык до ужаса простой, и его грамматику по сложности можно сравнить с шинглийским. Может быть, даже проще. Я заметил только временные склонения. Оставалось расширять лексикон и не тупить.

– Сон-на, готра те туоса! – потянула меня за руку непоседа.

– Рода, рода, – крикнул я сквозь смех.

Меня самого переполнял энтузиазм и предвкушение. Эта комната мне порядком осточертела, и хотелось выйти хоть куда-нибудь. Я не думал, что увижу за стенами дома что-то сверх того, что видел через окно или на Земле, но все равно был в предвкушении. Ведь перед моими глазами предстанет другой мир.

Раскручивая голову как юлу, по ходу продвижения к двери, я рассматривал остальной дом Гостиня была приличных размеров с высоким потолком и несколькими квадратными окнами. Отделка была не лучше выделенной мне берлоги, но украшения в виде разных картин и каких-то ручных поделок безусловно добавляли изюминку и радовали глаз. В центре находился большой квадратный обеденный стол, из темного дерева, на ровных ножках. У противоположной от входной

двери стены стоял широкий шкаф с посудой. Привлек внимание большой пылающий камин и пара кресел рядом, видимо, для вечерних историй перед сном.

Поймав что-то, напоминающее пальто, я накинул теплую вещьцу на плечи и вывалился в предбанник следом за Леа, где нас ждала уличная обувь.

Я оглядел местную природу и поразился ее обычности. Те же деревья, та же трава. Ветер, трепещущий волосы и нороящий пробраться под пальто. Запах растений и звуки хлопающих крыльев. Два еле заметных круглых спутника и... Стоп!

Два спутника?

А вот это уже было интересно. В небе при дневном свете мутно виднелись да спутника. Один был размером с солнце в период перигелия, а другой в несколько раз больше. Картина складывалась невероятная: светило с одной стороны и два огромных блина с другой. В голове пронеслись кадры из фантастических фильмов, где высадившиеся на неизведанной планете люди поражаются необъятной и грандиозной картиной.

– Ко, т-те и за, Каин? – услышал я взволнованный голос Леа.

– Кен'а, Леа, – улыбнулся ей. – Кшоти эна на'ра руоса.***

(*** – Эй, что с тобой, Каин?)

– Ничего, Леа. Просто давно не был снаружи.)

Я и правда очень давно не был на открытом пространстве.

Особенно, учитывая то, что потеря памяти, судя по всему, вырезала львиную долю ближайших лет моей жизни, оставив лишь клочки воспоминаний. Было приятно вдохнуть свежий воздух и всмотреться дальше, чем находится стена комнаты или граница оконного обзора.

Но это все было ничем, по сравнению с видом на огромные спутники. По крайней мере, для меня. Тем не менее, девочке было незачем об этом знать.

Внимательнее осмотрев местность вокруг дома, я понял, что здание находится на широкой вырубленной поляне, усыпанной не выкорчеванными пнями. Что ж, возможно, я нашел себе фронт работы. Надо ведь как-то начинать благодарить этих людей.

От двери в сторону леса бежала утоптанная дорожка, врезающаяся в лес и раздвигая его плотный строй, как Борисей разделил море. Никаких ограждений, заборов или ворот. Лишь пустое вырубленное пространство, окутанное морем деревьев. Подойдя ближе к живой стене, я понял, что толстяк за моим окном не такой уж и толстяк, а обычная местная растительность.

Все это время Леа молча шла рядом со мной и, поглядывая на мою выразительную реакцию, довольно улыбалась.

– Нарит'а? – спросила она негромко.

– Тер, – ответил я в тон.

И я не солгал, мне действительно нравилось находиться здесь. В моей памяти было достаточно воспоминаний об уви-

денных мною фотографиях с такими уютными и дикими видами. Но к сожалению, городскому жителю почти не суждено выбраться и остаться навсегда в такой местности. И дело не в отсутствии физической возможности или финансах, а в банальном комфорте и досуге. Поэтому когда человек оказывается в безвыходной ситуации и вынужден уединиться в подобном месте, часто бывает так, что он подсознательно этому рад. Если, конечно, сложная ситуация не сопрягается с опасностью для жизни.

Я же сейчас в предельно безвыходной ситуации, так что получать удовольствие вполне приемлемо.

– Дорани с’каер туар-а инус’ат?**** – спросила Леа, демонстрируя белые зубки.

– Тер, некоро.

(**** – Хочешь, покажу кое-что интересное?)

– Да, конечно.)

Леа повернула ладони к небу и, что-то быстро шепнув, свела их вместе. В этот момент я увидел, как от ее рук отделилась почти незримая искажающая воздух волна и, в мгновение ока ударив по деревьям впереди нас, подняла к небу массивную тучу разноцветных листьев. Но я не увидел, как буквально волшебный листопад осыпал деревья, я смотрел на руки Леа, и мое сердце трепетало как у влюбленного подростка.

Вот она, магия?

Глава 5

– Мало! – выкрикнул я, оторвавшись от подушки.

Меня трясло и заливало потом. Казалось, произошло что-то ужасное и бесповоротное. Хотелось убежать, спрятаться, повернуть время вспять.

Дурной сон испарился из памяти, как выпущенная из лука стрела. Тяжело выдохнув, я лег на подушку и, пытаясь удержать крупицы сумасшествия, которое преподнес мне разум, ломал голову добрых полчаса, но ничего. Пусто.

– Что ж, видимо, еще не время.

Последние дни мне часто снилось что-то жуткое, но я не мог вспомнить ни деталей, ни общей картины. Все, что мне оставалось, это страх, тягучая пустота и сожаление, которым я не мог найти четкого объяснения.

Отбросив попытку что-то вспомнить, я повернулся на бок и постарался уснуть. Впереди ждал новый день, и я не хотел чувствовать себя тухлым овощем, когда Леа будет смеяться с моих потуг натянуть тетиву.

Я решил, что новому миру новый я, а значит нужно научиться чему-то, что будет более актуально, чем мои лингвистические навыки. Да и кунг-фу не поможет поймать вкусный ужин.

Свою боевую подготовку я оценил, когда окончательно пришел в себя и начал приводить мышцы в норму. Слабый и тощий я не нравился себе.

Делая разминку, я обнаружил, что тело машинально выполняет строгий порядок движений, которые можно срав-

нить с тренировками воинов из Чинайских боевиков. Опробовав навыки на привязанной к дереву подушке, я убедился, что мне не показалось. Движения будто сами вырисовывались в моем сознании, несмотря на то, что я не мог даже вспомнить, как называется это размахивание конечностями.

Нужно было спать, но как всегда в таких ситуациях, господин Морфей отворачивал от меня свой туманный лик и предоставлял самому себе.

Я зажег выделенную мне масляную лампу, и уставился в потолок.

После моего выхода наружу многое изменилось. Занятия с Леа встали на поток, и я уже мог спокойно объяснить, где стоит тарелка или назвать части тела. Ввиду этого прогресса, я узнал, где и как меня нашли, а так же сколько я пролежал без сознания на этой самой койке. Без малого тридцать дней я мертвым грузом висел на плечах этих людей. Но самым странным оказалось то, что физически я был здоров уже на вторые сутки после моего обнаружения, даже отгрызенные пальцы вернулись на место. Леа сказала, что на меня было страшно смотреть после работы сероволков, и даже Сорас не был уверен, что удержит меня в мире живых. Но удержал.

Это поражало. Нет, не то, что я был на грани смерти, ведь я этого не помню. Поражала работа чар Сораса, ведь физическое восстановление конечностей за сутки, да еще и с органами в придачу – это блаженный сон любого жителя Земли. Части моего тела буквально нарастили. Одновременно с

этим, меня беспокоило наше местоположение и отшельнический образ жизни целителя. Кто же бродит по этому миру, если такой остроухий чудотворец живет в глуши, окруженной деревьями?

К сожалению, я еще не мог понять туманные объяснения по поводу работы чар, так как сложно найти примеры, на которые можно ткнуть пальцем, а закорючки, которые Леа назвала общей письменностью, мне никак не давались, что усложняло процесс. Но обозвать это магией было самым простым решением.

К слову, язык, на котором мы общались, также общий.

Как я понял из наших с Леа разговоров – я атлан, и это, в придачу к заостренным ушам девушки и ее отца, говорило о разнообразии разумных существ в этом мире. Как минимум мой слух уловил еще два слова, которые я определил как названия рас: фойре и грендар.

Несмотря на заботу и терпение, которое проявили мои спасители, я опасался открыто расспрашивать об обитателях этого мира, его истории и, самое важное, о магии. Мне было комфортнее позиционировать себя не знающим языка атланом, который потерял память о произошедшей трагедии, и я не представлял, что будет, когда я попытаюсь объяснить свое происхождение.

– Надо спать, – пробубнил я себе.

Подгребая одеяло, мой взгляд уловил темное пятно на простыне. Я сначала не придавал этому значения, но пролежав

с полминуты, пытаясь уснуть, меня словно ударила молния. Подорвавшись, я соскочил с кровати и, схватив лампу, приклеился глазами к своей находке.

Темно-коричневое пятно, как если бы к простыни прижали разогретое железо, выделялось так же четко, как припаленный сигаретой белый лист. Только его форма была отпечатком моих скрюченных пальцев.

По-видимому, мой сон был настолько волшебным, что я от ужаса прижег горячей рукой плотную ткань.

Воодушевившись проявившимися способностями, я часто задышал и хотел было направиться к Сорасу, но одернул себя. Спина покрылась потом, а сердце разогналось аки резвый жеребец на выгуле, отбивая ритм по внутренней части груди.

– Неужели это мои чары? – спросил я у простыни дрожащим голосом.

Вдох. Выдох.

Мне нужно было срочно придумать логичный способ оправдать свои расспросы о магии или, лучше всего, ее полное непонимание. Но какой?

Промучившись пару часов, я решил, что если Сорас не излечил мою амнезию, его магия не действует на мышление. Значит, есть шанс, что он может не знать, как именно работает потеря памяти. Мог ли я выборочно потерять память о магии, но не забыть свое имя? Теоретически, мог. Но будет ли для него достаточно этого объяснения, вот в чем вопрос.

Та простота, с которой они творят магию, уже давно вышибла возможность округлять глаза при каждой возможности, и пора было исправлять это дело. Или хотя бы оправдать.

Конечно, было неприятно обманывать Леа, ведь девочка так добра и открыта, что сложно представить себе ее с факелом в руках, отмахивающейся от меня, как от прокаженного. Да и вообще, отец с дочерью проявили невиданную для меня заботу, безвозмездно исцелив и занимаясь моей реабилитацией. Но вариантов не так много.

Заучив, как мантру, слезливое обращение к целителю, я все-таки заставил себя уснуть.

...

– Сорас, прости, что скрыл это, но я забыл не только о том, что со мной случилось.

Целитель нахмурил тяжелые брови, и его вены на лбу вздулись.

– Видишь ли, я совсем недавно это понял. Но кажется, я не могу вспомнить ничегошеньки о магии, – пропел я.

– Маг'хи? Что это такое, Са-арг тебя забери? – спросил недовольно Сорас, закидывая зайца-рогача в сумку.

Я начал сомневаться в своем решении подойти к этому разговору во время охоты и неуверенно объяснил:

– Ну, это когда ты лечишь или Леа создает ветер.

– Хм, ты имеешь в виду эйк'таш? – удивленно спросил он и провел ладонью над моей грудью.

Я почувствовал тепло и кивнул.

– Маг’хи...Странное слово, Атлан. Ты вообще странный, – задумчиво сказал он, поправив очки.

Я напрягся, но старался выглядеть спокойным и наивным.

– Ну, там, откуда я родом, мы иногда называем эйк’таш магией. Это не слишком распространено на Фариде.

– О как.

Он резко пригнулся, и я последовал его примеру. Впереди мелькнула белая шерсть рогача, и я затаил дыхание.

Никак не привыкну к охоте.

Сорас передал мне лук и указал на замершего пушистика.

Я молча натянул тетиву и, прицелившись, выпустил стрелу. Она прошла над головой белого рогача, естественно, спугнув его.

Целитель проворчал себе под нос что-то про Са-арга и, хлопнув меня по плечу, сказал:

– Ничего, скоро научишься.

– Научусь, – подтвердил я уверенным тоном.

Подойдя к месту, где сидел предполагаемый ужин, я подобрал стрелу и закинул ее в запасной колчан.

Лес вокруг шумел и трещал без умолку, а запах зелени и влаги заставлял ноздри чесаться. Солнечные лучи, пробиваясь через плотно раскинувшиеся кроны, создавали атмосферу волшебства и спокойствия. Мне нравилось быть в этом лесу.

– Так вот, – негромко сказал я, догнав целителя. – Я поче-

му-то не могу вспомнить ничего об эйк'таш, словно из меня вынули это знание.

Сорас сузил взгляд, всматриваясь между деревьями и, видимо, ничего не заметив, сказал:

– Я не знаю, как тебе помочь с этим Каин. Покажи мне, где нарастить мясо, кости и ткань – я сделаю это, если хватит моих способностей, но разум для меня загадка. На Фариде нет таких практиков. На это способны только Шиадан.

Видимо, я слишком заметно скривился от очередного незнакомого слова, что Сорас сжалился надо мной и, не дожидаясь вопроса, пояснил:

– Шиадан – это высшие маги. Те, кто стоит рядом с правителями.

– Ясно. Но если это не исправить маги... эйк'таш, может быть, ты сможешь научить меня заново? – наглости моей не было предела.

Криво ухмыльнувшись, Сорас сказал:

– Хах. Этому нельзя научить Каин. Для этого нужно золото!

Я переспросил тупо:

– Золото?

– Ох, ну и повредило же тебя мальчик, – жалостливо потрепал он меня по плечу.

На какое-то время мы стихли, так как Сорас увидел рога-ча. Подобравшись немного ближе, он снова передал мне лук и кивнул.

Я натянул тетиву и, задержав дыхание, отпустил стрелу. Та со свистом пульнула вперед и, пролетев плюс-минус сотню шагов, пробила тонкую шкуру рогача.

– Вот так, парень, – удовлетворенно кивнул Сорас.

Я почувствовал себя непомерно мерзко, выдумывая истории про потерю знаний о магии и притворяясь в целом. Во мне была почти стопроцентная уверенность, что этот человек не отвернулся бы, узнай, что я, мягко говоря, не местный. Но все равно не мог открыто все рассказать.

– На сегодня хватит, – закинув третьего рогача в мешок, задумчиво сказал целитель. – Пора возвращаться.

И я не был против.

– Сорас, что на счет эйк'таш?

Целитель скривился:

– Ай, Каин, прекрати издеваться над древним словом! Говори лучше это, как его "маг'хи". Твой акцент ужасен.

Я весело улыбнулся:

– Что поделать, старик, что поделать...

– Я не старик! – прищурился он.

– Нет, не старик, но реагируешь как старик! Ума не приложу, откуда у тебя такая юная дочь, – театрально задумался я.

Сорас фыркнул и снисходительно сказал:

– Эх, мальчик, видимо память тебя подвела со всех сторон. Но я не стану рассказывать, как появляются дети!

– Ну, спасибо, – вяло улыбнулся я, чуть не споткнувшись

О камень.

Целитель посерьезнел:

– А на счет эйк’таш разберемся. Думаю, дочка будет рада поводу рассказать что-нибудь.

Глава 6

– Хм-м, – приложила палец к подбородку Леа. – С чего бы начать...

– Ну, для начала, расскажи, как работает магия.

Я и Леа сидели на скамье у двери и потягивали травяной чай. Как и ожидалось, девочка была предельно рада просветить меня и после обеда сразу же потащила на улицу.

– Как работает... Странно, я никогда не задумывалась, как она работает, – глядя в небо, сказала Леа. – Ты просто думаешь про структуру, и она активизируется.

– Структуру? – мои брови подскочили.

Леа кивнула:

– Ага. Так эльфы изначально называли заклинания.

– Но твой отец сказал, что для этого нужно золото.

– Золото нужно не на структуры, глупый, а на плету, – заважничала она, подняв палец. – А для сотворения, нужна к’ташу.

– К’ташу, – повторил я.

Леа улыбнулась и продолжила:

– К’ташу – это тесто для структур, материал для сотворения. Без к’ташу – нет магии.

Я решил, что так они называют ману, которая, помимо игр и книг, в мифах какого-то народа, насколько я помню, означала то ли удачу, то ли благосклонность божеств.

– Чтобы получить структуру, нужно купить плету, – обыденно сказала Леа.

– Что такое "плету"?

– Плету... Хм, это как моя письменная скрижаль, только тонкая и мягкая.

Значит, будет свитком.

– Принято. И что же происходит дальше? – спросил я.

Сделав последний глоток, Леа поставила чашку рядом с собой и вытянула вперед руку.

– Дальше ты читаешь свиток и понимаешь структуру. Потом думаешь о ней, структура формируется, и ты можешь сделать, что пожелаешь.

Над ладонью девочки мгновенно проявился полупрозрачный шар размером с футбольный мяч. Она покрутила его и швырнула в сторону леса. Через шагов десять я перестал его видеть, и лишь когда он добрался до деревьев, заметил еле видимое колыхание листьев.

– И что же, кроме свитков структуры никак не выучить? – разочарованно спросил я.

Леа вздохнула и грустно сказала:

– Нет, Каин. Это опасно.

– Опасно?

– Мы разве не учили с тобой слово "опасность"? – удиви-

лась она.

Я запыхтел.

– Я не об этом, – терпеливо начал объяснять, – почему опасно?

– Если пытаться создавать структуры без свитка, ты можешь погибнуть. Мало того, погибнуть могут все, кто окружает тебя в этот момент, – сказала она поучительно. – Очень многие сгорели от отдачи, пытаясь сделать это сами.

– Но как тогда создаются свитки? – резонно спросил я.

Леа поерзала на скамье и недовольно сказала:

– Их создают Шиадан, архимаги. Для других на это знание наложен запрет.

После слов о запрете, я предвкушал пару половников дегтя в мире, где магией можно восстановить вырванное сердце.

– И для чего наложено это ограничение? – машинально спросил я, почесав бороду.

– Это долгая история, – услышался бас Сораса от входной двери.

Я повернулся к нему:

– А если вкратце?

Сорас поправил жилет и присел на корточки.

– В кранце? Ладно. Тысячу лет назад могущественные маги, соревнуясь в силе, уничтожали целые города. Даже планеты были под угрозой. Собравшись вместе, разумные смогли избавить наш мир от этих безумцев. Впоследствии в обжитых уголках сок'ариа, куда простираются руки таодан,

установили закон о предании забвению искусства создания структур. С тех пор никто кроме Шиадан не владеет сотворением без свитков, – безэмоционально проговорил целитель на одном дыхании.

– Что значит сок'ариа?

– Великая пустота, которую ты видишь на ночном небе, – моментально ответила Леа, будто готовилась к моему вопросу.

Они имеют в виду космос? Вселенную?

Я постарался не ронять челюсть и сейчас еле сдерживался, чтобы не начать спрашивать об этом. Это было бы слишком. Я и так слишком много свалил на амнезию.

– Достаточно кратко? – ухмыльнулся Сорас.

– Ага, – ответил я как можно спокойнее, но внутри все гудело. – И где же покупать эти свитки? Они дорогие?

– Структуры то? Малые не очень, а на всё, что выше малых, простым смертным придется горбатиться полжизни.

– Понятно... – протянул я, думая совсем не о свитках, а про обжитую вселенную.

– Кстати, Каин, – ожила Леа, – мне вот интересно, какими структурами ты владеешь. Ты еще ни разу не показывал свои умения.

Я натянуто улыбнулся и постарался ответить как можно безопаснее:

– Я уже говорил Сорасу, что не помню магию. К сожалению, это относится ко всему, что с ней связано. Поэтому,

болтушка, твоему языку сегодня будет работа.

Посмотрев на довольно улыбающуюся Леа, я подумал о том, что скрывается за ее жутким шрамом. Почему Сорас не вылечил его магией? Я не хотел поднимать неприятные темы ради своего интереса, поэтому мне оставалось только гадать или ждать откровений.

– Тогда давай после стрельбы я расскажу тебе все кааак можно подробнее. Всё, что знаю. Но с условием: если ты меня перебеешь! – предложила чертовка.

Сорас хрюкнул, забавляясь заведомо нечестной сделкой.

– Но Леа, я ведь лук пару недель в руках держу, а ты с детства! Как я тебя перебею? – абсолютно честно возмутился я.

Я действительно сомневался, что это случится в ближай-шие годы. Тем не менее, девочка все равно всё расскажет, ей лишь бы поболтать.

– Ну, если проиграешь, тогда с тебя одно желание! – под-няла она палец.

Сорас заступился за меня:

– Если? Леа, не мучай парня, он ведь не помнит ничего.

– Ну и что! Зато будет мотивация стараться получше, чем обычно! – хихикнула девчушка.

На том и порешили...

Я завалился на кровать и, закинув ногу на ногу, думал о планетах и вселенной. Земная технология была достаточно развита, чтобы видеть, но не посещать. Мысли наполнились

кучей безумных фантазий и теорий, но всех их перекрывал один вопрос: если этот магический мир вышел за пределы этой планеты, то почему мы сидим в избе посреди леса?

Этот дом абсолютно обычный без каких-либо намеков на технологию. К тому же, фраза "обжитая вселенная" подразумевает перелеты на сотни световых лет. Это корабли, сверхсветовая скорость, какие-нибудь "кротовые норы" или ретрансляторы.

В моем представлении космическая цивилизация должна быть совсем иной: летательные аппараты у каждого разумного, принтеры еды, видеосвязь, какие-никакие андроиды...

Я же возлегал на обычной деревянной кровати с пуховым постельным бельем. Носил привычные, на мой взгляд, брюки из натуральной ткани, похожей на местный лён, и ел из деревянной посуды приготовленную мной же пищу.

– Ничего не понимаю, – перевернулся я на бок.

А еще магия.

Когда я закончил мучить лук, Леа, как и ожидалось, все равно поведала мне всё, что знает о работе чар и известных ограничениях.

Из ее слов получалось, что вселенную наполняет некая изначальная субстанция "Кель", которую я для себя прозвал Эфиром. Кель (или Эфир), проходя сквозь живых существ, оставляет в них ману. Эта мана и воздействует на реальность, представляя из себя материал, имитирующий любые процессы и структуры доступные пониманию разумных.

И это не все. Издавна известно, что в каждом существе есть Сосуд, который и является как бы фильтром Кель. Этот Сосуд нельзя увидеть глазом или почувствовать маной. Он дает разумному возможность прикоснуться к возможностям Кель через ману, но также и ограничивает доступ к полному объему доступного материала. Эти ограничения называют замками. Несмотря на то, что замки можно "снять", никто не знает, почему так происходит и для чего стоит ограничение, но так есть и так было всегда.

"Избавляясь от замков, твой Сосуд развивается", – продекламировала Леа поучительно.

Разумные условно поделили ступени развития Сосуда на пять уровней: Белый, Желтый, Синий, Красный и Черный. Конечно, цвета условные, ведь неизвестно как в действительности может выглядеть Сосуд. Да и не нужно это простым смертным, их сила зиждется на свитках.

При рождении Сосуд каждого разумного может иметь разные ступени. Зачастую это Белые, реже Желтые. Синие – безумная удача. Ну, а рождаются ли выше ни Леа, ни старик не знали. Так же, часто бывает так, что сам Сосуд имеет ограничение в эволюции. Предел развития.

"Допустим, ты родился Желтым, но стать можешь только Синим или максимум Красным", – объяснила Леа, поигрывая ветряной сферой в руке.

На мой вопрос о способе развития Сосуда, ответом снова были вездесущие "свитки".

"Видишь ли, Каин, Сосуд не отдает нам всю ману. Один Са-арг знает почему, – периодически давал о себе знать Сорас. – То ли оберегает, то ли жадничает. А для того, чтобы поднимать ступени, его нужно как раз-таки полностью обнулять.

Шиадан создают свитки, способные обнулить Сосуд, но и здесь не все просто. Если ты родился с первой ступенью, обнуления тебе не видать, как своего затылка. Шиадан не делают свитки для первой ступени, оправдываясь тем, что это слишком опасно и требует контроль высшего мага как минимум четвертой ступени.

Очень похоже на продажу кислорода.

Как я понял, в этой вселенной магия – естественная часть всех живых существ, и ее ограничение, лично для меня, выглядело как абсолютно искусственная помеха для разведения серой массы. В связи с этим, я задал резонный вопрос о будущем разумных с первой ступенью Сосуда.

"А нет никакого будущего, Каин. Первая ступень – приговор, – спокойно ответил Сорас. – Если ты Белый, ты никто и звать тебя никак".

Получалось, что если я окажусь Белым, то мне не видать настоящей магии, и мой удел быть простым работягой на деревне.

Конечно, теоретически, Белые могли бы высвободить доступную ману и пользоваться магией, но для этого нужны свитки. Слабые структуры мог позволить себе почти каж-

дый, и в принципе, так и получается, но дальше – только развитие. Само же разнообразие структур, для первой ступени, заканчивается чуть ли не над двух видах, и судя по пренебрежению, с которым об этом упомянула Леа, самыми полезными Белыми могут быть только огненные маги, разжигающие костер.

Так же, Сосуд "определяет" какую особенность будет иметь твоя мана.

Насколько я понял, разумные не могут в равной степени влиять на все подряд, ограничиваясь в первую очередь дарованными свойствами маны. По сему, кто-то рождается магом стихий, крови, тверди, кто-то целителем, а мана некоторых может разрушать созданные структуры. Желтый маг воды, допустим, может создать структуру огня, выучив соответствующий свиток, но эта структура будет в лучшем случае пламенем свечи.

Но как бы то ни было, все структуры и умения замыкаются на свитках. Никто, кроме Шиадан, не знает, по какому принципу создаются структуры, а те, кто пытается понять, либо умирают от Отдачи, либо сходят с ума.

Глава 7

На своем примере Сорас пояснил, что, будучи Желтым, знает достаточно структур, чтобы в течение суток вернуть пострадавшему пальцы, стянуть глубокие раны или нарастить двадцать процентов поврежденного органа. А тот же Белый после изучения свитка способен только исцелить поре-

зы – на большее не хватит как маны, так и ее насыщенности. Сутки, кстати, это сильнейшее ограничение для исцеления. Всё, что пролежало поврежденным больше суток – не восстанавливается.

Насыщенность маны это еще одна деталь, которая меня смутила. Получалось, что даже если у тебя на руках будет сильная структура, и ты, будучи Белым, каким-то чудом выклянчишь у Сосуда на нее ману, ее концентрированности не хватит для сотворения. К тому же, при попытке тебя может убить отдача.

Отдача весьма неприятная штука, которая приветствует тебя с распростертыми объятиями каждый раз, когда ты решаешь создать структуру без изучения свитка. Леа и Сорасу не было известно, как она работает и почему накрывает только магов испытателей, но для смельчаков смерть от отдачи – закономерный исход.

Было интересно услышать о магах крови. Из рассказа было ясно, что эти ребята весьма жуткие и неприветливые, ведь они создают из крови мертвых, которые сражаются за них. С кислым лицом Леа сказала, что создать можно только тех, кто уже мертв и кого маг помнит.

Маги тверди создают структуры из металла или любой породы. Зависит от выученного свитка. Так же, они могут облачать себя в твердую броню.

Что касается стихийников, то здесь все просто: разряды молний, огненные сферы, ветряные смерчи и все в этом духе.

К сожалению, мои спасители знали и видели не так много, чтобы провести полный ликбез по чарам и их вариациям, ну или Сорас просто не хотел рассказывать. Я же в свою очередь не понимал, что нужно спрашивать, и оставил это дело на потом, когда обмозгую уже имеющиеся данные.

Я тяжело вздохнул, вспоминая разговор, и скосил глаза на темный, оставленный моей рукой, отпечаток на простыне.

Маги разрушители единственные, кому не нужны свитки для физического проявления своего умения. Но это касается только ослабления. Теоретически, если я все-таки маг разрушения, мне удалось бы ослабить любую структуру, но все упирается в затраты маны и, соответственно, степень развития Сосуда.

В этом мире разумные исчисляют ману в "феррах". На любое проявление магии ты тратишь энное количество фер, а магам разрушения необходимо затратить фер больше, чем затрачено на структуру. Получается, Белый маг может ослабить только самую слабую структуру как магическую, так и природную.

Я поднялся и снова уселся рядом с темно-коричневым отпечатком. Не хотелось даже думать о том, что я могу оказаться на первой ступени, а без особого прибора этого никак не узнать. Сорас и Леа не обладали этим механизмом, который по их описанию напомнил мне шар гадалки.

С одной стороны, опасно идти к людям, которые могут прочесть тебя. С другой, если каким-то образом заработаю

золото на свиток обнуления, то могу тупо себя погубить.

Пытаясь понять, как я высвободил ману на ослабление структуры этой тряпки, я положил руку и проговорил всевозможные, значащие разрушение слова, на известных мне языках. Пытался представить, как плавится и сгорает ткань, как моя рука нагревается докрасна и прожигает в простыне дыру.

И ничего.

Думая об этом, я вспомнил, что мои способности пробудили эмоции во время сна, но Леа и Сорас ничего не говорили о связи эмоций и магии.

Огонек в лампе дрогнул, и я, встрепенувшись, поднялся закрыть окно. Здесь странный климат. Днем бывает очень жарко, а по ночам очень холодно. Ветер, пробираясь на поляну, где стоит дом, очень даже неприятное явление, особенно по ночам.

Прикрыв форточку, я поставил лампу на стол и, укутавшись потуже, закрыл глаза. Очень хотелось творить магию, но нужны знания и деньги. Уж не знаю, как Шиадан создают свитки, но если они могут, значит, должны мочь и другие. Они ведь как-то достигли своих ступеней, понимая суть сотворения структур, не лишившись во всех смыслах головы от отдачи? Смогли. Значит, и я должен смочь.

С этими мыслями я погрузился в сон. Рано утром охота, потом тренировка с луком. Нужно отдохнуть.

...

Разбудили меня мужские голоса. Не только бас Сораса. Я медленно поднялся с постели, натянул одежду и высунулся из двери. До сих пор в этом мире я видел только двоих разумных, которых я решил прозвать эльфами, но по рассказам Леа, выходило, что разумных видов четыре.

– А я говорю – тридцать! – хмурился Сорас.

Напротив него за столом сидел смуглый мужик, и мой взгляд сразу же приковался к его мохнатым ушам. Они торчали немного в стороны и отличались от эльфийских, больше напоминая звериные. Оторвавшись от странного зрелища, я обратил внимание на его ручищи с длинными когтями и внушительным шерстяным покровом. Именно шерстяным, а не густыми волосами.

Голова была увенчала широкополой коричневой шляпой, в поля которой упирались уши, и выбивающимися из-под нее черной шевелюрой. Легкая куртка из такого же цвета кожи и рядом со стулом, где он сидел, здоровый вещевого мешок.

В общем, недолго думая, я нарек его зверолодом.

– Сорас, ты ведь знаешь, что я не могу дать больше, – скривился собеседник целителя. – Шкуры рогачей не так ценны, как тех же лис и черного вепря.

Целитель недовольно вспомнил Са-арга и сказал:

– Когда это предпочтения на мягкий белый мех успели измениться?

– Давно, Сорас, давно. Ты просто не выходишь из своей

берлоги в большой мир, вот и не знаешь ничего, – спокойно ответил зверолод.

Его акцент был необычным: тягучим и выделяющим шипящие. При произношении некоторых звуков, обнажались непривычно длинные нижние клыки.

– Да что я там не видал в вашем большом мире, особенно у жадных атланов, – недовольно проронил целитель.

Клыкастый сказал, ухмыляясь:

– У атланов, к которым ты сбежал от своих.

– Ай, Ройан, – махнул Сорас. – Был бы выбор.

– Вот именно, Сорас, выбор не всегда есть. Как и сейчас с твоим товаром, – пододвинул горстку желтых монет к целителю Ройан.

Забавная была картина, что важнее, информативная.

Сорас покачал головой:

– Фойре, вы иногда ничем не отличаетесь от атланов.

– Я один такой, целитель, на всю Фариду, – довольно скалился Ройан, наблюдая, как собеседник принял монеты.

Сделка завершилась, и я решил дать о себе знать слегка кашлянув. Оба повернулись ко мне, и на лице Ройана застыло удивление.

– Это Каин, – небрежно указал на меня целитель

Я подумал, что не знаю, как здесь здороваются при знакомстве и застыл истуканом.

– И ты мне здесь про атланов рассказывал? – поднял бровь Ройан.

– Ай, это другой случай, – отмахнулся Сорас.

Брови Ройана взлетели еще выше:

– И какой же?

– Тебе то что?

– Да просто так, – прищурился Ройан.

Сорас ухмыльнулся по-доброму:

– Просто так даже шкуры рогачей нынче не продашь!

– Да что ты со своими рогачами, в самом деле! – театрально заворчал фойре.

– Ай, – махнул рукой Сорас. – С Леа нашли мальчишку в лесу, когда сероволки от него уже по кусочку откромсали.

Ройан спросил, передернув плечами:

– Ууу! Сочувствую. Больно было?

– Не помнит он, – ответил за меня целитель. – Память отшибло, бедолаге.

– Говорить он тоже забыл как?

– Да нет, помню, – подал я голос. – Просто после травмы проблемы с социализацией.

– Сос...соц...с чем? – скривился фойре смакуя, видимо, непонятное словечко.

Сойрас довольно хрюкнул:

– Эт, наверное, на атланском, я их язык тоже не понимаю.

– Да я, как раз таки, немного понимаю, но такое, эм-м, причудливое, слышу впервые, – почесал затылок Ройан.

– Ай, я уже давно перестал удивляться. Кстати, – повернулся он ко мне, – тебе, Каин, сегодня будет поручение.

– М? – удивился я неожиданности.

– Пойдешь с Ройаном в Пантоа, ближайшую деревню. Там у бакалейщика нужно кое-что прикупить. Я напишу список.

– Эм, Сорас, я не понимаю ваши закорючки, – напомнил я.

Он поправил очки и сказал поучительно:

– Не закорючки, а общее письмо. Это, между прочим, одно из важнейших достижений разумных! В частности эйнфейлен! Мои предки изобрели его, чтобы сблизить нас и позволить понимать друг друга.

– Ладно, Сорас. Но все же будет лучше, если ты скажешь, а я сам запишу, – предложил я аккуратно. Не хватало еще, чтобы Ройан понимал письмо атланов и решил сравнить.

– Ладно, – отмахнулся целитель. – Но я все равно не понимаю, как ты умудрился не выучить общий, когда его с самых яслей в головы вливают.

Я вздохнул и развел руки.

– Не помню. Хоть убей, не помню.

– Не надо тут убивать, я тебя и так на этом берегу еле удержал. А то давно бы уже в чертогах вашей Марэ почивал.

– И я безмерно благодарен тебе за этот дар, целитель, – уважительно сказал я.

Он небрежно махнул рукой и повернулся к фойре.

– В общем, прихватишь его с собой, Ройан? Он не будет мешать, просто дороги не знает.

– Ну, если мешать не будет, прихвачу, что уж, – кивнул

тот.

– Когда выходим? – спросил я.

– Я с милашкой Леа еще не поздоровался, да и поесть тебе нужно. Путь не близкий. Где это она прячется, кстати? – спросил фойре и глянул в сторону комнаты Леа.

– Да спит еще, – проворчал целитель. – Я как мальчишку на охоту брать стал, так она моду взяла до обеда из постели не вылезать. Надо бы исправить это дело.

Ройан расхохотался, хлопнув себя по груди:

– Ну, девочка у тебя не промах! Нашла, где выиграть!

– Ай. Ладно уж. В общем, Каин, давай поешь, и мы составим список.

Я кивнул и пошел умываться.

К слову, бумага у них тоже нашлась, а та скрижаль, которую притащила Леа, что-то типа домашнего магического блокнота. Для экономии.

Я еще не совсем понял, как у них совмещается магия и техника, но по-видимому, это какой-то симбиоз. На ум пришли образы фэнтезийного стимпанка, вот только они еще и в космос летают.

Пока я разогревал завтрак, из комнаты вышла Леа и, моментально покрасневшись, убежала обратно, чтобы потом появиться уже не в ночнушке, а в своем любимом темно-синем платье по колено и высоких черных чулках.

Они с Ройаном весело щебетали, как старые приятели, и было заметно, что фойре не притворяется в своем веселье.

Он смотрел на Леа нежно и по-отечески. Хотя, кто я такой, чтобы разбираться в мимике впервые увиденного существа. Если уж Сорас спокоен, я и подавно...

...

– Каин, не задерживайся, ладно? – пропищала нам вслед Леа.

Мы с фойре подошли к границе леса, куда я до сих пор ходил только с целителем.

– Постараюсь! – крикнул я в ответ, обернувшись и помахав рукой, догнал фойре.

Глава 8

Лес Гора, в котором ютилась хижина Сораса, на юге граничил с морем Трёх, и если бы я захотел увидеть местный водный мир, мне достаточно было пройти около сорока километров вниз. Мы же направлялись на северо-запад в деревню Пантоа, до которой, если верить фойре, расстояние в два раза больше, и учитывая лесную местность, идти нам предстояло не меньше двух суток.

Как и ожидалось, за пределами известных мне охотничьих угодий, дорога была предельно условной и все чаще сопрягалась с переходами сквозь бесформенную чащу, изредка пересекаясь со звериными тропами. Мы несколько раз натыкались на обглоданные кости, крупные норы или истерзанные молодые деревца, стараясь поскорее убраться подальше. Не очень хотелось нарваться на местного хищника, учитывая,

что я буду почти бесполезен в этой схватке, несмотря на выданные мне лук и охотничий нож.

Какой магией обладал Ройан, меня не уведомили.

Фойре был молчалив и держал уверенную скорость, ловко переступая ветки и выбирая известное только ему направление. Я же старался внимательно следить и запоминать путь. После нескольких недель беганья с Сорасом по этим местам, таясь и выслеживая рогачей, я неплохо натаскался в ориентации по лесной местности и, как минимум, мог определить стороны света.

Поздняя осень в этом лесу была достаточно атмосферна, и мне нравилось чувствовать запах листьев, влаги и слышать под ногами хруст сухих веток. Красные и оранжевые цветы пересекались как наверху, так и внизу, создавая волшебное контрастное море огня. Это был необычный лес. Такие на Земле можно было увидеть только на отредактированных фото или в кино.

Спустя несколько часов быстрого шага окончательно исчезнувшая тропа вынудила нас в очередной раз углубиться в заросли, и я подумал о том, что вряд ли на Земле преодолевал подобные расстояния и, несмотря на бодрую физподготовку, объективно опасался опозориться перед Ройаном. Доступные мне воспоминания свидетельствовали только о городской жизни.

Внезапно Ройан остановился и, осмотрев местность вокруг толстого дерева, похожего на дуб, бодро сказал:

– Ладно, атлан, сделаем остановку. Я ведь слышу, как ты дышишь.

– Эм, спасибо, уважаемый фойре, – поблагодарил я честно, так как действительно устал.

Он ведь собирался не задерживаться из-за меня, видимо, в этом мире люди странно добрые.

– Огонь разводить не станем, – сказал он, усевшись на бугрящиеся корни вокруг дерева. – Просто отдохнем несколько минут, погутаим.

Я кивнул. Можно и погугарить, что уж. К информации я голоден.

– Ты и правда память потерял, юный атлан? – спросил он без прелюдий, но без враждебности.

– Ага, – кивнул я.

Он спросил, подняв густую бровь:

– Как-то избирательно ты ее потерял, мальчик.

Я напрягся.

– Это был не мой выбор, Ройан.

– Ясно уж, что не твой. Леа очень детально описала, в каком состоянии тебя нашли, – кивнул он.

Я пожал плечами. Это был не вопрос. Его подозрения заставили меня задумываться над своими ответами.

Ройан сказал как бы невзначай, глядя в сторону:

– Ты ведь не затеял чего против этих людей?

– Станный вопрос, уважаемый фойре, – постарался я ответить как можно спокойнее.

– Не страннее, чем твоя потеря памяти, мальчик. Видишь ли. Я не родился на Фариде и никогда не слыхивал, чтобы атланы не знали общий язык, как и все из разумных в известных Пределах, – сказал Ройан, пронизательно глядя на меня.

– В том-то и дело, Ройан, что я не помню, почему так. Я ведь даже не помню свою внешность и имя, – сказал я честно. Мне подумалось, что этому фойре стоит поменьше лгать.

Он сказал, не отрываясь от моего лица:

– Ты ведь назвал свое имя.

– Назвал. Но назвал спонтанно и первое, что пришло в голову, – почти честно признался я.

– Почему не сказал Сорасу и Леа?

– Испугался, – выдохнул я, – а потом уже не к месту как-то было. Я ведь не знаю, навсегда ли я потерял себя.

Он кивнул:

– Понятно. Что делать планируешь?

Вот это вопрос. Но напряжение вокруг ослабло, и я внутренне выдохнул.

– Не знаю. Сорас учит меня охоте, Леа языку. Когда рассчитаюсь с ними за все, наверное, уйду, – сказал я честно. – Но рассчитывать, думаю, придется очень долго и упорно.

– И то правда, мальчик. Сорас хоть и Желтый, но дело свое знает. А набор структур в его арсенале удивит любого целителя. Тебе крепко повезло, – убежденно сказал Ройан.

– Несомненно, – поджал я губы.

И он был действительно прав. Я не помнил, как я сюда

попал и что со мной приключилось, но это определенно был нелегкий опыт, учитывая мое голое тело в меню у сероволков. К тому же, я еще не рассматривал версию о времени моего пребывания в этом мире. Сколько я здесь находился до смертельной опасности?

– Ладно... Каин, – опершись руками в колени, поднялся фойре. – Будем выдвигаться. Нам еще около шести часов ходьбы до ночной стоянки.

Я кивнул.

Двигаясь след в след за Ройаном, я присматривался к его движениям и поражался их естественной мягкости. Несмотря на массивные ботинки, шаг фойре был легким и свободным. Не имея понятия о происхождении расы зверолодов, пытался соотнести его звериные внешние проявления с известными мне животными. Семейство псовых, наверное, самое подходящее, но очень примитивное сравнение, ведь оценке поддавались только длинный плотный хвост и работающие как локаторы уши.

Он будто и не чувствовал дискомфорта, вышагивая по густому лесу, в то время как я в незнакомой местности постоянно пригибался и спотыкался. К тому же, во время охоты с Сорасом, мне не приходилось таскать рюкзак с припасами на более чем четверо суток, что доставляло неудобства.

Добравшись до места ночевки, которая предстала передо мной тремя очень близко растущими деревьями, я пробежался вокруг и собрал топливо для костра. Ройан в это вре-

мя ловко забрался на одно из деревьев и спустил вниз скрученный в рулон кусок плотной тряпки, надежно обмотанный листьями и веревкой. Затем, умело соорудив из ровных веток прямоугольную решетку, он покрыл ее листьями и подвязал между двумя стволами, видимо в качестве укрытия от дождя. Для себя.

Все это происходило в полной тишине ровно до того момента, как послышался жуткий хриплый вой. Ройан поднял руку, и я замер, вглядываясь по сторонам.

– Все нормально, – выдохнул он. – Он далеко и движется не в нашу сторону.

– Кто это был? – спросил я дрогнувшим голосом. И было от чего дрогнуть.

– Кродас, мальчик. Альфа сероволков, – ответил фойре, будто про сорт картофеля рассказал.

Я не на шутку встревожился и занервничал, учитывая, что темнело на глазах. В угодах Сораса ничего подобного не давало о себе знать.

Ройан сказал, будто прочитав мои мысли:

– Кродас – опасный хищник, но просто так не нападает. К тому же, сейчас он не на охоте и движется от нас.

– Как ты это понял?

Фойре указал на свои мохнатые уши:

– Если захочу, я могу услышать даже биение твоего сердца. Которое, кстати, сейчас смахивает на брачные танцы грендар. Эти мерзкие коротышки обожают бить ногами пол.

На Земле коротышек гренадар скорее всего называли бы дворфами, но из того описания, что мне удалось вычлениить в разговорах с Леа, я не мог точно сказать, пока не увижу сам.

Я уже собирался достать местный вариант огнива, который состоял из двух наперстков на большой и указательный пальцы, как Ройан махнул в сторону костра рукой, и возникший сгусток огня, врезавшись в хворост, моментально поджег его. Мои глаза уже привычно округлились, ведь я еще не видел проявления магии огня. Поразительное зрелище.

Как и целитель с дочерью, Ройан не развлекался магией как новым смартфоном, он просто воспользовался ей, как человек пользуется своими конечностями. Без пафоса или особых приготовлений. Не сосредотачиваясь, напрягая вены на лбу. Просто. Использовал.

Каждый раз, наблюдая за проявлением структур, я воодушевлялся возможностями, но вскоре осаживал себя, вспоминая, что не все так просто.

Мы сидели молча, неспешно разжевывая сухой паек. Я зыркал по сторонам, вглядываясь в густой мрак, ткань которого изредка разделялась пролетающим светляком или другой пакостью, название которой я еще не слышал. Костер трещал, и языки его пламени отделяли нас от остального леса еще сильнее. Но мне даже нравилась эта атмосфера, несмотря на опасность. Может быть, из-за того, что рядом был фойре. А может, я просто дурак.

Ройан глотнул из своего бурдюка и нарушил тишину:

– Не часто выбираешься в ночь?

– Не часто, – ответил я.

– Леа сказала, что ты забыл структуры.

– Ага. И не только их. Я не помню даже теорию, – сказал я с надеждой услышать что-нибудь интересное.

Ройан хмыкнул и, зевнув, начал устраиваться на своей тряпке-лежаке.

– Встаем рано. Советую отдохнуть.

Я всегда за поспать, но меня интересовал вопрос безопасности.

– А что на счет ночных хищников?

– А что с ними? – спросил он удивленно.

– Ну, типа, могут напасть, – иронично заметил я.

Ройан махнул рукой, и костер еще раз вспыхнул.

– Мои уши еще никогда не подводили. А этот костер будет гореть до утра или пока я не захочу, чтобы он погас.

Я кивнул и, придвинувшись поближе к огню, укутался в свое одеяло. Ночи здесь холодные.

Как это бывает, в новом месте сон пришел далеко не сразу, и вслушиваясь в ночную жизнь этого леса, я периодически вздрагивал, машинально хватаясь за охотничий нож. Но в тоже время, слыша громкое сопение Ройана, успокаивался. В конце концов, я убедил себя, что если этот фойре, путешествуя в одиночестве, может позволить себе спокойно спать, кто я такой, чтобы держать это жалкое подобие обороны...

Глава 9

Утро встретило меня весьма необычным образом: клыкастый пнул меня в бок и, ухмыляясь, кивнул на уже собранный лагерь.

– Ты крепко спишь, Каин, – сказал он, хмыкнув. – Даже не представляю, как ты будешь добираться назад в одиночестве.

Я растер заспанное лицо и сказал недовольно:

– Уж как-нибудь доберусь.

Мне снова что-то снилось, чувство чего-то знакомого, но как и прежде воспоминания выбросило из головы, как водителя через лобовое стекло при столкновении.

– Как-нибудь не вариант. Не знаю, о чем думал Сорас, когда отправил тебя со мной, но видится мне, что твой второй шанс может бесславно исчезнуть в этих лесах, – он терпеливо ждал, пока я соберу свои манатки, и попутно выкладывал свои мысли.

– На дереве заночую, – поднял я вверх палец.

Только что проснувшийся человек – не лучший собеседник. Особенно, когда дело касается чего-то важного.

– Заночуешь уж. Куда деваться, – буркнул Ройан. – В любом случае, когда мы войдем в Пантоа, наши пути разойдутся.

Я молча кивнул.

Собрав свои пожитки, я взял его скорость и старался не отставать.

К обеду мы добрались до широкой тропы и прилично

ускорились. Несмотря на позднюю осень, солнце припекало, и передвигаться без прикрытия вездесущих веток с оставшимися на них листьями было не так комфортно. Но все-таки дорога есть дорога. Даже средневекового качества.

Как я понял, мы вышли на тропу прямого сообщения между целью нашего пути и восточным портовым городишкой с кричащим названием Сирена. Уж не знаю, совпадение это или нет, но меня определенно задело. Тропа была достаточно широкой и ровной, чтобы провести по ней легкой автомобиль, не говоря уже о предполагаемых повозках и местных ездовых животных, которые, кстати, на Фариде пестрили разнообразием.

Леа пыталась проявить свой художественный талант, вырисовывая на скрижали все виды ездовых, которые когда-либо видела, но в итоге мы все свели к слову "разные". Ездовых животных, в том виде, в котором я привык видеть их на Земле, как я понял, на Фариде нет. Всё, на чем здесь передвигаются – приручаемо. Ну, за исключением рогатых волов и коней, которых завезли сюда в самом начале заселения Фариды.

Думая о своем, я привычно шел след в след за Ройаном и как он резко замер заметил не сразу, почти впечатавшись в его широкую спину. Он поднял правую руку, и я перестал дышать. Последний раз, когда это случилось, мы слышали хриплый вой Кродаса, но сейчас было не время и не место для этого хищника.

– Слушай внимательно, Каин, – сказал клыкастый ровным голосом, не оборачиваясь. – Впереди отряд разумных, и я не уверен, связано ли это с ними, но ветер принес недобрый запах крови с той стороны.

Я занервничал. Сорас коротко упоминал, что Фарида опасное место не только из-за необузданной фауны. Эта планета как огромный Дикий Запад, на который слетались и слетаются все, кому не лень. Там, где обжились разумные, они же и создали угрозу друг для друга. Мне очень не хотелось встречаться с подобным контингентом до того, как я буду иметь в своем арсенале больше, чем охотничий лук и нож. Даже беря в учет рукопашный бой, который, предположительно, мое подсознание хорошо помнило, я сомневался, что выстою против магии.

– Что будем делать? – спросил я, к сожалению, дрогнувшим голосом.

– Ты – ничего, – твердо сказал Ройан. – Ты сейчас слаб и будешь только мешать. Уж не знаю, какой была твоя жизнь до потери памяти, но твой юный возраст говорит о многом.

– Я не останусь в стороне, – сказал я уверенно.

И не лгал в этом. Несмотря на страх и нежелание ввязываться в неприятности, я не хотел прятаться за спиной.

Фойре звучно ухмыльнулся.

– Как знаешь, мальчик. Но поверь, – он повернулся ко мне и положил на плечо когтистую лапу, – я был на твоём месте и знаю, о чем говорю. Птенцы должны наблюдать и учиться.

Ты – птенец. Может быть, ничего и не произойдет, но если будет бой, что вполне в духе этого проклятого места, я не хочу, чтобы старания Сораса остались на кусках острого металла. Какого Са-арга он вообще отправил тебя со мной?!

Последнее фойре почти прорычал.

– Может, нам пойти через лес? – с надежной спросил я.

Фойре задумался. Не знаю, что у них за раса такая, но по какой-то причине решение ему давалось нелегко.

Внезапно он округлил глаза и буквально прибил меня к пыльной земле. Над головой тут же пролетело что-то горячее и свистящее.

– Лежи! – рыкнул Ройан. – Твари с метками.

"Какие к черту амулеты?" – только и успело пронестись у меня в голове, как фойре словно пушинку приподнял меня и толкнул на обочину дороги. Я благополучно споткнулся и завалился в ближайший куст.

– Не высовывайся, пока не скажу. Это самонаводка. На мой, мать его, запах! – зло мелькнули клыки.

Сорас нечасто сквернословил, но это слово я смог сопоставить с земными аналогами.

Я молча кивнул.

Через пару минут затишья я услышал рев, который не мог принадлежать разумному.

Я надеялся на это.

– Ну и ну! Нас предупреждали, что ты ловкач, но почувствовать стрелу огня на таком расстоянии... Похвально, по-

хвально!

Я прижался к земле и повернул голову в сторону хриплого голоса.

В ста метрах от уже поднявшегося фойре появилась группа атланов. Я насчитал восемь человек. Семь шли пешком, и только один восседал на какой-то пернатой утке. На ездовом была классическая упряжка и седло. Он постоянно кричал и нервно вертел мордой. Несмотря на ситуацию, я почти маниакально разглядывал эту диковинку.

– Я надеялся сделать все быстро, но видимо, моим парням придется поработать, – сказал красномордый мужик.

Атланы поголовно были одеты в темную кожу, стянутую ремнями, и на поясе каждого висели ножны. Шли уверенно и спокойно. Предводитель так же не светил оружием, но держал свободную руку у пояса.

На его голове была широкая шляпа, похожая на ту, что носил Ройан, и круглые темные очки.

– И кто же вас предупреждал? – рыкнул Ройан, сбросив мешок со шкурами.

– А вот это трупы знать не обязательно, – кисло рявкнул главарь. – Рокар, разберись.

Из группы выделился рыжий атлан и я уже решил, что они сойдутся в ближнем бою и задумался, где все это время фойре мог прятать свой меч. Но внезапно махнув рукой, Рокар выпустил в сторону фойре прозрачную иглу размером с рог быка.

Не успел я запечатлеть момент их возникновения, как с громким шипением они врезались в какую-то невидимую оболочку вокруг Ройана, проявившуюся только в момент столкновения, и почти мгновенно растаяли, не добравшись до тела.

Рокар выпустил еще такую же, но ее постигла та же судьба, что и предыдущую.

– Ну и ну, – хрипло выдал главарь банды. – Карос, подсоби Рокару.

Из толпы вышел еще один небритый атлан и мгновенно создал перед собой несколько ледяных ножей, которые почти сразу свистнули в сторону фойре. С еще более громким шипением они так же растаяли, не коснувшись даже его кожаной куртки.

– Если вы все такие, – прорычал Ройан, – я даже разочарован.

– Не все, фойре, не все, – хрипло сказал главарь.

Он кивнул головой еще одному из толпы, и вперед бойко выскочил усатый мужик, поигрывая кинжалом.

В этот момент Карос создал еще один нож, и усач, подойдя ближе, махнул рядом с ним руками. Нож обдало полупрозрачным, крутящимся ветром, и он почти сразу устремились к Ройнау.

Фойре не сдвинулся с места и скучаяще наблюдал, как, столкнувшись с его защитой (наверное, все-таки магической), сначала выдохся ветер, развеявшись в стороны, а по-

том до своей конечной добрался и лед.

Главарь на секунду скривился и хотел было кивнуть еще одному, но Ройан резко перебил его:

– Хвати игр. У меня нет времени на вас, идиотов.

Перед фойре возникла тонкая сеть из огня, длиной с дверь. Мой слух уловил короткий "пф", и не успевшие среагировать Рокар и Карос завизжали, подоженные смертоносным пламенем. За считанные секунды крики агонии заполнили дорогу. Рыжий Рокар упал первым и, разрывая глотку от боли, пополз к своим. Атланы не сдвинулись с места.

Моя спина покрылась потом. Только что умерло два человека. Куда я попал?

– Урод, – гаркнул главарь.

По-другому перевести его "ш'кана" было невозможно.

Он махнул рукой, и еще трое атланов начали формировать структуры, выпуская весь этот поток в Ройана. Несколько разных шаров, ножей, и полупрозрачных клинков со скоростью теннисного мяча метнулись к фойре. Он успел отпрыгнуть в сторону и, кувыркнувшись, выпустил еще одну тонкую сеть огня.

Красномордый главарь на этот раз не стал отсиживаться и, видимо, уже ожидая чего-то подобного, моментально выставил перед умением фойре такое же. Обе структуры развеялись, столкнувшись друг с другом.

Все это произошло в считанные секунды, и моя челюсть

буквально оказалась на земле.

Фойре драматично ударил ладонями по земле, и как будто из каждой его руки высвободилось по сгустку пламени. Пламя обернулось волками размером с кота и понеслось на толпу.

Два атлана рубанули мечами, но огненные волки продолжили путь и накрыли бедолаг. По лесу снова пронеслась волна диких воплей сгораемых заживо разумных.

К моей вспотевшей спине присоединилась задница.

Я уже решил, что такие жертвы будут достаточны для того, чтобы банда отступила, ведь огонь клыкастого не погасить. Но внезапно главарь заревел и послал в Ройана уже знакомый мне нож, только огненный.

Фойре не остался на месте и кувыркнулся в сторону, но нож последовали за ним. На секунду его охватило пламя, которое тут же было погашено его собственным.

– Это тебе не поможет, тварь, – гневно рявкнул главарь, и четверо атланов снова отправили поток магических структур в фойре.

Ройан выпустил в их сторону сеть огня и, зыркнув в мою сторону, бросился в противоположную от меня стену леса.

Что он делает, черт возьми?

За ним вдогонку поспешили оставшиеся бандиты, и когда на дороге стихло, я остался совсем один.

Я еще не оставался в этом мире один. Предоставленный только самому себе. Да еще и после такого боя, в котором,

как и сказал фойре, мне не место.

Глава 10

Я не знал, что делать – бежать за ними или оставаться на месте?

И что, черт возьми, значил этот взгляд!

Нервно выдохнув, я не решался встать, пытаюсь придумать хоть какой-то план.

– А это что за крысеныш здесь притаился? – шугнул меня голос слева.

Я развернулся и наткнулся на сощуренный взгляд мужика, одетого так же, как те, что рванули за фойре. Пара выпученных глаз и кривая ухмылка не сулили ничего хорошего. В общем, как и вся ситуация.

Откуда он появился, они ведь все погнались за Ройаном!

Внезапно, черная подошва понеслась к моему лицу, и я резко откатился назад.

Адреналин наполнил и без того дымящуюся кровь, и подорвавшись, я ломанулся в гущу леса.

– Куда же ты, крысеныш! Ты ведь не думаешь, что я тебя отпущу? – крикнул мне вслед Шерлок и прыгнул за мной.

Сердце стучит как пулемет и норовит выскочить из груди. Я бегу, не оглядываясь, но несущийся за мной, как кабан, бандит быстро сокращает дистанцию. Я слышу его громкое дыхание и глухой топот ботинок.

Внезапно слева что-то пыхнуло. Бок обдало жаром, и я

непроизвольно ухожу правее. Пронесло. По лицу хлещет очередная ветка, но я не обращаю внимание.

Это сейчас неважно. Нужно бежать.

– Стой...су-ка! – запыхавшись, орет преследователь.

На мгновение его топот стих, но я не останавливаюсь.

Перепрыгиваю колючий куст и глупо спотыкаюсь обо что-то тяжелое. Зарывшись в листву, перекатываюсь вбок и сталкиваюсь спиной с деревом.

Черт!

Я хочу быстро подняться, но будто из ниоткуда, по ребрам прилетает тяжелый ботинок. Меня снова прибивает к стволу, и в груди запирает дыхание.

– Не уйдешь, крысеньш! – рычит надо мной преследователь. – Я на тебя и так амулет потратил.

Он отправляет ботинок мне в лицо, но я успеваю прикрыться руками и, перекатываясь, вскакиваю на ноги.

– Шустряк значит, да? – скалится он. – Это поправимо.

Короткий клинок звонко покидает ножны и направляется в мою сторону.

Я машинально сдвигаюсь вбок и пропускаю мимо себя темный металл. Бью рукой по кисти, но к сожалению, противник крепко сжимает эфес и, рубанув наотмашь, испарывает мою кожаную куртку.

Почему он не использует магию?

Пытаясь выиграть время, я хватаю горсть листьев с землей и бросаю ему в лицо. Это срывает. Бандит отшатывается

назад, и я, недолго думая, со всей дури бью ему между ног.

– Су-ка... – заскулил он, сдвинув колени.

Тело реагирует мгновенно, и его нос встречается с моей пяткой. Бандит, хрюкнув, заваливается назад и роняет на землю меч. Я, не раздумывая, прыгаю ему на грудь и несколько раз впечатываю наглую морду в землю.

Он замолкает.

Я перевел дыхание и, скатившись с тела, медленно выпрямился. Сердцебиение еще не выровнялось, и болели ребра, но нужно было уходить. Пробежавшись глазами вокруг, я нашел свой лук и, подобрав его, спешно поковылял подальше от места событий.

Отдалившись на метров двадцать, я все-таки остановился. Разум немного прояснился, и я решил, что у побежденного могут быть полезные вещи. Раз уж на Диком Западе я остался один, обшарить врага было не лишним.

Пока я шел назад, в голове прокручивались произошедшие события, и я пытался понять, почему он не забросал меня структурами, а решил поиграть с клинком. Вспоминая рассказы Сораса и Леа, ответ был только один. Мана. У него тупо закончилась мана.

Насколько мне было известно, единицы маны в этом мире исчисляются в "ферах", и условно, за полминуты восстанавливается всего 1 фер. Структура размером с теннисный мяч затрачивает около 10-11. Если он Желтый, то по словам Леа, у него не может быть больше ста фер, а значит, если он еще на

второй ступени, после боя с фойре у него не могло остаться много маны.

Но я не видел их обоих во время боя!

Тем не менее, на другие варианты у меня не хватало информации и знаний.

Еще он что-то сказал про амулет, и видимо, активация амулета тоже затрачивает ману. Но Леа ничего не рассказывала про амулеты, поэтому я не был уверен на все сто.

– Хряк! – внезапно услышал я голос.

Резко припав к земле, я высунул голову из-за куста и уставился в сторону валяющегося тела. Возле него ко мне спиной сидел белобрысый мужик и тормозил моего противника. Повезло, что я услышал его раньше, чем он меня.

– Хряк, кто ж тебя так, друган, – драматично пищал бывший.

Я затаил дыхание и лихорадочно обдумывал, как быть.

Если белобрысый растормошит Хряка или подлечит какой-нибудь магией, вместе они смогут найти меня. К тому же, маны у белобрысого может быть под завязку. Черт!

Пока я паниковал, Хряк очнулся.

– Пип, это ты, братан? Отлично... – обрывисто выдохнул Хряк, выплюнув сгустки крови. – Дай амулет, скорее.

Амулет? Seriously?

– Э... Хряк, амулеты нынче дорогие... – начал было мямлить Пип, но Хряк оборвал его.

– Дай чертов амулет! Я тебе алмидом отдам! – закашлялся

Хряк и еще раз сплюнул. – Нужно найти пацана.

Черт, и еще раз он же! Я уже жалел, что поплелся назад, но теперь все стало еще хуже.

– Что за пацан? – начал вяло рыться в сумке Пип.

– Да тот, который меня приложил. Я... эту тварь найду и выпотрошу как... погана*, – прорычал Хряк, закашлявшись. – Но сначала брошу в клетку к мортам**, которые очень давно не видели самок.

Я не видел лица Хряка, но Пип мерзко захихикал и начал шустрее рыться в сумке. Уж не знаю, что его мотивировало больше – расправа или некий "алмид", но мне нужно было что-то делать. И быстро.

Выдохнув, я медленно снял лук со спины и достал две стрелы, положив на землю рядом с собой. Я очень надеялся, что их магические щиты не активированы либо слабее, чем у Ройана.

В голове гудели два голоса – за и против. И если бы это была Земля, где есть полиция и место, куда сбежать, я бы просто убрался подальше.

"Но это другой мир, – мотивировал я себя. – И посреди этого леса нет законов. Меня убьют или растерзают, а потом убьют".

Между нами было шагов тридцать. Я оперся об дно колена и поднял первую стрелу. Концентрация была ни к черту. После удара по ребрам нормально выпрямить спину было больно. Руки дрожали. Насколько я помнил, я еще не убивал

людей.

Медленно вдохнул и выдохнул, врем шло, и рисковать жизнью, поддаваясь соплям, очень не хотелось.

Я оттянул тетиву до знакомого треска и почувствовал приятное натяжение. Нацелившись в затылок Пипа, я задержал дыхание и молился убить его одним попаданием. Не хотелось, чтобы он корчился, умирая медленно.

Тетива тихо хлестнула, и свистнув, стрела вошла Пипу не в затылок, а в шею. Я чертыхнулся, глядя на деяния своих рук, и спешно поднял вторую стрелу.

Пип, хрипя, завалился на бок и пытался ухватиться за стрелу, но ослабевшие руки не могли схватить тонкое древко, соскальзывая с него, перемазанные в бордовой крови.

– Ты! – выкрикнул Хряк, когда я поднялся и вышел на открытое место. – Да я тебя...

Вторая стрела свистнула и, не дав договорить Хряку, вонзилась в глаз.

Все.

Я часто дышал. Руки вырвали лук, и спавшее напряжение расслабило мои ноги.

Хотелось упасть на задницу, но внезапно Хряк с диким воплем выдернул стрелу из глаза и направил на меня руку.

Я понял, что сейчас произойдет и, прыгнув в сторону, почувствовал знакомый жар. Не теряя ни секунды, я обогнул Хряка и выхватил охотничий нож. Он перевалился на бок и, завывая от боли, пытался найти меня оставшимся глазом.

Не мешкая, я прыгнул к нему и слету вогнал острый металл прямо в грудь. Неприятно чавкнуло, и мне в лицо брызнула кровь. Не из новой раны. Из рта Хряка.

Наступила тишина, и первое, что прозвучало в моей голове: "Я убил их".

Адреналин все еще бурлил в крови, и меня трясло. Отпустив рукоятку ножа, я откатился от трупа и залитыми кровью глазами смотрел на чистое, синее небо. В высоте летали черные точки, даже не подозревая о том, что теперь их может увидеть на два человека меньше.

Рядом со мной лежало два мертвых тела, которые каких-то полминуты назад разговаривали и думали о будущем. У них были мечты и желания. Пусть мерзкие, но это были разумные – такие же, как я.

Я замычал и схватился за голову, потирая виски. Но почувствовав, как пальцы скользят по испачканной кровью Хряка коже, с отвращением убрал руки и хотел вытереть их об одежду. Но передумал.

Здравый смысл понемногу возвращался, и я знал, что запах крови привлекает хищников.

Собравшись с силами, я поднялся на ноги и подошел к бездыханному Хряку. Расстегнув его куртку, спешно вытер руки об серую рубашку, и начал торопливо обшаривать карманы.

Два серебра. Нож. Какие-то желтые безделушки.
Не густо.

Пип лежал немного в стороне, и первым делом я достал из его сжатого кулака вожденный Хряком амулет, который выглядел как мешочек размером с большой палец. Сумка Пипа оказалась более внушительным вознаграждением: вода, сухой паек, три серебра и скрученная в рулон бумага. Бумага была желтоватого цвета, словно ей не один десяток лет.

Может, вожденный свиток?

Долго задерживаться на этом месте не стоило. Собрав нужное, я снял с Хряка ножны и прихватил валяющийся на земле одноручный клинок.

Я помнил, в какой стороне та дорога, но не хотел возвращаться, ибо там могли ждать дружки убитых мною ребят. Возвращаться к хижине Леа тоже не хотелось, ведь я мог случайно привести за собой банду, поэтому, решив взяв курс на Пантоа, я выдвинулся по лесной местности. Да, были шансы нарваться на зверей, но выбирая между атланами и лесными хищниками, я выбрал второе. Они хотя бы не разбрасываются структурами, защиты от которых у меня нет.

Только оказавшись в получасе от района стычки, я замедлил шаг и, ступая по мягкому ковру из листьев, начал прокручивать в голове бой. Осознание того, что мне крупно повезло, пришло почти сразу. Но не только это.

Магия не универсальна. От нее можно уклониться и сбежать, если у тебя достаточно сноровки. Но в тоже время, есть какие-то самонаводящиеся структуры, о которых упомянул Ройан. Конечно, не прямо, но мне было достаточно фразы

"по запаху", чтобы уловить этот нюанс.

—

*Свиноподобное животное. Искусственно выведенное для мяса и выделки кожи.

**Гориллоподобный монстр. Ноги короткие, руки длинной почти до земли. Сильный, тупой и травоядный.

Глава 11

Подвигаясь глубже в лес, я очень надеялся, что за мной никто не попрутся, а насчет фойре я почему-то особо не волновался. Судя по тому, что я видел, лес для него – как дом родной, и сейчас думая об этом, я начал понимать брошенный в мою сторону взгляд. Жаль только сумку его не прихватил. Не уверен, предусмотрел ли он этот момент или ему было все равно на свои пожитки.

Сделав скорую остановку, я обтер себя смоченной водой тряпкой из бурдюка, стараясь избавиться от запаха крови. Не хотелось быть огоньком в ночи для тех же сероволков или Кродаса, чтоб его.

Время близилось к вечеру, и следовало искать место для ночевки. Но как назло, деревья вокруг были высокие и лысые снизу. Это ставило меня перед серьезной задачей подъема наверх. Только когда багровый диск спрятался за верхушками деревьев, я обнаружил оптимальный ствол и, забравшись наверх, привязал себя поясом.

Сидя наверху, не без удовольствия наблюдал, как на лес

быстро и уверенно опускается ночь. Затем начали выделяться два белых блина, которые планомерно замещали полный мрак серой пеленой, и когда небо стало полностью черным и звездным, я не мог оторвать от этой картины глаз. Сидя на верхушке дерева, я чувствовал себя на вершине мира. Из-за величины спутников небо ощущалось так низко и доступно, что казалось – можно погрузить в него руку.

Спать не хотелось, и когда я налюбовался видами, в голову снова начали лезть ненужные картинки. Чувствовал себя дерьмово и грязно. Хотелось удалить из памяти чавкающие звуки выплескивающейся крови, когда Пип пытался вытащить стрелу. Взгляд ненавидящих глаз Хряка, который до последнего не хотел подыхать и пытался забрать меня с собой.

Неужели на Фариде такая жизнь?

Вытолкав из головы мысли об убитых, я вспомнил волшебный щит Ройана. Ледяные структуры врезались в него и просто таяли. Или это исчезала мана? Тогда почему он отпрыгнул от огненных структур главаря?

Хотя стоп. Когда столкнулись их структуры, они так же развеялись, и еще Ройан погасил на себе чужой огонь. Но те же Рокар и Карос горели до последнего. Вероятно, одинаковые структуры гасят друг друга или заменяют. Или все зависит от Сосуда?

Дьявол. Слишком мало знаю.

Проверив стяжку ремнем, я уткнулся головой в ствол де-

рева и закрыл глаза.

Том резко проснулся под звуки избиения двери его комнаты и, не успев как следует открыть глаза, подорвался с постели.

– Бах-бах-бах-бах-бах!

– Том, просыпайся! Срочно! – голосила Сая.

Испугавшись за сестру, парень вскочил с кровати и бросился к двери, заранее выставив вперед руку, чтобы дверь открылась на мгновение раньше, чем подбежит тело.

На пороге стояла Сая с курятником на голове, но глаза уже подведены.

"Девушки", – мысленно выдохнул Том.

– Оу, – выставила Сая руку вперед. – Не настолько срочно, чтобы спускаться вниз голым.

– А?

Том комично прикрылся руками и, не подумав закрыть дверь, бросился к шкафу в поисках трусов. Сая же старательно смотрела в сторону от двери.

"Мило", – ухмыльнулся парень, заметив ее скромность.

Натянув боксеры и брюки с рубашкой, застегнув только одну пуговицу, Том бросился на выход.

Сая схватила его за руку, и они, мигом домчавшись до лестницы, спустились на первый этаж. Возле кухонной столешницы собрались почти все обитатели убежища, и ничего не понимая, Том молча вглядывался в лица собравшихся.

Филипп и его отец стояли в пижамах, как и Барри. Эмма, Лизи и близняшки были одеты обычно, но заметно, что очень торопились.

– О, господи! – воскликнула спускающаяся по лестнице Присцилла. Только она, как всегда, была с иголки.

– Да в чем, нахрен, дело! – не выдержал Том и сдуру ляпнул, раскрыв миру, что умеет ругаться.

Сая, тронув его за плечо, направила свою руку в центр амфитеатра, и недоумевающий парень послушно проследил за ней.

Сфера.

Цвета чистого весеннего неба, переливающаяся синими прожилками сфера. Размером с баскетбольный мяч, она висела прямо по центру амфитеатра, в пяти футах над полом.

– Что за хрень? – обронил Том.

– И не говори, – поддержал сына Рич.

"Что ни день, то новая херня. Я только с матерью отношения налаживать начал, думал – вот, скооперируемся и найдем выход. А здесь – Это", – раздраженно подумал Том.

– Это какая-то шутка? – Присцилла стояла возле лестницы, прикрывая ладонью рот. Она боялась приблизиться и одновременно хотела быть первой, кто поднимется наверх.

– Если так, то очень не смешная, – поддакнул мистер Келван.

Даже Мэгги и Кернис стояли с разинутыми ртами, в които веки не рассматривая пол. Причем стояли рядом.

Сердце Тома сейчас бы трепетало, радуясь за брата, ес-

ли бы не странная Сфера посреди центрального помещения убежища.

– Кто-нибудь знает, что это может быть?

В ответ тишина.

Лизи вцепилась в руку Эммы, и ей было в целом все равно, пока мать стояла рядом.

– Как думаешь, что это? – прошептала стоящая рядом с Томом Сая.

– Откуда мне знать, – так же шепотом ответил парень.

– Ну, ты же умный.

Он повернулся к ней и поднял брови.

"Это что еще за новости".

– Да ладно, глазеть на меня, мы все давно поняли, что твоя голова варит вкусные блюда, – авторитетно заявила Сая. – Просто не всем это нравится, – сказав это, она оглянулась в сторону Присциллы, своей мачехи.

"Ну не знаю, не знаю. Я бы поспорил", – подумал Том, разглядывая, будто не из этого мира, светящуюся Сферу...

Пробуждение оказалось не самым радужным. Голова была тяжелая, словно всю ночь не спал, а до раннего утра смотрел сериалы. В груди томилась ноющая пустота, и хотелось закричать на весь лес.

К полудню я решил выйти на дорогу. Примерно понимая, в какую сторону двигаться, оставалось лишь высматривать недоброжелателей и хищников. Вообще, мне везло на самом деле, так как я еще не встретил ни одного зверя, который смог бы полакомиться мной. Пара сероволков, конечно, пробежала неподалеку, но выпустив одну стрелу в их сторону, я дал знать, что смогу постоять за себя. Красные лисы, рогачи, олени и прочая живность вообще не приближались. Хищники на Фариде довольно умные ребята и не прут на рожон, если, конечно, не изголодались. Хотя, и на Земле так же. Просто здесь хищники каким-то образом оценивают степень угрозы еще и по внешним признакам.

Двигаясь рядом со звериной тропой, я выбрался к небольшому ручейку. Несмотря на позднюю осень, днем в этих местах достаточно тепло, и смело стащив с себя одежду, я хорошенько вымылся. Вода, конечно же, была почти ледяной, но очистить себя от крови хотелось основательно. Вероятно,

это психологическое, но по ощущениям я был залит ею с головы до пят. Еще и вонял.

Я едва ли успел натянуть штаны, как сверху послышался странный шум. Я машинально задрал голову и с открытым ртом наблюдал падающий летательный аппарат.

Нет. Шаттл.

Сердце забилось, и по спине пробежали мурашки.

Определенно, конструкция напоминала шаттл или челнок из фантастических фильмов. Хотя на вид угловатый и грубый. Никаких обтекающих поверхностей или блестящего серого металла. Красно-коричневая конструкция, больше напоминающая минивэн, выбравшийся из-под руки стимпанковского художника.

Я как статуя наблюдал за дымящимся хвостом падающего аппарата и спешно застегивал ремень.

О чем я думал? Не знаю. Но пропустить падение челнока мне точно не хотелось.

Натянув куртку и подхватив мешок, я бросился в сторону падения. В безветренную погоду дымящийся след был мне маяком, так что заблудиться невозможно.

Вот оно, черт возьми. Это определенно было проявлением продвинутой цивилизации. Не хижина в лесу. Не серебряные монеты с клинками и луками!

Без сомнений, магия этого мира была поразительна, и я вождеделел владеть ею, как никогда. Я хотел узнать, как разрушать структуры и владеть хоть чем-то, что позволит мне не

прятаться по углам, пока остальные разбрасываются фаер-болами или ледяными сосульками. Да и признаться честно, меня не тянуло назад, на Землю. Мне нравилась атмосфера магического средневековья, ну за исключением брызгающей тебе в лицо крови.

Но этот летательный аппарат был тоже частью этого мира, и игнорировать его было бы форменным преступлением. Наверное. Поэтому я бежал. Мчался, не отрывая взгляд от начавшего таять дымка, втапывая листья и спотыкаясь об всякий мусор.

На каком топливе они летают?

После получасовой пробежки я замедлил шаг и притаялся. След резко ушел вниз. Значит, место падения совсем близко. Определенно не стоило выскакивать из-за куста, как абориген с мечом наперевес, подставляя свое незащищенное психокинетическим полем тело плазменным лучам какого-нибудь бластера.

Хух.

Адреналин после безумной пробежки разбавил кровь, как впрыск закиси азота. Часто дыша, я еле заставил себя упасть на листву и подползти ближе. Уже в который раз за эти дни прятался за кустом и высматривал очередное безумие.

Коричнево-красный дымящийся челнок покоился в неглубоком кратере, диаметром с половину баскетбольного поля, и кроме шипения не подавал никаких признаков активности. Я пролежал минут пять. Ничего. Никаких разум-

ных, выбирающихся из аппарата, или попыток поднять его в воздух.

Еще через пять минут было принято решение приблизиться к этому стимпанковскому минивэну.

Я согнулся в три погибели, наложил стрелу на тетиву и попер в кратер. Оказавшись совсем рядом, прикоснулся к металлу и, пробежав по нему пальцами, добрался до иллюминатора кабинки, если я не ошибся, пилота. Как самый, что ни есть, настоящий абориген, убрал лук и приставил ладони, пытаясь высмотреть, что там внутри. Черное стекло было абсолютно непроницаемым, и я разочарованно бросил это дело.

Обойдя челнок на другую сторону, меня ждал сюрприз в виде открытых настежь ламбо-дверей. Я чертыхнулся и, зашуршав ногами по сухой земле, хотел было забраться внутрь, но взгляд наткнулся на кучку какого-то шмотья в десяти шагах от дверей.

Осмелев, я приблизился к находке и приподнял концом лука летный костюм. Без сомнений, это был либо летный костюм, либо облегченный скафандр. Не уверен, можно ли в таком выйти в открытый космос, но чем черт не шутит в этом мире?

Будучи камуфляжного цвета, костюм можно было бы с легкостью сравнить с формой каких-нибудь командос, рыскающих по джунглям в поисках хищника. Я прощупал его рукой и почувствовал привычное ощущение синтетики, но

... крепче, что ли. Маску или шлем я не обнаружил, но зато наткнулся на следы крови. Красной крови.

Тот, кто здесь экстренно приземлился, определенно ранен и, судя по подсохшим следам, убрался отсюда сразу же, как только выбрался из челнока. Я оглянулся и, подняв голову, всмотрелся в небо.

Пусто.

Но все же решил последовать примеру пришельца.

Глава 12

Идти по следу беглеца было просто, даже когда кровавый след обрывался. Сломанные ветки, беспорядочно взбитые листья, третья нога, роль которой, судя по вспоротой канавке, играла какая-то палка. В общем, всё, что не мог оставить после себя зверь. Ну и конечно же, если на земле не было следов, то кровавые отпечатки пальцев на древесной коре очень даже хорошо выделялись. Нечасто, но это сильно облегчало задачу.

Первыми признаками сближения оказались громкие звуки мокрого кашля. У меня и самого, скорее всего, в ребрах трещина, но моему неизвестному летчику досталось, видимо, серьезно. Такими звуками выплевывают либо кровь, либо легкие старика-курильщика. Почему-то я сомневался, что в этом мире на таких челноках летают существа, всю жизнь потягивающие табак.

Пригнувшись, я как можно тише приблизился к источнику звука и, за неимением лучшего варианта, встал за тол-

стым стволом какой-то лиственницы. Потом, дождавшись затишья в кашле и звуках шарканья, сменил дерево, и так далее.

Двигаясь во время шагов преследуемой, а судя по обтянутой каким-то водолазным костюмом фигуре – это было существо женского пола, я подобрался максимально близко и спрятался за очередным серым стволом, фактически, шагах в десяти. Не знаю, почему я до этого времени не окликнул ее и старался скрыть свое присутствие. Очевидно, она была ранена и серьезно.

Возможно, это из-за слабости, и я хотел проследить за ее действиями, чтобы обезопасить себя от столкновения сразу с несколькими существами. Может быть, подсознательно я хотел дождаться ее смерти и обобрать труп. Кто она мне? Правильно.

Но чего я не учел, так это ее слуха, скорости и силы.

– Кра-а ши мо-орэ! – выкрикнула девушка мне в лицо, при этом крепко сжимая горло, казалось бы, тоненькой рукой.

Ее кожа была настолько белой, что могла поспорить с первым снегом. Черные, как вороново крыло, длинные волосы ниспадали на плечи и были перепачканы красным. Уши походили на эльфийские, но с длинными кисточками на конце. Глаза отблескивали синим льдом, а бледные губы скривились в рычащей манере.

Это было прекрасным и чудовищным зрелищем.

Я не понимал, что она говорит, но на всякий случай отпартовал:

– Да я это, просто увидел след падения и...это, подумал, вдруг помощь нужна.

Я хотел поднять руки в знаке примирения, но она еще сильнее сжала шею, и они просто бессильно упали. От удущья я начал терять сознание и материть себя за любопытство. Очевидно же, что такому слабаку не стоит преследовать неизвестного, который свалился с неба на космическом челноке.

В глазах начало темнеть, голова наполнилась туманом, пропало ощущение тела. Я вспомнил малышку Леа и Сораса – единственные, кто не попытались убить меня, а вытащили с того света.

Внезапно хватка ослабла, и белокожая девушка отшатнулась назад. Она схватилась за живот и, тяжело кашлянув, выплюнула очередной сгусток крови. Прижав ладонь к губам, она посмотрела на меня, сползающего по шершавому столбу, и мой туманный взор уловил ее не верящий, молящий взгляд.

Почти шёпотом она сказала "помоги" и, запрокинув голову, завалилась назад.

– Помоги? – повторил я, когда восстановил дыхание. – Ты так шутишь?

Не знаю, к кому я обращался, ведь она походу была в от-

ключке. Просто такая наглость меня застала врасплох, и хотелось смеяться от ироничности сложившейся ситуации.

– Да мне проще уйти и оставить тебя здесь! – сказал я, поднявшись. – Ты меня чуть не убила. Ни за что! А я просто хотел поговорить. Узнать!

Возмущение из меня перло, как река через прорванную дамбу.

– Что с вами всеми не так!

Я потирал горло и искал лук, который выпал из обессиленной руки. Найдя его взглядом, я поднял вещицу и уже развернулся уходить, но ощутив гладкую древесину, я подумал о том, кто дал мне этот лук и как меня вытащил с того света его владелец. Просто так. А ведь я мог оказаться каким-нибудь маньяком или убийцей, который сбежал из местной тюрьмы. Может, каменоломни, не знаю.

А еще Ройан, который не выдал меня и увел врагов в лес. Да, он скорее всего сделал это не ради моего спасения, а потому, что там ему было удобнее сражаться. Но это не сильно меняет дело.

– Черт! Черт! Черт! – рыкнул я самому себе и бросив лук, развернулся к черноволоске.

Она лежала на листьях, как белая кукла, только без платья, а в обтягивающем темно-синем костюме. Беззащитная и истекающая кровью. Только что желала задушить меня, а потом просила помощи.

Женщины. Везде одинаковы.

Пробежав глазами по черноволоске, я нашел сбоку что-то вроде липучек и, потяну, обнаружил, что костюм состоит из частей. Как раз нужная мне часть прикрывала торс, и отбросив руку девушки, я отлепил от живота дырявую ткань. Именно отлепил, так как под этим куском была голая кожа, и кровь склеила их вместе. Скривившись от весьма неприятного зрелища, я открыл бурдюк с водой и облил предполагаемую рану.

– Черт... – буркнул я, выдохнув.

Дырка была сбоку и весьма приличной. Уж не знаю, что там у нее пробито и почему она плевалась кровью, но отлепив грудную часть костюма, я больше ран не обнаружил.

Может, у нее органы не так расположены?

Изнывая от мук жадности и совести, я нашарил в кармане амулет Пипа. Очевидно, я не в силах спасти ее своими руками, и оставался только вариант магии. Единственной магии, которая была мне сейчас доступна. Прожженная простыня не в счет, это почти мифическое событие, которое я не в силах повторить.

Главная проблема, ну кроме взбрыкивающего хомяка, оказалась в том, что я не знал, как воспользоваться амулетом. Ни Сорас ни Леа мне о таком не рассказали. И что бы я делал, если бы был ранен сам?

Я вкладывал ей его в руку и ждал. Тер об рану. Водил над ней. Закрывал глаза и просил сработать. И ничего.

Сдавшись, я уже решил, что не спасу её, и готовился ухо-

дить, убиваясь муками совести, наряду с подпрыгивающим от радости хомяком.

– Хух, – выдохнула девушка.

"Черт", – поругал рогатого я.

– Эй, черноглазая, – потрепал ее за челюсть. – Черноглазая, открой глаза. Это важно.

Несколько секунд мычания, и она еле-еле раскрыла свои черные, как ночь, глаза, невнятно разглядывая мое, наверняка невероятно глупое в этот момент, лицо.

– Видишь это? – показал ей амулет. – Моргнешь один раз – "да", два раза – "нет".

Моргнула.

– Знаешь, что это?

Моргнула два раза.

– Что б тебя, – ругнулся я сквозь зубы.

Девушка застонала и снова начала терять себя.

Я заговорил громко:

– Слушай! Это чертов амулет, который должен вылечить тебя. По идее. Но я не знаю, как он работает!

До нее доходило несколько секунд, а потом левая рука дернулась, и я, надеясь, что это намек, вложил амулет в ее белую ладонь.

Она сдвинула черные брови, и тело покрыло голубоватое свечение. Еле различимое. Прямо на моих глазах рана начала стягиваться, и в конце не осталось даже шрама.

Действо длилось где-то минуту, и в конце девушка обмяк-

ла.

Я приложил ухо к месту, где у людей обычно сердце, и уловил слабый, но равномерный стук.

– Ну, все, – буркнул я себе. – Пора и честь знать.

Тяжело опершись о колени, я поднялся и, к радости моей совести, понял, что темнеет.

Красное солнце уже спряталось за кроны высоких деревьев, и лес начал заполнять вечерний свет. Оба спутника еще не проявили себя, но это было не за горами, и я понимал, что оставить ее сейчас одну равносильно тому, если бы я просто так выкинул амулет. Ее бесславно загрызут.

Постанывая от присевших на уши совести и хомяка, которые в этот раз были за одно, я оттащил тело черноглазой к ближайшему дереву и стал собирать хворост и ветки потолще. Ночи здесь холодные, а звери могут попасться очень голодные.

– Ну вот, нарвался на неприятности, – бубнил себе под нос. – Сначала два трупа, потом самого чуть не задушили, теперь, вот, спасаю своего же возможного убийцу.

Говорить с самим собой – не самая полезная привычка, но последние дни я, видимо, просто нуждался в этом.

Собрав достаточно древесины, я еще раз проверил незнакомку и, устроив костер поближе, начал шарить в сумке в поисках местного огня.

Слева замычали.

Я обернулся и наткнулся на пару удивленных глаз. Не го-

вора ни слова, мы посмотрели друг на друга, и я, отвернувшись, приблизил наперстки к деревяшкам.

Щелк. Искры. Пусто.

– Черт, – буркнул я под нос.

Щелк. Искры. Пламя.

Довольно хмыкнув, стал устраивать себе ночлег. Логичнее было бы расположиться ближе к черноволоске, но я опасался ее реакции да и все равно не планировал спать. Не уверен, что смог бы, как Ройан, почуять опасность и уж тем более удерживать огонь своей магией.

– Почему не поджег маной? – нарушила молчание девушка.

Я повернулся к ней и заметил уже полностью вмняемый взгляд.

Голос у нее был приятный. Не высокий, как у девочек, а достаточно взрослый. В мою голову пришел образ какой-нибудь актрисы, озвучивающей роли уверенных в себе женщин.

Я пожал плечами:

– Не умею.

– Как это? – заинтересованно спросила она.

"Знал бы я", – хотелось сказать.

– Ну как же, свитки нужны. Да и не огненный я.

– Свитки... – будто пробуя слово на вкус, протянула она, – огненный...

Странный разговор. Складывалось ощущение, что мы го-

ворим о разных вещах.

Акцент у нее кстати был так себе. Еще хуже моего. Хотя, о себе всегда в лучшем.

Я ковырнул ветку и возмутился:

– Хотя бы поблагодарила, что ли.

– За что? – спросила она.

Я возмущенно повернулся в ней, а она уже смотрела в сторону от костра.

– Хочу напомнить, что ты чуть вусмерть не задушил меня. А потом попросила помощи! – сказал я с вполне искренним недовольством.

– Ааа, – пропела она, – так это я шутя. Припугнуть хотела.

Я чуть не вскочил от такой наглости, но сдержался, хотя и запыхтел как паровоз.

– Припугнуть? – уверен, что голос отразил всю бурю реакции на такое заявление.

– Ага, – так же спокойно ответила она. – Просто я не ожидала, что ты такой слабый окажешься.

Вдох. Выдох.

Сколько наглости нужно иметь на такое?

Глава 13

Девушка не выглядела тупой, а значит специально разводила меня на эмоции.

Я сказал, театрально кающимся голосом:

– Ну прости уж, что не угостил твою спину парой стрел.

– Прощаю, – извинила гадина.

Вдох. Выдох.

– Как бы то ни было, ты была при смерти, и я использовал свой единственный амулет, – сказал я ровным голосом, пошерудив еще одну ветку. – Так что, как бы ты ни увиливала, кое-кто из нас двоих мой должник. И я уверен, что запомнил бы, если бы им был я.

– Ааа, вот ты о чем, – протянула наглая черноглазая. – Но ведь я сама вылечила себя. Твой амулет был очень слаб и дал лишь нужный толчок. Безделушка, в общем.

Выдох... не дышать. Не дышать. Медленный вдох.

– Видишь ли, как я сказал, это был мой единственный амулет... – начал я, но она оборвала меня.

– Но ведь ты не знал, как им пользоваться. Да и вообще, если бы я не потратила на тебя силы, не оказалась бы в таком положении, – теперь, видимо, ее очередь была возмущаться. Только слишком театрально.

Она реально издевается?

Лежа возле дерева, она смотрела на меня честными черными глазами, попутно перепрыгивая на лежащие со мной рядом лук и меч в ножах.

Это была конечная в путешествии с совестью за руку.

Я молча закинул лук за спину и, подняв меч, поклялся больше не общаться с черноглазыми женщинами и всячески избегать их.

– Эй, ты куда? – спросила девушка, когда я отошел на шагов двадцать.

Нужно было срочно найти высокое дерево да подальше отсюда и устроиться на ночлег. Ночь приблизилась еще на шаг, и признаться, я бы хотел все-таки выспаться.

– Эй, куда ты пошел! Эй!

Пантоа уже не за горами, и завтра следовало бы добраться до деревни. Там закупиться по списку Сораса, и думаю, можно возвращаться в хижину. Вряд ли банда так долго вела бы меня, только ради того, чтобы найти мое жилище. Давно бы напали уже. Да и следы, если что, приведут к черноволосой ушастой особе, что мне было только на руку. Без сомнений, они обратят на нее внимание.

– Эй. Ладно! Ладно! – услышал я уже приглушенный крик. – Я беру свои слова назад. Твой амулет. Ты спас меня. Я твоя должница. Ладно?

Плевать. Мне проблем больше. У нее все равно ничего нет при себе, иначе заметил бы.

– О, а вот и деревце, – направил я свой взор на серое дерево, ствол которого был покрыт ветками, до которых можно допрыгнуть.

– Пожалуйста! – крик души был слышен даже сюда.

Выдох...

Неужели я такой слабак?

Токая назад, я ругал себя и слабование. Я ведь уже помог ей. Но в отличие от меня, искренне благодарного Сорасу, черноглазая хотела перекрутить все, не оставив себя в долж-

никах.

Я думал о том, зачем иду назад, и скорее всего меня заинтересовала та силища, с которой она меня схватила, будучи смертельно раненной. Разумеется, я слышал и помню истории с Земли, когда у людей в смертельных ситуациях активировались все ресурсы организма. Но эта дамочка была ослаблена нехилой раной, какие там ресурсы. К тому же ее светящиеся синим льдом глаза не совсем обычное зрелище, мягко говоря.

В общем, причины были. Не такие, чтобы остаться и надирать глотку, доказывая важность своего участия в ее спасении, но достаточно занимательные, чтобы вернуться после такой молебной тирады.

Да и что-то было во мне, что отяжеляло мои стопы, когда я пошагал прочь от черноглазой.

Молча усевшись у костра, я поднял веточку, которой играл до этого, и снова сунул ее в огонь.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала она смиренно.

– С чем?

Она тяжело перевернулась и показала мне покрытый кровью бок.

– Магия не полностью залечила меня. Скорее всего стянулись только мышцы, но нужно обработать и сшить края раны.

Я почесал бороду и, намочив тряпку, присел рядом.

– Я сейчас вытру кровь, чтобы увидеть, что там. Не дури.

Черноглазая кивнула, глядя в темный лес.

Рана была не глубокая. Все как она и сказала: мышцы стянулись, осталось стянуть кожу. Тем не менее, без обработки скорее всего будет воспаление, а там по накатанной вплоть до перитонита. В общем, нужно обрабатывать, и желательно сшить.

– У меня есть игла для одежды и нить. Простерилизовать нить не в чем, – сообщил я, насмотревшись на рану. – И да, я никогда не сшивал...кожу.

Она посмотрела на меня вполоборота и удивленно подняла бровь.

– Ладно... – снова смиренно сказала девушка.

Я кивнул и, достав нож, подошел к костру.

Спирта, как и других антисептиком, у меня, конечно же, не было. Я даже близко не знал, что применяется на Фариде и есть ли здесь привычная мне медицина, помимо магического исцеления. Если есть, насколько она развита и как используется. Очевидно, что простые селяне вряд ли после каждого пореза кухонным ножом бегут к целителю, но даже это для меня было загадкой.

В местной траве я разбирался настолько же хорошо, как и в Земной – никак. Значит, нагреть металл и прижечь края раны было единственным выходом.

Черт, что бы я делал, если бы сам оказался в таком положении?

Пока нож краснел, я достал иглу и нить из неизвестного

мне материала. Стерилизовать иглу также было нечем, так что, положив ее на покрасневшее лезвие, я стал ждать.

– Где ты этому научился? – спокойно спросила девушка.

– Не помню, – почти честно ответил я, стараясь не трясти рукой, чтобы не потерять иглу в пепле костра.

– Как это, не помнишь?

– Знаешь, что такое амнезия? – ответил я вопросом.

Она кивнула.

– Вот так и не помню.

Когда игла достаточно покраснела, я отвел нож от костра и дал ей остыть.

– Тут вода, – кинул я бурдюк дамочке. – Омой руки хотя бы ей и поддержи иглу.

Она выполнила указание, и я снова вернулся к костру и ножу.

Я и правда не помню, откуда знаю, что нужно делать с раной, но как по мне – это должен знать каждый второй человек с Земли. Скорее всего, так и есть, но откуда это известно мне, я не помнил.

Закончив приготовления, я поднес лезвие к ране и кивнул черноглазой. Она сцепила зубы и отвернулась.

Зашипело. Кожа покраснела. Девушка застонала, но не отключилась.

Пока я штопал горячую кожу, я сомневался, что это все не сон. Я оказался в мире меча и магии. Почти стал едой сероволков. Убил двух человек. Прижег раскаленным ножом

рану и сшивал ее иглой. Ах да, меня чуть не задушила та, которую я спас уже дважды.

Закончив с раной, я выудил из мешка кусок тряпки и, приложив ко шву, захлопнул часть ее комбеза. Привалился к тому же дереву, что и черноглазка, и выдохнул.

Это было не круто. Совсем не круто. Нужны амулеты и побольше.

После проделанного в воздухе повеяло средневековье, и я осознал, что нахожусь не просто в волшебном мире, а в обычном мире с магией. Здесь вовремя необработанная рана могла превратиться в гангрену или смерть. Ручные целители здесь вряд ли водились, а если и водились, то их круглосуточные услуги стоили очень дорого.

– Жива? – спросил девушку после пары минут молчания.

– Ага, – выдавила она.

Я поднялся и подкинул дров в костер. Ночь уже давно вошла в свои права и очень не хотелось случайно потерять огонь. Звезды, как всегда, превратили небо в усыпанную бриллиантами черную ткань, а два белых огромных блина, исчерченных линиями и кратерами, не мигая, разглядывали ничтожных существ, разбегающихся при их взоре.

– Ты откуда такая прилетела? – спросил я.

– А ну, сбежала я. Из дома, – ответила черноглазка неуверенно.

– А че сбежала, замуж не захотела? – усмехнулся я классике.

– Ага. Именно, – ответила она вполне серьезно. – Отец хотел отдать за нелюбимого, вот я и сбежала.

Мы говорили так спокойно и неспешно, будто два приятеля на ночевке у костра. Ощущение противоречия заполнило мои чувства.

– А что с челноком? – спросил я.

– Чело...нком?

– Да, шатл твой. Корабль для перелетов.

– Аааа, ну это. Подбили, эти, наемники жениха, – снова как-то невнятно сказала черноглазка.

Я удивился такому повороту:

– Неплохо так женишок обиделся, видимо.

– Ничего, переобидится, – усмехнулась она.

На пару минут повисла тишина. Я снова пялился в небо и прислушивался к лесным звукам. Признаться, даже не представлял, что делать, если в такую вот ночь появится стая голодных сероволков или Кродас. Я его еще не видел, но раз Ройан тогда остановился, значит бояться стоит. Других хищников я не опасался. Насколько мне было известно, в этих лесах в свое время первые поселенцы вырезали почти все, что рычало и нападало. Вся монстрятина осталась на неизведанных территориях. А здесь так, мелочь, по меркам прошлого. Тем не менее, спящего путника может и местная лисица погрызть. Да и лисицами их сложно назвать, просто самое подходящее по виду животное с Земли. Они здесь более дикие, крупные и агрессивные, чем на Земле. На Фариде,

вообще, все звери намного крупнее.

– Так и почему ты не разжег огонь магией? – внезапно спросила вяло девушка. Видимо, падала в сон. И не мудрено, после пережитого-то.

– Не умею, – выдохнул я.

– Как это?

– Ну как-как, не знаю структур, – как с ребенком разговаривал я.

– Аааа, ясно. А почему не знаешь?

"Дура что ли?" – хотелось спросить.

Мне даже подумалось, что снова издевается, но глянув в ее сторону, понял, что это был бы верх тупости с ее стороны.

Я глубоко вдохнул:

– Не выучил свитки еще. Амнезия отбила память, и я забыл, что знал. Все забыл о магии. Да и не огненный я.

– Ну, создай снова, – просто ответила, следом зевнув от души.

Я завис.

– Нет свитков, говорю тебе.

Треснул костер.

Она спросила:

– Зачем вообще эти свитки нужны?

– Ну, во-первых, – тяжело выдохнул, – чтобы поднять ступень Сосуда, а потом учить структуры по ним.

– Это я поняла, – невнятно сказал девушка, – но я не понимаю, зачем для этого нужны какие-то свитки, если... есть

контроль маны и...знание...устройства ми..пра...

Последний зевок отправил ее в сон, а меня в стратосферу. Как обычно бывает во время каких-то откровений: мурашки проскандировали революцию по спине, а в груди запылало пламя похлеще костра. Я повернулся к девушке, но она спала, как в не себя. Хотелось разбудить, растормошить, как следует встряхнуть и заставить сказать больше. Вынудить рассказать и разъяснить каждое слово, которое покинуло ее наглый ротик.

Но я сдержался. Я медленно вдохнул и сдержался. Завтра будет день. Сейчас же ей нужно было отдохнуть и выспаться. А потом...потом я взыщу с нее все долги.

Глава 14

Уснуть, конечно же, после такого я бы не смог. Даже если бы вокруг был не густой лес, а бетонные стены однокомнатной квартирki где-нибудь в центре Вайнхентена. Вопрос был слишком будоражающим сознание.

Тем не менее, то и дело пробивающиеся позывные местного зверья сквозь мягкий шепот ветра не давали мне нормально сосредоточиться. Шелест листьев говорил о чем-то присутствии за границей прыгающего света костра, и мне приходилось быть настороже, держа под рукой лук и обнаженный клинок Хряка.

Незнакомка сопела в обе ноздри, а меня так и порывало сделать что-нибудь громкое, чтобы "случайно" разбудить.

Какого черта она вообще уснула?

Ладно. Я подбросил веток в костер да потолще и решил все-таки рискнуть отвлечься.

– Устройство мира, да? – тихо пробубнил я под нос.

По рассказам Леа и Сораса, мана – это всего лишь производное Кель. Кель же, в свою очередь, нечто первозданное, что было до всего. Благодаря ему, по легендам, началось упорядочивание хаоса, что бы это ни значило.

Я не помнил, чтобы когда-то задумывался о сотворении вселенной, большом взрыве или божественной руке. Размышлять об этом в мире без магии было уделом людей науки или религиозных сект. Я же точно не знал ни одного псалма и не помнил никаких деталей устройства мира, вследствие большого бума. Кроме общих знаний о наличии этих доктрин.

Но одно я знал точно: все в мире состоит из атомов. Атомы из ядер и электронов, а сами ядра из более мелких частиц – протонов и нейтронов. Что мне это дает в этой вселенной?

Хм. По идее, мана, как и Кель, тоже должны из чего-то состоять, а значит, либо это те же, но какие-то другие атомы, либо что-то абсолютно новое.

Что-то мельче ядра атома и его составляющих.

– Черт, не туда, – закричал я, когда голова начала дымиться от попыток представить себе это вещество.

Контроль маны.

Мана это магия, которая выходит из существ. Если она

также состоит из каких-то частиц, значит она должна быть осязаема, что подтверждается тем же Сорасом, руки которого испускали голубоватый свет. Удивительное совпадение. Мана из Земного фэнтези тоже зачастую синего оттенка.

Но цвет, по сути, это лишь воспринятые глазом волны света разного спектра. Конечно, в земной физике понятие цвета намного глубже, но сейчас это не так важно. Надеюсь.

Разные живые существа Земли видели цвета по-разному, и если следовать логике этой вселенной, которая породила таких же двуногих, как и я – цвет маны не имеет значения.

Ладно, приму эту теорию как базу и не буду беспокоиться о своем представлении о ее цвете.

Я уже достаточно видел, как колдовали другие, и мог точно сказать, что они делали это с абсолютной легкостью. Значит ли это, что все эти существа контролируют свою ману?

Если верить сопящей наглой девице – да. Но ни Сорас, ни Леа и словом не обмолвились об этом нюансе. Они мне недоговаривали? Вряд ли. Леа попрыгунчиком скакала вокруг меня, ожидая, когда я начну проявлять структуры. Может, они считали, что я все это помню? Но я точно дал понять, что забыл магию и ее теорию.

Скорее всего, я просто не задал нужные вопросы.

Значит, теоретически, они этого не знают. Как же они тогда создавали структуры без контроля маны и "знаний устройства мира"?

Свитки. Черноглазая сказала, что не понимает, зачем они

нужны. Да и я отнес их к контролирующему звену над разумными. Что это значит?

Правильно. Свитки как-то обходят контроль маны, позволяя создавать структуры автоматически. Леа говорила, что достаточно просто прочесть свиток, чтобы овладеть умением. Если привести аналогию с земным программированием, это напоминает прописанный в систему скрипт.

Свиток забивает нужный скрипт в подсознание нашего родненького дурачка, и разумный, по сути, не понимая нюансов, творит структуры. В этом уравнении не нужны знания ни о мире, ни о контроле над маной.

Воодушевившись этой теорией, я повёл плечами даже улыбнулся.

Что ж, как и говорила Леа, Шиадан знают обо всем этом, но для остальных это знание табу.

Черноглазая перевернулась на другой бок и продолжила раздражающе сопеть. Я рассматривал девицу и только сейчас задумался о том, кто же она такая и от какого жениха сбежала, раз раскидывается такой информацией. Я даже предположил, что она одна из Шиадан, но отбросил эту версию в топку, так как вряд ли бы такое существо оказалось в такой ситуации. Может, дочь одного из Шиадан, или одной.

В таком случае, мне следовало бы прямо сейчас встать и убираться подальше от этой бомбы без циферблата и смертельного отсчета.

Замотав головой, я решительно испарил трусливые мыс-

лишки.

Либо я буду рисковать и получу шанс стать кем-то, либо моя жизнь в этом мире не будет отличаться от земной, за исключением отсутствия антибиотиков и нужды махать, судя по средневековым пейзажам, вилами.

Ладно. Мана.

Вспоминая рассказы Леа о смерти или сумасшествии, при попытках создать структуру без свитка, для меня начала проясняться суть контроля маны и ограничений Сосуда.

И это логично. Младенца тоже порой пеленают, чтобы не вывихнул себе руки, бесконтрольно размахивая ими. Никто в здравом уме не станет впервые делать сальто на голом асфальте, без тренировок на мягких матах и минимальном владении своими конечностями. Аналогий с телом и мозгом, в общем, можно привести тонну, но суть получается одна: тренировки и контроль.

Понимание устройства мира и создание структур, на основе этих знаний уже второй вопрос. Для начала – мана. А значит...

– хруст-

Я резко развернулся в сторону звука и увидел несколько светящихся желтым пар глаз за границей света. Эти глаза неотрывно смотрели в мою сторону, и мне стало сильно не по себе. Я не был готов сейчас сражаться с местными жителями. Закинув в полыхающий костер еще пару веток и наложив на тетиву стрелу, я почти молился, чтобы мои гости не

поспешили рвануть на меня прямо сейчас.

Нужно было разбудить спящую девушку, но я не мог отвернуться от следящих за каждым моим движением глаз.

– Эй. Черноглазая, – сказал я громко. – Проснись.

Ноль реакции. Она только сильнее засопела и снова перевернулась. Может быть, после лечения амулетом непробиваемый сон – это побочный эффект? И именно поэтому она просила меня вернуться.

Вот чертовка. Использовала меня вслепую.

Я поднялся в полный рост и направил лук в сторону наблюдателей, но желтые светляки висели в темноте словно приклеенные.

– Уходите отсюда, – рыкнул я в темноту, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Хотя, на самом деле, спина уже была мокрой.

Как и ожидалось – никто меня просто так не послушал.

Дрогнуло пламя вслед за ветром и качнувшимися деревьями. Зашуршали листья, и нарисовалась еще одна пара желтых огоньков.

Я нервно чертыхнулся и, встав на одно колено, порылся в сумке, не отворачиваясь от пришельцев. Выудил тряпку и, спешно намотав ее на кончик, поджёг её и выпустил стрелу в сторону желтых глаз. Буквально на секунду тусклый свет окрасил тьму, и мои глаза запечатлели три взрослых особи сероволков, которые, шугнувшись горячей стрелы, отпрыгнули назад.

– Гхрррр, – дал о себе знать один из хищников и снова скрылся во мраке.

Где-то каркнуло пернатое несчастье и, захлопав крыльями, убралось подальше от места разборки. За ним последовало еще, на вскидку, не меньше десятка хлопков, и мы с моими новыми-старыми друзьями снова остались наедине.

– Кыш, сказал! Сейчас я здоров и полон сил! И больше вы, твари, не отгрызете мне пальцы! – прорычал я в ответ.

Я подпалил еще один наконечник с тряпкой и выпустил стрелу. Сероволки сделали еще один прыжок назад и снова застыли. Огонь быстро тух, ведь тряпка не была пропитана ничем горючим, но даже такой огонь их отпугивал, что немного успокаивало.

Сменив тактику, я выхватил ветку из костра и швырнул ее в сторону сероволков. Потом еще и еще, пока не создал маленькую границу перед хищниками.

Пытаться их убить стрелами, было бы равносильно смертному приговору. Так как в этом случае они просто напали бы все вместе, и я просто не успел бы, с моими навыками владения луком, подарить стрелу каждому. А то и пару, ведь они достаточно живучие. Единственной возможностью в этой обстановке было заявить о себе, как о равноценной угрозе, сыграв на инстинкте самосохранения.

Раскидав еще пару горящих веток, я обновил дрова в костре и поблагодарил вселенную за свою запасливость. Сероволки ретировались на приличное расстояние и через пару

минут вовсе скрылись, избавив меня от гипноза своих светящихся желтым глаз. В этом мире вообще многое светило и заявляло о себе. Ничего не выглядело "обычным", словно магия, наполняющая все живое, таким образом проявлялась.

Постояв еще пару минут, я убедился, что вокруг пусто, и снова уместился под дерево, продолжая вертеть головой по сторонам.

Черноглазая резко заговорила во сне, что-то на своем, непонятно каком, и до чертиков напугав меня, чуть не схлопотала луком по голове.

– Дьявол тебя забери! – выругался я, глядя на ни о чем не подозревающее белокожее создание. Спящей она даже не выглядела такой гадиной.

Пытаясь успокоить сердцебиение, я присмотрелся к ее лицу повнимательнее и пытался понять, к какой из четырех рас она принадлежит.

Чернющие волосы, бледная кожа, острые уши, с двухсантиметровыми кисточками на конце и светящиеся голубым черные глаза. Глаза, по-видимому, светились не всегда, а только во время проявления каких-то способностей, так как после ее пробуждения они были просто черными.

Может, какая-то помесь. Типа фойре с эльфом? Возможно. Слишком мало я видел еще в этом мире разумных. Могло оказаться все, что угодно.

Отвлечшись, я достаточно успокоился и продолжил думы думать.

Сосуд, как говорил целитель, ограничивает выпуск маны. И как я предположил, ограничивает он ее именно для защиты самого разумного и, вследствие чего, самого себя. Это если придать сосуду образ некоего симбионта с запиленными в него правилами пользования, а не просто бездушного бурдюка с синей жидкостью.

Я сухо сглотнул, будто приблизился к чему-то важному.

Глава 15

Неужели контроль маны нужен не только для того, чтобы создавать структуры, но и для обнуления Сосуда? Если это так, то все становится на свои места.

Как Сосуду понять, что ты чему-то научился?

Так же, как и ребенок дает понять родителям, что он взрослый, своими действиями.

Если Сосуд не дает ману, ее нужно взять, а для этого – контролировать настолько, чтобы почувствовать, за что хвататься.

– Фууф, – выдохнул я с дрожью. Не от холода, но от волнения.

Как все складно. Неужели все действительно так просто?

Тогда получалось, что из сотен тысяч разумных на этой, как и на других планетах, не могло не родиться догнавших до этой идеи так же, как и я. Это значит, что обязательно должны быть какие-нибудь тайные общества, изгнанники или сбежавшие от мирского просветленные. А за ними, вдо-

гонку, должны скакать спецслужбы по выявлению и нейтрализации опасных элементов, могущих пошатнуть устои общества и власть правящей элиты. Классика же.

Пошуршав палкой в костре, я посмотрел на девушку и довольно улыбнулся. Если черноглазая какая-нибудь местная принцесса или дочь Шиадан, то простота ее непонимания касательно свитков может быть вполне объяснима, но от этого не легче, ибо мне связываться с такими ребятами еще очень рано, мягко говоря.

И даже так, наконец начало проявляться хоть что-то, что могло бы смахивать на превосходство. Я ухватился не просто за идею, я чувствовал, что зажал в руке что-то незыблемое. Нечто настолько весомое, что ради этого стоило рискнуть. И если я хотел стать чем-то большим, нежели простой рубака или фермер, то просто обязан хотя бы научиться подпрыгивать, хватая со шкафа все, до чего дотягивается рука.

Насколько я понял местную политическую географию, все было предельно просто: четыре территории на каждую расу. Атланы, фойре и грендар на одном континенте. Эльфы на огромном острове. У атланов и грендар король. Фойре правит вождь. Эльфы склонились к чему-то наподобие республики, если я правильно интерпретировал ломанные объяснения Сораса. Он не очень жаловал рассказывать о своей расе, а я не мог слишком сильно интересоваться, чтобы не скидывать еще одну странность моего незнания на амнезию.

Обдумав ситуацию, я составил ближайший план действий:

закупиться по списку в Пантоа, вернуться в хижину и прокачиваться до посинения. Выучить или выдумать несколько мощных структур и, набрав приличный багаж умений и силы, заявить о себе. Затем прибиться ко дворцу, и с моими знаниями о политических дрязгах Земли, я смог бы ассимилироваться и забраться как можно выше. А там и другие планеты будут ждать меня.

Довольный возможными перспективами, я забыл о заглядовавших на огонек сероволках, двух трупах на моей совести, черноглазой наглости и опасном лесу в целом.

Нужно было только понять, с чего начать свой путь к освоению контроля над маной.

До Кель мне точно было не достучаться, слишком сложно. Но после него в цепочке связей идет Сосуд, о котором гораздо больше известно и который следовало бы понять. Но что он из себя представляет?

Под треск пожираемых огнем сухих веток, я прикрыл глаза и попытался представить себе этот фильтр эфира. К сожалению, ни Леа, ни старик целитель не объяснили мне, как он выглядит, поэтому мне оставалось только фантазировать. Как может выглядеть Сосуд, который наполнен субстанцией, позволяющей творить чары?

Первым в мою голову ворвался образ склянки, но усмехнувшись, я отбросил его. Затем появился кожаный бурдюк, в котором античные люди хранили вино и другие жидкости. Нет, не то. Может, у сосуда форма шара?

Я представил себе пустой стеклянный шар, наполовину заполненный синей жидкостью. Образ был слишком зыбким и постоянно меняющим свои очертания, чтобы я смог сконцентрироваться не на удержании его формы, а почувствовать эту жидкость.

Открыв глаза, я тяжело вздохнул и потянул шею. Дьявол, по ощущениям я просидел каких-то пять минут, и мне уже хотелось смеяться над этой глупостью. Но у меня не было выбора. Этот мир наполнен магией, и я должен научиться ее использовать.

Снова зажмурившись, я увидел мерцание звездочек и постарался успокоить свое разочарование.

Как выразился целитель, Сосуд дается каждому живому существу во вселенной, значит это должна быть естественная формация. Форма, которая должна быть универсальной для всех.

Пытаясь выковать идею на основе земной памяти, я вспомнил про теорию о фрактальной структуре вселенной. Если это так, значит все должно быть подобно всему. Шар я уже испытал и не почувствовал никаких волнений или отрыва Сосуда, хотя, насколько мне известно, все космические тела имеют форму шара или около того.

Ощущая тепло костра и его успокаивающий треск, я расслабился еще сильнее, и как это бывает в минуты предвкушения, в моем животе запорхали бабочки. Проникнувшись волнением юного первооткрывателя, я почувствовал, что не

просто хочу понять свой Сосуд – я *должен* это сделать.

Но что может быть так же естественно для вселенной, как шарообразные формы, если следовать теории фрактальности?

Потянув носом запах костра и ночной прохлады, я посмотрел на свои руки. Разглядывая структуру кожи, ее линии и легкие очертания вен на запястье, я подумал о живых существах, населяющих как Землю, так и эту планету. Что между нами общего?

Может быть суть не в идеальной форме для всех, а в уподоблении любой форме?

Тяжело выдохнув, я залип на пляшущие языки пламени и почему-то вспомнил рисунок Витрувианского человека.

Может быть, Сосуд повторяет форму живых существ? Тогда вопрос насчет наполняющей его маны остается еще более непонятным.

– Черт, что я вообще пытаюсь сделать? – спросил я себя.

– Сделать из себя идиота, – ответил на свой же вопрос.

Рядом со мной спала девушка, которая могла ответить на все мои вопросы. Мне нужно было просто растормошить ее и заставить говорить.

Заставить? Хм...

Вспомнив ее силу, я засомневался, что вообще смогу ей что-то противопоставить кроме стрелы или ножа в грудь прямо сейчас, пока она спит. А ведь она еще даже не проявляла своих магических способностей! Если, конечно, сила

не окажется одной из них.

Но конечно же, я не мог так поступить. Да и смысл? Убить единственную, кто может что-то разъяснить и кто вообще хоть что-то прояснил для меня, ради чего? Страх? Нет уж.

В этом мире я должен отложить эту эмоцию в долгий ящик. Запереть и закинуть так далеко, куда смогу дотянуться только в самых критичных ситуациях.

Я решил дожидаться ее пробуждения и вежливо указать на свое важнейшее участие в ее спасении. Несколько раз.

– Ладно, продолжим, – сказал себе.

Поежившись, я закинул последние дрова в костер, понимая, что утро не за горами и через час-два можно будет расслабиться.

Сосуд – определённо, форма иного порядка. Но в то же время он каким-то образом выводит ману в физический мир, заставляя создавать невообразимые для человека из техногенного мира вещи.

Выбросив из головы идею формы Сосуда, я сконцентрировался на своем теле.

Набрав в грудь воздух, задержал дыхание и, медленно выпуская его, попытался ощутить хоть что-то. Представил, как дымчатая субстанция пробегает по моей груди и рукам. Воображаемый синий дым цеплялся за каждый волосок на моем теле, заставляя его вздыбиться. Повторяя каждый изгиб, заполняя собой каждую пору на коже, дымок добрался до кончиков пальцев рук и отпустил себя в неизвестность.

В животе снова затрепетало, и я продолжил представлять себе этот процесс, пока на кончиках пальцев не почувствовал маленький электрический укол, который можно сравнить с разрядом статического электричества между людьми. Мне вдруг вспомнилось, как на уроке физики мисс Кален привела пример статического разряда через поцелуй. Тогда весь класс слащаво улыбался, как объевшиеся сметаны коты. Я невольно улыбнулся, вспомнив детали из детства, но радоваться было рано.

Продолжая эксперименты, я все чаще ощущал этот маленький разряд и очень надеялся, что двигаюсь в нужном направлении. А что это еще может быть? Не статическое же электричество в лесу, в мире магии.

Меня переполнила детская радость от осознания контроля над вызываемыми ощущениями. Раз за разом призвать разряд становилось проще. В конце концов, мои старания вышли на тот уровень, где воображаемый голубой дымок пробегал по коже в считанные секунды и почти выстреливал из кончиков пальцев.

Затем я представил дымок белым и получил тот же эффект. В общем, ни один цвет радуги не отпугнул ни ману, ни Сосуд. Все замыкалось только на моих мыслях, а значит – это самое важное.

Получалась вполне логичная и простая картинка.

Неважно, как ты видишь ману и воспринимаешь Сосуд, важно, насколько реально ты их чувствуешь, как часть себя.

Ведь человеку не нужно знать, как работают его мышцы, он умеет двигать конечностями настолько умело, насколько он себя натренировал. В ту же степь уходит увеличение мышечной массы, растягивание мышц и их гибкость.

Всего-то следует почаще сознательно пробуждать и использовать ману, пока я не смогу выполнять с ней любые трюки на автомате. Научиться чувствовать ее количество не по использованным заклинаниям, а по сознательному опыту. Обращаться с ней как со своими руками и ногами.

Идея выглядела весьма простой.

Я снова вызвал разряд на кончиках пальцев и попытался ощутить изменения в своем состоянии. По телу пробежала странная дрожь через мгновение после затухания эффекта. Снова попытка и снова дрожь. Еще одна и дрожь снова дала о себе знать.

Потирая виски, я пытался понять разницу, но все последствия разряда были одинаковыми – еле заметная дрожь. Но обдумав ощущения лучше, я решил, что дрожь все-таки не физическая и не совсем по телу, а скорее где-то на ментальном уровне. И снова все замкнулось на сознании.

Не замечая течения времени за раздумьями, я пропустил, когда начало подниматься солнце, и крон полуголых деревьев коснулся желтый свет. Утро наступало так же уверенно и неизбежно, как и ночь, разгоняя окружающую меня серость и наполняя лес красками. Я зевнул и с удовольствием потянулся, приветствуя новый день.

Воодушевившись своими умозаключениями и тем, как в целом прошла ночь, я протянул руку к уже почти затухшему костру и представил срывающуюся с пальцев белую дымку.

Я чуть не подпрыгнул от радости, когда костер пыхнул и разгорелся сильнее. Потом еще раз и еще, пока не закончился эффект. Или, лучше сказать, мана.

Повернувшись к спящей черноглазой девице, я хотел было ее разбудить, решив, что она достаточно проспала, но никого не обнаружил.

А потом мой мир внезапно погас...

Глава 16

Я тревожно раскрыл глаза, и первое, что почувствовал, это как кто-то облизывает мою ладонь. Резко дернувшись, глянул в сторону и наткнулся на пару абсолютно невинных глазенок маленького лисенка. Ну, или Киару на общем. Он невинно пискнул и рванул подальше от меня.

В голове творилась неразбериха, и первые мгновения в памяти мелькали какие-то мутные очертания людей, событий. Тягостные эмоции указывали на непростой сон, который, как обычно бывает, растворился сразу же после пробуждения. С самого первого дня в доме Сораса я часто просыпался в таком состоянии, но вспомнить хоть одно сновидение так и не смог.

Проверил руки и ноги. Целы. Лук на месте. Меч... вот гадина.

Конечно же, рядом со мной не оказалось ни черноглазой гадины, ни меча Хряка. Чертыхнувшись, я пробежался по своим пожиткам и подметил отсутствие сухого пайка и всего серебра.

– Вот сучка! – выдавил сквозь зубы.

Мало того, что я ради нее потратил ценный амулет, зашил ей бок и всю ночь охранял, так она еще и обчистила меня!

– И бросила на произвол судьбы посреди, мать его, леса! На съедение тем, от кого я ее берег! – снова вырвалось вслух.

Попинав листья, потоптав ветки и прорывав все ругательства в сторону этой особы, я, выдохшись, упал на задницу. Взгляд упал на лук и колчан стрел, который видимо пришелся не по душе неблагодарной остроухой.

Ну спасибо, что хоть вообще голым не оставила, хотя бросить посреди леса в бессознательном состоянии тоже такое себе снисхождение.

Без денег на закупки по списку мне в Пантоа делать, по сути, нечего, и стоило бы вернуться сразу в хижину. Рассказать Леа и целителю все, что я узнал о магии, и вместе решать трудные вопросы. Эти ребята уж точно меня не прокатили бы, учитывая, что только благодаря им я дышал. Вот только...

Только стыдно было так возвращаться.

Я решил, что все-таки пойду в Пантоа и как-то заработаю денег на состав списка. Медяки, что мне дал Сорас, не должны быть такой уж крупной суммой, чтобы горбатиться на нее

месяцами. Окончательно решившись, я затушил дымящиеся угли и, подобрав лук, потопал в сторону дороги.

Когда волны гнева и разочарования прилично осели, я начал выпускать ману, как ребенок, радуясь покалываниям пальцев. Разбирал ментальную дрожь и пытался уловить какое-то различие. В общем, дорога была не такой скучной. Впереди, из-за всех моих остановок, был день пути, и я предполагал, что подойду к границе Пантоа едва ли к вечеру.

Все-таки потеря меча и добытого серебра не такая большая плата за полученные знания. К тому же, она меня не убила, да и вообще, вдруг ее кто-то выкрал, а меня вырубил. Но даже если так, мне было не до этого, да и в целом плевать. Слишком наглая и неблагодарная.

Я топал по мягкой листве, приближаясь к дороге, и мечтал о тех днях, когда приведу свои умения в нормальный боевой вид и смогу заработать намного больше, чем жалкое серебро. Тем не менее, без еды и денег долго не прожить на одном энтузиазме.

Подумав о еде, у меня потекла слюнка, и я вспомнил, что не закидывал в желудок ничего с той самой минуты, как перекусил после сна на дереве. Впереди был целый день пешего шага, и стоило бы чем-то порадовать организм.

Высмотрев на дереве какого-то мелкого зверька, похожего на белку, я потратил пару стрел, чтобы лишить жизни пушистого. Убийство лесной живности оставляло ощущение не из лучших, все-таки человек города, и обращению со свежим,

в полном смысле слова, мясом пришлось научиться совсем недавно. Тем не менее, либо я либо они, и в этом мире этот закон, по-видимому, особо актуален.

Я поблагодарил пушистого за его жизнь и извинился, что отобрал ее, как учил Сорас. Почему-то, пока я этого не сделал, руки не поднимались работать с дичью. Да и вообще, сравнивая ощущения после убийства Хряка и Пипа, к неразумной живности сочувствия было больше. Все-таки выбор убить или быть убитым принимается нами. Самое главное потом – убедить себя в безвыходности положения.

Завернув остатки мяса в тряпку, я закинул сумку за спину и продолжил путь к дороге. За эти пару дней мне надоело топтать по листве. Хотелось перестать спотыкаться через каждые двадцать шагов. Да и однотипный пейзаж уже приелся.

– Как же быстро меняются взгляды разумных, – сказал я, задумчиво глядя на клин каких-то пертаных.

Добравшись до дороги, сразу почувствовалось облегчение. Все-таки, какая-никакая цивилизация. Идти проще, думать легче. Единственное – не хотелось нарваться на какую-нибудь банду по типу той, что напала на Ройана.

Позади послышался резвый тяжелый топот и, обернувшись, я уставился на волокущего за собой повозку местного ватусси. Без сомнений, это был родственник вымершего на Земле тура: рога полтора метра, весь черный и мощный, как танк. Вот только он не плелся, как улитка, а несся аки конь.

Я отошел в сторону и замахал руками, одновременно при-

влекая внимание и давая понять, что в них нет оружия. Из повозки послышалось "тпррр", и ватусси начал недовольно тормозить. Кой он остановился, я и устройство на деревянных колесах, обитых металлом, поравнялись.

– Куды прешь? – спросил рябой мужик в соломенной шляпе, пожевывая зеленый стебель какой-то травинки.

Я чуть не прослезился от восхитительно характерной, по моему представлению о здешнем обществе, картины.

– В Пантоа, вестимо, – брякнул я в тон и кивнул вперед, – если не ошибаюсь, эта дорога ведет только туда. Говорят, прекрасное местечко!

Рябой заржал как конь и кивнул на телегу:

– Прюкрасное, говоришь? Ну седай тогда, подвезу, че уж.

Обдумывать предложение, конечно же, я не стал и сразу же запрыгнул на свободное место. Мужик, все еще всячески измываясь над словом "прекрасное", хлопнул поводьями и запустил повозку. У него был забавный акцент, и мой мозг просто отказывался переводить его речь нормально.

Попытаться же осмыслить и как-то упорядочить то, что я еду на запряженной ватусси телеге после осмотра летательного минивэна, было вообще нелепо. Эти парадоксальные события были невероятно странными.

Хотя, после увиденного шаттла, средневековый колорит уже своим наличием разъедал глаза. Как, в общем, и деревянный лук за моей спиной.

– А че забыл-то там? – спросил мужик, видимо решив, что

достаточно наигрался со словом.

– Да за покупками отправили, список дали, – ответил я честно.

Он присвистнул.

– А не мал ешо за покупками по дорогам в одиночку шагать? Зверье тута лихое бывает.

– Да я, вроде как, и не сам был, – ответил я вяло, почесав бороду. – Бандиты по дороге на провожатого моего напали.

Он снова присвистнул. Видимо, это его любимый жест удивления, так как другая мимика на лице отсутствовала. Он даже ржал только ртом.

– Не повезло. Я за жизнь свою только два разу натыкался на иродов. И оба, благодаря Ландушке, отделался медью да синяками.

Видать, не такие бандиты ему попадались, раз медь и синяки только оставили. Ну точно, Ройана заказали. Больно своевременно они появились перед нами, да и самонаводку отправили сразу, что говорило о подготовке. Здесь и думать не о чем.

– Но ты уж не серчай, не в Пантоа мой путь лежит, – поправил шляпу мужик, – Я в Урудьку, родненькую, спешу.

– И как далеко от Пантоа я снова на своих двух останусь? – спросил я, расстроившись.

Он прищурился, видимо, прикидывая расстояние, и выдал:

– Мянут тридцать, и будешь там к полуночи. Мой поворот

немного раньше.

– И не страшно вам по ночной дорог-ге? – телега подпрыгнула на камне, и зубы чуть не прикусили язык.

– А чего тут страшного. Коли зверье, так роги Ворса кого хошь отпугнут. Это сейчас он такой мирный, а в опасность кого хошь в страх загонит, – гыгыкнул одними губами рябой мужик и снова поправил шляпу.

– А бандиты?

– Бандиты... Бандиты хоть днем, хоть ночью, да ночью все ж сами боятся вылазить. Здесь даже плюс имеется, – ответил он резво.

Какое-то время ехали молча. Я думал о своей магии разрушения и как раздобыть побольше информации. Любой.

Рябой заговорил, облегчив мне задачу:

– А откудава прешь?

– Да из леса, хижина там отцовская, – ответил я, внутри радуясь его вопросу. В голове тут же нарисовалась обоснованная причина для расспросов.

– Уууу, лесной значить. И давно вы там света белого не зрите?

Я ответил максимально грустно:

– Да я то с детства самого, а батя еще раньше.

– Ох ты, Ландушка пресветлая, лоб такой, а окромя белок да сероволков не знаешь ничего, небось! – задрал мужик соломенную шляпу выше лба.

Я подтвердил уныло:

– Ну да, наверное...

Рябой спросил, прищурившись:

– И как же он тебя-то отпустил-то? Неужто ты маг сильный?

– Да не-е, это своего рода проверка такая. Да и не один я был вначале, говорил же, – поправил я.

– Ах, да-да. Было такая.

– Слух, а не расскажешь мне, что по миру творится? – спросил я воодушевленно.

Он кивнул.

– Да че ж не рассказать-то, раз такое дело. Но учти, я хоть и с цивилизанцеей живу, но тоже не все ведаю.

Я улыбнулся довольно. Сходства между деревенскими Земли и Фарида проявлялись для меня все сильнее. Конечно, язык на слух ложился плохо, но чем больше я говорил, тем лучше усваивались слова в голове. Разница в произношении выделялась ярче, в сравнении с целителем и Леа, но благодаря его интонации, мой мозг сам формировал эдакий говорок.

И вместе с этим забавным сходством, я сильнее обращал внимание на контраст между понятием "обжитая вселенная" и этой деревянной телегой, запряженной ватусси. Мужик в шляпе ну никак не походил на космического переселенца, пару десятков лет назад выскочившего из транспортного шаттла. Я не знал историю переселения, но судя по его поведению и внешнему виду, его поколение даже не третье по

счету, и что-то с Фаридой очень не так, раз переселенцы так деградировали. Да, Сорас дал понять, что здесь очень дикое место, но все же я не думал, что встречу такого колоритного представителя.

– Ты много где бывал? – начал я с простого.

– Не особо. Кружусь с Ворсом по трем деревушкам: Урудька родненькая, Калинка да Ряшма. Перевозим то да се. В Урудьке родненькой, кузнец хороший, в Клинке лекарь каку травку потереть знает. Ну и Ряшмуша, в Ряшме семья сестры, заглядываю, коли проиждаю.

Да, не это я ожидал услышать.

– А по миру как дела идут, знаешь? Как у других рас жизнь идет? – спросил я.

– Да что по миру. Фойре, проклятые, никак с коротышами не на воюютцо да на нас прут. Вот-вот вдарим уже ответную.

– В смысле, вдарим? – спросил я тупо.

Рябой потянул носом и сплюнул в землю.

– Ну а как вдаряют? Батя слова такого не пояснял что ль? Эка, что значить лесные. Учить вас надобно! Война грядет, малой, война!

Глава 17

– Война? – переспросил я тупо.

Рябой ответил:

– Ага. Пора уже мохнатым показать! А то ишь, отговорки одни, а атланы страдают.

Он не на шутку распалился и стал чаще сплевывать вбок.

Я понимал значение слова "фрак-ге", но было сложно вот так внезапно воспринять такую новость.

– А что они сделали? – спросил я.

– Оха, лесной-лесной. Да бродючь отряды тут да нападают на деревни. Жгут, жизни лишают, истязают, – ответила он гневно.

На душе стало тяжело.

– Сам лично видел?

– Да какой там. Ежели б видел, то не трепался бы с тобой сейчас. Заезжие говорят да торговые, кто в город наведывается, – ответил рябой, как глупому.

Понятно. В одной стороне чихнул, в другой помер. Когда нет прямой связи, сложно увидеть картину в целом. Может отряд бандитов, где много фойре, разгуливает по местности да творит всякое.

Я успокоился даже от такой неясности. Не хотелось попасть в мир с таким количеством рас и сразу же вляпаться в глобальную войну.

– А что на других планетах? – перевел я разговор.

– А кто их знает, к нам никто не захаживает, а кто прибывает, тот уже не отбывает, – закричал свистящим смехом рябой, потрепав край шляпы.

– А что так? – спросил я.

Рябой, отсмеявшись, цокнул недовольно и замотал головой:

– Ну и лесной же... Дык все ж знают – кто к нам сойдет,

назад не вернется. Ты совсем ничего не знаешь, что ль?

– Не, батя мало рассказывал. Хорошо, что такого ведающего встретил, а то б и помер так, незнаючи, – ответил я в тон.

Рябой ухмыльнулся, и в глазах загорелся огонек превосходства. Снова потрепал шляпу и выплюнул бедную травинку. Видимо, приготовился основательно разговориться, что меня очень даже устраивало.

– Вот что, малой, – затянул он. – Раньше Фарида была тихим местом, пока не завезли мохнатых. С них-то все и началось. Они ж дикие! Только и знают – чуть что, да в зверье обращаться. Звери, что с них взять! Да, без них тоже напастей хватало, но еще мой батя говаривал, что любой монстр в поле лутше мохнатого фойре. Когда первые поселенцы сошли на Фариду, тут было не протолкнуться от зверья такого, что сейчас только за каменной границей водится, да подальше! Потом недорослики и остроухие сошли на готовенькое. Но от них шуму нет, живут сами по себе. Наша территория была очищена первой и, почитай, стала плосцдармом для остальных!

Рябой резко замолчал и, пыхтя в обе ноздри, о чем-то глубоко задумался. Я молча ждал. Меня устраивал его словесный поток.

– После фойре все пошло к Са-аргу. Забрасывать сюда стали всякое отребье. Кто сам бежит, от кого избавляются. В общем, вместо новой надежды Фарида стала ссыльной пла-

нетой. Батя говаривал, что ево дед говаривал, как ево прадед сетовал, что само название планеты с какого-то седого языка значит "надежда". Во как! – выпалил еще одну тираду рябой, подняв палец.

– Невероятно! – вполне честно округлил я глаза. – И ты столько знаешь, хоть и живешь в глуши!

Рябой нахохлился:

– Да эт все знают. Просто никому не надобно это знание, чтобы помнить ево.

Внезапно раздался вой, и рогатый замычал в ответ, хрипловато, но гулко. Мне слегка заложило уши, а рябой залыбился довольноно.

Солнце уже покраснело и начало движение вниз. Слегка усилился ветер, в воздухе запахло вечером, и подняв к небу глаза, я заметил набегающие тучи. Было не холодно, но сама картина приближающегося дождя заставила поежиться и подтянуть куртку. Было чудом, что непогода не застала меня в лесу.

Время за беседой бежало слишком быстро. Сейчас мне хотелось выжать рябого до последнего слова.

– А про другие планеты тебе батя не сказывал? Откуда первые поселенцы прибыли?

– Да сказывал что-то, но я не помню уж, да и не надобно оно мне. Что мне те планеты, когда под ногами работы – только успевай вертеться, – махнул рукой мужик.

– А почему Фариду заселили, раз тут живность такая бой-

кая? – спросил я.

Рябой хрюкнул, усмехаясь, и сказал:

– Ты не просто лесной, ты чудной. Вы там с батей поменьше бы с белками болтали да к людям выходили. Жить на Фариде и не знать историю дома своего, это ж... это ж...

– Невежество? – помог я. А что, я сейчас и правда невежда, особенно с его колокольни.

– Ага, оно самое. Невенжанство, – кивнул он с полной серьезностью. – На Фариде сурьезные залежи алмида. Вот за ним то и сходили сюда. Но потом чуть не передрались там, наверху, и во благо поделили.

– Как же получилось так, что здесь ни кораблей, ни космопортов? В твоей деревне какие дома стоят? – не удержался я.

Рябой нахмурился.

– Консмор...твов?

– Места, где сажают летательные аппараты с других планет, – проговорил я медитативно.

– Ааа. Дык договорились так сразу, как поделили. Чтобы все было честно, только магия и металл. Есть, конечно, исключения, но только те, которые есть у всех.

Ничего не понял.

– Какие исключения? – я начал нервничать. Темнело, и быстро, а это значило, что наши пути скоро разбегутся.

– Какие, какие. Считыватели разные. Когда я был малой, мой Сосуд считывали, как и у всех. Раньше с этим строже было, не то, что сейчас, – рябой недовольно рукой махнул, –

вот из лесу даже такие как ты выходят. Небось, даже цвета своего не ведаешь?

Я помахал головой.

– А что, еще есть?

– Что, что. Переходы, белый свет, штроки разные, – загибал пальцы рябой. – Годов двадцать назад я даже воздухоплаватель видал! Раньше, говорят, небо ими наполнилось.

– А что за переходы? – спросил я с отбивающим чечетку сердцем.

Рябой набрал воздух:

– Переходные переходы! Совсем, что ли? В одной стороне вошел, с другой вышел. Только там маны уйма нужна, так что не для Белых это дело. А нам и не надобно. Куды нам переходить то? К мохнатым? Пф.

Телепорты, мать твою. Чертовы телепорты! Почему ни Сорас ни Леа об этом мне ничего не рассказывали? Хотя, если даже этот... рябой спокойно говорит об этом, значит это настолько общеизвестная и простая истина. Да что уж, я еще не могу спокойно слушать слово "мана", особенно от кого-то вроде этого мужика. А он упоминал ее так, будто о руке своей левой разговаривал.

– Как выглядят штроки, знаешь? – спросил я.

– Штроки... Батя говаривал, что из них монстряков легче всего валить. Стоишь себе на посту да валишь издали все, что движется за стеной Каменной Границы.

Рябой цокнул черному ватусси, как коню, и тот прибавил

ход. Видимо, тоже дождя испугался. Может он тоже в Пантоа заглянет?

– А ты это, дождя не боишься в дороге? Тучи вон какие набегают, – кивнул я в небо.

Рябой махнул рукой и прищурился одним глазом.

– Не будет ничего. Ты ж лесной, знать должен!

Почему из головы в такие моменты все вылетает? Вот бродишь по лесу другого мира, смотришь на два огромных спутника, и столько вопросов, да все кажутся важными. Дай только шанс задать их кому-нибудь. А потом не можешь выбрать, о чем хочешь узнать в первую очередь.

Я медленно вздохнул и решил расспросить о чем-то более приземистом. Вряд ли рябой знал о магии больше, чем Леа или черноглазая гадина.

– А законы? Законы не изменились? Какие сейчас самые важные законы? – выпалил я несдержанно. – А то батя совсем не рассказывал ничего.

– Батя у тебя конечно еще тот ...кхм. Звиняй уж, – сказал он досадливо. – Хм, законы значитцо. Если на шахтах работаешь – налог плати. Если на земле – дань за защиту от монстраков на Каменной Границе. Воинский долг по способностям, но за плату. Ежели задолжал кому, и расплаты не видать шибко долго – шею готовь.

Не понял здесь. Какую еще шею? За долги голову с плеч? – Что значит шея? – спросил я, сухо сглотнув.

Рябой снова помотал головой и цокнул.

– Лесной... Кроком станешь, что ж еще! Ну это там, ближе к центру, где народ позажиточнее да наглее. Здесь в округе такого не бывает.

– Вот блин! Батя совсем меня дураком вырастить решил! Я даже не знаю, кто такой крок! – проронил я дрожащим голосом. И признаться, дрожал совсем не театрально. Уж больно предчувствие плохое было.

– Ох, ну и дела с тобой. Хорошо, что я тебе встретился, а не губитель какой. Не зря с тобой провожатаго отправляли, – покачал головой мужик. – Крок – это когда на шею цепляют ошейник, и ты не можешь что против сказать, пока не отработаешь или не отпустит хозяин. А здесь тупик. Ежели повесили, никто тебя не отпустит. Даже батя мне не рассказывал, чтобы такое на Фариде случилось. А он служивый был, много где бывал.

– А как же магия, почему не сорвать и не уйти в леса, например, или еще куда сбежать?

– Ох, и юморист ты, лесной! – криво усмехнулся мужик. – Ошейник – это как раз одна из разрешенных побрякушек. Он не дает тебе структуры творить. Как только думаешь о структурах – сразу разряд получаешь, и чем больше думаешь, тем сильнее разряд.

Рабство. Долговое рабство, чтоб его! Только не фигуральное, а буквальное.

Чем больше я узнавал о мире, в котором оказался, тем меньше мне нравилась его общественная система: банды,

средневековые крестьяне, продажа магии, рабство, в конце концов! И ведь наверняка, воруют людей и цепляют ошейник не только за долги!

– Слух, а как же это происходит? Вот просто так берут и на шею цепляют? – спросил я взволнованно.

Рябой зыркнул на меня недоверчиво, мол, ну и дурак же попался.

– Да...Ландушка милосердная мне точно пожалует за просветительство, – вздохнул рябой.

Я криво усмехнулся и кивнул благодарно.

– Здесь разрешение надобно, да побрякушку купить. Она тоже не медяк стоит. Поэтому и не водится такое в наших местах.

Глава 18

Я обдумывал слова рябого, пока тот кривился, всматриваясь вперед, и не знал, какие эмоции меня сильнее одолевают: облегчение или страх. Страх того, что меня могут поработить, или облегчение, ведь это дорогостоящее увлечение не доступно каждому встречному. Страшно было представить, что я могу однажды проснуться с ошейником и не в состоянии сказать владельцу вещицы "нет". Остальное меня уже не так интересовало, но узнать больше все-таки следовало.

– Слух, а как сейчас с управленцами дела обстоят? Кто правит на местах? – спросил я максимально небрежным тоном, на который был способен после услышанного.

– Кто-кто, Герсы на местах, кто ж еще. Ну а наверху король Вариорд Стальной, да благословит Ландушка его душу.

– И все? – удивился я, задрав брови.

– Как же ж, все, – хмыкнул рябой. – Под королем Мейсы ходють, под Мейсами Герсы, под Герсами Боарак, ну а там Цутусы все стерегут.

– А что император?

– А что нам анпиратор твой? Он там, на большой Атлане, а мы здесь, – развел руками рябой. – Вот когда за данью отряд в Урудушку заходит, мне на анперантора еще больше чхать.

Мужик задрал свою желтую шляпу, потер нос кулаком и чихнул, словно показывая, как именно ему чихать.

В целом, это была не шибко удивительная картина. На местах всегда опасность идет не от сидящего где-то там владыки всея и всего, а о того, кто под боком живет. Кто дань собирает да клинком у носа помахивает.

Расспросив рябого еще немного о титулах, я сопоставил их с земным средневековьем, раз уж здесь все так похоже. Получалось, что Мейс это типа Граф. Герс – барон. Ну а Боарак – рыцарь. С Цутус немного сложнее, они вроде как элитная гвардия, и в пору было бы назвать рыцарями, но их было слишком много, чтобы обозвать их так. Так или иначе, я остановился на гвардейцах.

Когда впереди появилась развилка, я даже решил проехаться с ним еще немного, чтобы узнать больше, но передумал, все же в Пантоа тоже есть люди, и с ними так же можно

пообщаться. Рябой дал мне отличную маскировку "лесного", и я планировал воспользоваться ею по полной.

Рогатый начал притормаживать, а я благодарить мужика. Кем бы он ни был в этом мире, оценить его помощь в понимании местных обычаев и истории было сложно.

– Благодарствую, господин хороший! – сказал я весело, спрыгнув с телеги. – За дорогу и за рассказ. Ты мне очень помог. Если встретимся ещё, и я буду в силах, помогу и тебе чем смогу.

Рябой заулыбался, довольный собой:

– Да что уж там. Языком трепать, не мечом махать.

– Все равно, спасибо! – улыбнулся я снова.

Рябой кивнул и повернув рогатого влево, хлопнул поводьями. Ватусси рванул аки конь, только пыль под ногами сверкала в свете двух лун. Я уже направился к Пантоа, но внезапно спохватился.

– Эй, рябой! Как звать-то тебя?! – крикнул я мужику вслед.

Выражение лица я уже не мог различить, но что он развернулся в пол-оборота, понял.

– Аруном можешь звать меня, малой! – крикнул он в ответ.

Арун. Интересное имечко.

Солнце зашло около часа назад, и мне хотелось поскорее добраться до деревни. Арун, конечно, смелый мужик, и ему виднее, что здесь да как, но мне на темной дороге было не

по себе. Топая в одиночестве, я постоянно оглядывался и держал наготове стрелу. Лес давно перестал сопровождать дорогу, постепенно редая, пока по краям не остались одни редкие кустарники да высокая трава. Пока не стало темно, с высоты телеги глаз то и дело натыкался на пеньки, что сигнализировало о близости поселения разумных. Сейчас же, в темноте, мне слышался лишь шум немногочисленной листвы и травы, по которым пробегал прохладный ветер. Странно, но в лесу я не чувствовал себя так зябко и неуютно. Даже встреча с волками, когда я сторожил черноглазую, не была такой... жуткой. Пустырь по бокам дороги навевал какое-то отчаяние, что ли.

Впереди проявились огни, и я начал почти бежать, лишь бы поскорее убраться с дороги.

Снаружи деревня оказалась весьма шаблонной: редкий частокол метра полтора в высоту, бегущий вширь дальше, чем я смог увидеть в темноте, и хлипкие деревянные ворота, обитые металлом. Над воротами и по обеим сторонам дороги около них горели большие факелы, хорошо освещая место прохода.

Шагов пять не дойдя до ворот, я остановился и завис, разглядывая всю эту колоритную красоту. Раздумывая о том, как в этой деревне живет народ, я глазел по сторонам, пытаюсь высмотреть поля и луга, но оба спутника освещали только высокую траву.

Я постучал металлическим брусом по толстой пластине,

на вид тоже из металла, и стал нервно ждать какого-нибудь охранника или около того. Спустя минуту небольшое глядело скрипнуло, и на меня уставился красномордый мужик, судя по перекошенному на голове кожаному шлему либо привратник, либо охранник.

– Кто? – рявкнул он.

– Путник, – ответил я, разведя руки и улыбаясь во все белые.

– Путники по ночам не ходят, – рявкнул он снова и икнул.

Я занервничал. Перспектива остаться снаружи, добравшись до ворот, была так себе.

– Вот я и хочу внутрь, чтоб не ходить, – сказал я миролюбиво и быстро добавил, – я лесной, спешил как мог.

Привратник скривился:

– Лесной он... Много вас тут, лесных, ходит. Одни лесные вокруг!

– Лесных может и много, но я-то сейчас один здесь стою, – я покрутил головой, мол, нет больше никого.

– И что же ты, лесной, в Пантоа забыл? – прищурился красномордый.

– Дык это, от целителя я. Сорас звать. Обычно он сам приходит, но сейчас занят другим делом, вот и послал меня, – я решил больше не мурыжить, а то вдруг глядело захлопнет и уйдет восвояси.

– Сорас говоришь... Знаем такого, он моей племяшке ножку поцелил месяц назад, – кивнул серьезно охранник. – Как выглядит, скажешь?

– Скажу, чего ж не сказать. Остроухий, очки на глазах, волосы черные и вечно небритый, как забулдыга, – выпалил я.

– Ты сам небритый как забулдыга, – кивнул красномордый. – Скажи еще что-нибудь, а то так любого описать можно.

– Дочь у него есть. Светленькая, худая как трость.

Охранник еще раз прищурился и резко захлопнул глядело. Представив, что придется снова ночь не спать, охраняя ворота снаружи как бездомный пес, я начал рассматривать вариант с незаконным проникновением на загороженную территорию. Я стал вглядываться в щели частокола, и домишки заманчиво притягивали взгляд, словно говоря мне: "Эй, внутри нас тепло и безопасно, айда скорее к нам". Я уж было рыпнулся в сторону от ворот, но через полминуты дверная часть дрогнула, и красномордый, просунувшись в щель, кивнул мне.

– Заходи, лесной.

Я облегченно выдохнул и прошмыгнул в проем.

– Благодарю, – сказал я, когда оказался внутри.

– Ага. Сорас, хоть и остроухий, но мужик что надо. С кем попало водиться не станет.

Молча подтвердив его слова кивком, я пошагал от ворот.

Вообще, на моем месте мог оказаться кто угодно, начиная от убившего Сораса бандюги до простого воришки, который понаблюдал за целителем, обворовал и пришел сбывать кра-

денное. Но с другой стороны, я пришел один, и судя по тому, как легко меня подобрал рябой Арун, выгляжу не опасно. Тем не менее, я бы не поставил красномордого на охрану врат своего замка.

Пройдя по широкой улице, вдоль которой и по всему радиусу ограждения виднелись дворы, я вышел к площади. Здания вокруг выглядели добротными, некоторые двухэтажными, но вся эта красота была на переднем плане, дальше же, я уверен, были менее привлекательные строения. Тем не менее, было весьма атмосферно: ночь, повсюду живой огонь и запах горящего дерева, улетающего столбами белого дыма в звездное небо.

Мимо меня пробежало несколько человек, направляясь, видимо, по своим неотложным делам, и я решил, что мне тоже не стоит задерживаться на виду и привлекать лишнее внимание.

Я сделал круг по всей площади, выглядывая что-нибудь напоминающее таверну или кабак. Вокруг было достаточно тихо и светло, как от факелов так и от ночных соглядатаев, так что шумное место вряд ли можно пропустить. Но когда наткнулся на здание с кричащей вывеской кружек и тарелок, вспомнил, что одна черноглазая гадина меня обчистила. Чертыхнувшись, я развернулся и под шумные выкрики из-за стен таверны побрел искать ночлег.

Решив, что вглубь идти смысла нет, так как в этом месте вряд ли есть дома для бесплатной ночевки, я направился к

воротам. Хотелось уже упасть куда-нибудь и спокойно прикрыть глаза. Прошлая ночь была без сна, и меня начало даже пошатывать немного. Усталость брала свое. Я добрал почти до самых ворот и столкнулся с красномордым охранником.

– Чего бродишь, лесной? – спросил он подозрительно.

– Да ночлежку ищу, – ответил я честно. На самом деле, в голове было так туманно, что у меня просто не было умственных сил на выдумывание историй. Я просто надеялся на его помощь.

– А чего к Горяку не пойдешь? У него всегда места найдутся, – кивнул в сторону таверны охранник.

– Да ограбили меня по дороге, вот и не иду. Без монет кто ж мне комнату сдаст, – вяло признался я.

– Вона как, – протянул охранник.

Мне оставалось только плечи опустить.

Он задумался на добрых полминуты и махнул мне рукой:

– Ну, раз такие дела, айда в охранке переночуешь.

– Эм, благодарствую, – удивленные брови привычно взлетели.

– Да мне не в тягость, – развернулся он, кивнув мне. – Все равно ночная сегодня, а комнатка пустует. Там, правда, не вытянуться как следует и ничем не отапливается, но зато крыша над головой. А завтра дуй обратно в свой лес! Нечего здесь с пустыми карманами да мешком шастать.

Я поплелся за охранником.

Он указал на дверь какого-то маленького сарая, почти у

самого частокола, и хлопнув по плечу, пошел нести ночную вахту. Я ввалился в комнатушку и упал на какую-то солому.

– Мда... воздухоплователи, телепорты, межпланетные перелеты и деревянная доска, покрытая сеном, – бурчал я, устраиваясь.

Хоть я и жаловался, но объективно понимал, что мне повезло. Крыша над головой и пусть жесткая, но кровать, а не земля покрытая листьями.

Сосредоточившись, я начал высвобождать ману, чувствуя привычное покалывание на пальцах, и выпускал ее до тех пор, пока не потерял себя во сне...

– Бах-бах-бах, – столкнулись кулаки Тома с дверью комнаты Керниса.

– Лизи, ты здесь? – крикнул он, что есть сил. – Лизи, нам нужно срочно поговорить!

– Кернис, сынок, открой дверь, – взволнованно крикнула рядом Эмма.

Тишина. Том приложил ухо к двери и услышал громкое мычание.

– Почему дверь не открывается? – спросил он у отца.

– Не знаю, может, сломалась?

– Какой, к черту, сломалась! – раздраженно рявкнул парень и хотел было рвануть в комнату с инструментами, но дверь внезапно сама открылась.

Перед взволнованными людьми предстала картина, кото-

рую, наверное, никто из них никогда не сможет забыть.

Связанная по углам кровати Лизи лежала почти звездочкой. В комнате горел только светильник и несколько свечей, расставленные по кругу спального места. Кислый запах семени ударил в нос.

Кернис стоял у изголовья кровати и, словно не заметив появившихся родителей и брата, продолжал мастурбировать. Лизи дергалась и изгибалась, пытаясь освободить привязанные руки и ноги.

В голову Тома ударила ярость.

Такую ярость парень не испытывал никогда. Жар пробежал по коже и, рухнув к ногам, наверное, прожег дыру на том месте, где он стоял мгновение назад.

Его кулак, словно беснующийся демон, радостно столкнулся с челюстью Керниса, и тот, как пуховая подушка, отлетел к стене. Не раздумывая ни секунды, Том подбежал к нему, и со злым свистом его правая нога проверила на прочность мягкий живот парня.

Том услышал, как тот жалобной пискнул, но ему понравился этот звук. Он поднял мразь, которая еще пятнадцать минут назад была его братом за волосы, и с удовольствием впечатал его щеку в стену.

Раздался хруст. Но Том хотел большего. Ему было мало. Мало!

Рич опомнился и, обхватив Тома со спины, пытался удержать, но тот отмахнулся от помехи, как от пушинки. Отец

не сдался и, обхватив его снова, отбросил парня в сторону двери.

Внезапно придя в себя, Том замотал головой и вспомнил о сестре.

– Томи! – будто из другой реальности его достиг голос матери. – Томи, хватит, остановись, прошу тебя!

Эмма сидела на полу, и ее лицо было обезображено диким ужасом.

Том молча поднялся и медленно подошел к кровати. Лизи яростно сдирала с себя последнюю одежду и безудержно рыдала.

– Лизи, – выдавил он, протянув руку.

Рич набросил на нее одеяло, и она намертво укуталась в нем.

– Папа, Том. Заберите меня отсюда, – сказала она.

Том кивнул и, опередив Рича, бережно подхватил сестру на руки. Сая встретила их на выходе и, прикрыв ладонями рот, часто всхлипывала.

– Я не хочу в свою комнату, – сказала Лизи.

Первым порывом Тома было подняться к себе, но в глаза бросился один из ближайших диванов в амфитеатре, и он направился к нему.

– Что произошло? – встревоженно спросила Присцилла. – Почему Элизабет в покрывале?

Сая отвела ее в сторону и что-то быстро объяснила.

– Что?! – взвизгнула Присцилла. – Как это понимать! Бар-

ри, ты кого привел в наше убежище, черт возьми?!

– Ну, я же не мог знать.

– Ты должен был!

Том не слушал их и гладил Лизи по волосам. Он просто не знал, что сказать, чтобы утешить сестру, все было слишком дико.

– Он не успел прикоснуться ко мне, – сказала тихо Лизи. – Он только... только...

– Я понял, сестренка, понял. Теперь все позади, – Том поцеловал ее в лоб и огляделся.

Барри с Присциллой ругались слева от него, Эмма сидела в ногах Лизи и гладила ее по дрожащему колену. Рич что-то нервно обсуждал с Филиппом с другой стороны Сферы.

– Это я виновата, – внезапно проскулила Мэгги. – Он убедил меня, что хочет только помочь ей успокоиться. Сказал, что ей нужно поспать. Я не знала, что он собрался делать. Когда я услышала, как вы кричите у ее двери, я открыла ее из рубки так быстро, как смогла.

– Что? Ваш гаденыш еще и дочь мою заставил что-то сделать? – взбесился Барри.

– Барри, ты же слышал...

– Да я достаточно уже наслушался, особенно тебя, Эмма, – оборвал он ее. – Я хочу, чтобы вы сегодня же покинули мое убежище!

– Этому не бывать, – поднялся резко поднялся Том. – Извините, мистер Келван, но сейчас не самое лучшее время для

этих игр.

– Каких игр, ты, гребаный сосунок. Тебя я вышвырну отсюда в первую очередь! – плевался пеной Барри.

– Папа, нет! – подошла к нему Сая. – Я не позволю.

– Молчать! – гаркнул он на нее. – Не позволит она.

– Разрешите поинтересоваться, мистер Келван. Как вы собрались меня вышвыривать? – с вызовом спросил Том.

У парня не было никакого желания играть в игры с вообразимой властью. Тем более, что Сая открыто заступилась за него. И так как мать сейчас была с Лизи, он решил не молчать, вымещая нахлынувший на него в комнате Керинса гнев.

Амфитеатр заполнил мягкий свет Сферы, оборвав крики и причитания.

– Что за нахрен?

– Не знаю.

– Снова из-за вас что-то происходит!

– Том! Мразь! – Выкрикнул появившийся со стороны своей комнаты Кернис. В его правой руке был черный Глок.

Его лицо было полностью покрыто кровью. Глаза навыкате, на губах пузырилась слюна вперемешку с кровью, а рука дрожала от тяжести металла.

– Ты думаешь, что я просто так сдамся? Думаешь, я позволю тебе отобрать МОЮ ЛИЗИ?! – выкрикнул он.

– Сынок, что ты делаешь. Опустит это, – поднялась с дивана Эмма и закрыла Тома собой.

– Что я делаю?! Что ты делаешь, мама! – скривился Кернис. – Он не твой настоящий сын, но ты защищаешь его, а не меня!

– Кернис, мальчик мой, опусти оружие, мы все решим. Том уйдет наверх, и мы будем жить только вчетвером. Правда, Том? – Эмма повернулась к нему, и парень прочитал на ее лице мольбу.

– Да. Я уйду, сегодня же, – спокойно подтвердил ее слова Том.

"Как только ты положишь оружие, ты будешь сидеть взаперти до конца жизни, получая еду по расписанию через гробанную щель", – следом подумал он.

Сфера стала еще ярче, и Гурлоу серьезно вздрогнул.

– Кернис, ты видишь, что происходит?! – крикнула Присцилла. – Посмотри на Сферу, сейчас не до этих глупостей!

– Нет. Так не пойдет, – сказал Кернис, даже не посмотрев в сторону уже яркого шара. – Я покажу всем, насколько мне дорога Лизи и как жестоко вы поплатитесь за то, что мешаете нам.

Рука Керниса сдвинулась в сторону, и как в замедленной съемке, Том увидел яркую вспышку на конце дула пистолета. Рядом с ним коротко вскрикнула Сая и, прижав руку к животу, упала на колени. Том хотел броситься к ней, но Кернис направил дуло на него, и снова раздался выстрел...

Глава 19

В который раз сны были беспокойными. Я несколько раз просыпался и в полубреду засыпал снова. Морфей принимал меня в свой мир сразу, только чтобы снова окунуть в какое-то безумие.

Когда меня разбудили крики местных домашних пернатых, мои глаза долго не хотели разлипаться. Тело было мокрым и горячим настолько, что вряд ли я страдал от холода всю ночь. В памяти, как всегда, был бардак, но вместе с этим появилось странное чувство приближения к чему-то. Будто я пересек какую-то черту и должен сделать последний шаг. Но несмотря на подбадривающие вопли болельщиков, спортсмен падает перед финишем, и его время замирает.

Я машинально выпустил поток маны и еще какое-то время не двигался, освобождая свой доступный запас. Было отменно, что это давалось весьма просто и быстро. В отличие от первых попыток, сейчас я уже мог почувствовать количество освобождаемой маны и ее плотность. Будто я и есть некий сосуд, из которого выпускают жидкость. Странное и зыбкое чувство. Но вместе с тем присутствовало ощущение освобождения. Оно не было приятным или тягостным, ведь мана не доставляла дискомфорт либо удовольствие, проявляясь, фактически, только в момент работы с ней. Тем не менее, психологически чувствовать, что твой запас исчерпан, было в радость, особенно, когда это происходило так живо и легко. Словно выплескиваешь кастрюлю воды черпаком, а не ложкой.

На улице было еще сумрачно, а дыхание вырывалось из горла еле заметным паром. Но местные петухи надрывали горло так, словно вся деревня заспалась до обеда. Ну или местная природа-мать заложила в их инстинкт стремление не давать спать всему живому дольше, чем на это способны сами крикуны. Вообще, вся живность, которую я успел приметить на Фариде, была очень схожа с земными аналогами, и ориентироваться между ними было предельно просто.

Складывалось впечатление, что вселенная вообще однообразна в своих творениях, ну или бог. Кому как. Разумные – двуноги и двуруки. Живность на двух или на четырех лапах. Крылатые – определенно без третьего крыла. Конечно, я не видел еще всего и вся, но уже сомневался, что будет какое-то кардинальное отличие, по крайней мере на Фариде. Например, те же самые рогачи – всего лишь зайцы с маленькими рогами. Сероволки – те же волки, но крупнее и умнее. Даже огромная утка была двулапой, с короткими, покрытыми перьями отростками, и чертовски походила на какого-нибудь пернатого велоцираптора.

Отвлечшись от посторонних мыслей, я постарался сосредоточиться на мане и почувствовать, как она восстанавливается. Но как вообще можно почувствовать работу фильтра-сосуда? Представить, как капельки воды сцеживаются и капаят в... меня? Или может, работа Сосуда похожа на процесс фильтрации через респиратор?

Разглядывая через маленькие щели стен строения светле-

ющий мир, я прислушивался к своим ощущениям, пытаюсь понять, что именно мне нужно уловить.

Сердце уже успокоилось и билось равномерно. Дыхание тоже неизменно.

Я прикрыл глаза и представил, будто меня окружает не деревянная кибитка, а белая пустота. В этой пустоте мое тело было не из плоти и крови, вен и мышц, а из желтого, пульсирующего света. Расставив руки и ноги, аки Витрувианский человек, я замер в этой пустоте и, оторвав сознание, отделился от себя, взглянув со стороны. Я представил, что через эту пульсирующую формацию проходит черная волна, оставляя внутри голубую дымку. Это вещество начало оседать в стопах, с каждой новой волной поднимаясь все выше.

Но внезапно, добравшись до середины голени, голубой дымок остановил свой подъем, и как бы я ни старался, черные волны больше не поднимали его вверх.

"Но ведь это моя фантазия, черт возьми, и я здесь пытаюсь понять кое-что важное, а не соревнуюсь с подсознанием!" – мысленно гаркнул я.

Но все было тщетно. Я помнил слова Сораса о том, что Сосуд не позволяет опустошать себя полностью. Если перевести на земной язык, то его наполняемость изначально не опускается ниже десяти процентов от общей емкости. Но ведь я представлял себе даже не опустошение, а наполнение!

Может, все дело в этих условных замках, и на самом деле Сосуд не столько жадничает ману, сколько не наполняется

ею полностью? Но какой тогда смысл в обнулении?

– Стоп! Я иду не в том направлении, – сказал я себе.

Да и причем здесь эволюция Сосуда и опустошение его имеющейся емкости.

Я уже решил, что Сосуд и мана тесно повязаны с сознанием, а значит, моя фантазия оказалась настолько глубока, что дело вовсе не в замках и запретах, а в не полном опустошении Сосуда. То есть, фактически, он мне показал границу своей наполненности.

Никто не знает, как выглядит Сосуд и может ли он вообще как-то выглядеть, в понимании объекта или хотя бы сгустка оптического излучения. Возможно, Сосуд – это всего лишь мысль, идея. Но если он оберегает живых существ от себя самих же, может быть, у него есть какие-то эмоции? Ну, или что-то, что может позволить ему одобрить вариант своего образа в фантазии разумного. Даже если Сосуд – нечто запредельное для нашего представления о формах бытия, этот симбионт должен как-то реагировать на тех, к кому пристроен.

– Хах, – нервно выдохнул я, проникнувшись трепетом этой идеи.

Внезапно раздался громкий треск ломающегося дерева, потом еще один, и в утреннюю перекличку петухов и другой домашней живности ворвался рев десятков глоток разумных.

Рядом с моим пристанищем пронесся топот сапог, и рез-

кие шипящие выкрики на неизвестном языке заставили меня вжаться в кровать. Я затаил дыхание, будто его может услышать неизвестный враг. В голове пронеслись образы ворвавшейся в поселение банды, ярко выраженные, благодаря трудам земных режиссеров исторических кинолент, и моя поясница покрылась потом.

Через пару минут по округе разносился не только боевой рев, но и пронзительные крики, плач. Местные поселенцы были выброшены из собственных домов, теплой постели, объятий друг друга. Несколько раз я услышал звон железа.

Нападение на деревню, а именно это оно и было, произошло настолько внезапно и молниеносно, что ворвись в эти считанные мгновения кто-то в мое убежище, у меня не было бы ни малейшего шанса на сопротивление.

Под женские визги и детский плач я скатился с кровати и подполз к двери. Дышать было тяжело, а в груди стоял мерзкий ком. Одна часть меня, слыша отчаянную песнь насилия, хотела вырваться из-за стен этой клетки и уничтожить всех, кто выглядит опасно. Другая назойливо твердила, что меня будет ждать лишь бесславная смерть от первого встречного мага или мечника. Сомневаться в том, что среди нападающих окажутся маги намного сильнее меня, было бы верхом глупости. Даже если среди ублюдков будет больше половины простых Белых, с мечами наголо, мне все равно несдобровать.

С ненавистью к своей слабости я приблизил глаз к щели

между досками, и внезапно перед взором блеснул металл. Я отскочил назад, и в этот момент, без лишних звуков, в дверь врезалось что-то тяжелое. Раздались мужские резкие выкрики, и после пары звонких ударов, обмазанное кровью широкое лезвие с хлопком влетело в комнату через щель между досками.

– Арргх, – раздался глухой предсмертный вскрик.

Следом прозвучал хриплый твердый голос:

– Шиатс-са крошта хи-ша!

Красное острие рвануло назад, и тело убитого тихо съехало наземь.

Я подождал полминуты, снова неуверенно подполз к двери и глянул наружу. Прямо перед входом лежал ночной страж. Лежал, скрутившись, на боку и смотрел в ту же щель, из которой выглядывал мой глаз. Он был еще жив, несколько раз моргнул и губы дрогнули в немом изумлении. Я, почувствовав себя еще большей мразью, снова отскочил от двери, прижавшись к дальней стене сарая.

Плач не стихал, а я дрожал как последний трус и ненавидел свою слабость.

Собравшись с мыслями, я начал искать способ выбраться из строения незамеченным. Насколько я помнил, сараюшка был почти у самого частокола, а значит, его задняя стенка – единственный безопасный способ покинуть это место.

Нашарив нож, аккуратно просунул его между хлипкими досками и надавил. Первая дощечка легко поддалась и с тон-

ким скрипом отвалилась от связывающей верх и низ пятерки. Следующая упала с такой же легкостью. Создав проем сантиметров в двадцать, я протиснулся и выплюнулся наружу.

На улице быстро рассвело, и ветер пронесся по нестриженным волосам. Вместе с прохладой он принес запах крови и отчаяния. Плач не стихал и лишь на время прерывался, после гневного рыканья, чтобы снова разбавить короткие перекрикивания налетчиков.

Я хотел разогнаться и просто перелезть через забор, но нужно было глянуть на банду, чтобы определить безопасное окно для маневра. Подобрался к углу здания и очень быстро зыркнул в сторону основного шума.

В поле зрения оказалась куча людей, собранных в центре улицы. Женщины сидели на коленях с детьми на руках и просто смотрели в землю. Вокруг валялась куча мужских трупов. Присмотревшись внимательней к головорезам, я заметил мохнатые уши.

Ясно. Фойре.

Целая ватага фойре кружила рядом с вздрагивающими женщинами и плачущими детьми. Они тыкали в них блестящим металлом и мерзко хохотали, наблюдая реакцию.

Я спрятался за угол и до скрипа сжал зубы.

Страшно быть слабым. Ужасно быть трусом. Но еще хуже, быть трусливым слабаком. До этого момента я не считал себя трусом, даже когда бежал от Хряка и Пипа. Мне было

страшно, ведь я столкнулся с такой легкой смертью впервые в жизни, ну, как минимум, той жизни, которую помнил. Но сейчас я чувствовал в себе трусость. Не от того, что боялся выйти и прыгнуть на меч или магию, а от того, что отвернул свой взор. Я боялся всматриваться в лица будущих трупов, рабов, изнасилованных и покалеченных. Этот мир, несмотря на чудесную магию, обезображен и жесток. Это чертово средневековье, Дикий Запад, в самом ужасном его представлении. Вспомнились истории о племенах шириканских индейцев, которые постоянно сталкивались и убивали друг друга за охоту на чужой территории. Разрисованные, дикие, безумные.

Но там был каменный век. А здесь. Здесь есть король, император, космические полеты, телепорты и еще черт знает что!

Я еще раз глянул за угол и попытался сосчитать количество ублюдков фойре. Пятнадцать. Обождав еще пару минут, решил, что больше никто не появится, и подгадав нужный момент, собрался рвануть к забору.

Опередив меня буквально на секунду, раздался девичий вскрик. Этот крик заполнил мою голову, выдавив все остальные мысли, и колющая боль, казалось, сотнями игл пронзила череп. Я схватился за голову и обессиленный повалился на землю.

Туманным взором я повернул голову в сторону звука и между домов увидел здорового, мерзко хохочущего фой-

ре, который тащил за рыжие волосы рыдающую от бессилия девушку.

Внезапно перед глазами появилось женское лицо, и в этот момент я знал ее имя – Сая. Убитая братом Сая... Затем – Эмма. Моя мать.

Пласт воспоминаний Ниагарским водопадом ворвался в мое сознание, и я вспомнил себя. Свое имя. Вспомнил свою жизнь, летящий на Землю метеорит, чертово убежище и брата. Брата который убил Саю и мать.

Увидев в руках фойре Лизи, меня будто пронзило током.

Глава 20

Я чувствую, как мои мышцы за мгновение наполнились силой. Отталкиваюсь от земли, как от батута, и срываюсь вперед словно дикий зверь.

Жалкие тридцать метров через секунду остаются позади, и мое колено слёту врезается в клыкастую челюсть. На лице ошеломленного громилы непонимание, но мне не это хочется увидеть.

Словно не чувствуя сопротивления воздуха, правая нога вырывается вперед, и ботинок пробивает его грудь. Фойре хрюкает и делает еще пару шагов назад, но я не даю опомниться, и сблизившись с громилой, бью правым хуком по виску.

Он, как тяжелая колода, валится на землю.

Я прыгаю сверху и начинаю методично вминать кулаки в

его лицо, оно же, как песок, принимает в себя все мои удары.

Кровь брызгами разлетается в разные стороны, и мне нравится это чувство...

Внезапно, по мне что-то прилетело и отбросило на пару шагов с тела фойре. Я, хрипло дыша, зыркнул в сторону нового неприятеля и увидел еще одного ушастого, который стоял в пяти метрах от нас. Он выполнил пасс руками, и на меня сверху упало что-то тяжелое, прижало к земле и полностью обездвижило.

Я зарычал как пойманный зверь, но под давлением магии не мог пошевелить ни одной мышцей.

– Ну, и что здесь у нас такое? – спросил мягким голосом кто-то.

Рядом со мной остановились чёрные высокие сапоги.

– Что ты сделал с Бораком, атлан? – спросил он безэмоционально. – Отвечай.

И я ответил:

– Тупой вопрос, мразь. Я убил его.

Смысла деликатничать я не видел, результат был налицо, и моя смерть в этой ситуации была лишь вопросом времени.

– Какой дерзкий, – сказал он холодно и пнул меня в живот. – Но это не имеет значения, ты все равно сейчас умрешь.

Я промолчал.

– Но ты не умрешь быстро, я раздавлю тебя как насекомое, слабак, – провозгласил он пафосно.

Мне хотелось сказать ему, что если бы не его магия, мы

бы еще посмотрели, кто из нас насекомое и слабак. Но это было бы актуально там, на Земле, а здесь магическая сила так же естественна, как мышцы тела. Конечно, дискутировать про везение родиться не Белым тоже можно, но по понятным причинам, сейчас это было бы просто нелепо.

На меня навалилось еще большее давление, и стало сложно дышать, не то что говорить или огрызаться.

Я определенно не был готов к смерти, тем более когда вспомнил себя и нашел сестру...

Сестру?

Моментально вспомнив ситуацию, до меня дошло, что это была точно не Лизи. Завыв внутри, я почувствовал горечь и облегчение. Не хотелось умирать, но от осознания, что это была не сестра, стало легче. Сейчас это было так же очевидно, как магия ветра, прижавшая меня к холодной земле.

Магия.

Подумав о магии, я сосредоточился на мане и стал высвобождать ее так обильно, как только мог. Вне всяких сомнений, этот фойре, лицо которого я не успел рассмотреть, был сильнее меня, и сейчас тягаться с ним было так же тщетно, как котенку с котом. Но я не хотел уходить настолько тихо и безропотно. Как-никак даже в таком виде моя магия способна ослаблять структуры.

Я крепко зажмурился, и перед глазами возник Витрувианский я, только состоящий из желтого света. Отчаянно потянувшись к нему, я представил, как голубая дымка начина-

ет покидать светящееся тело. Только не с середины голени, где граница дозволенного Сосудом, а с самого низа.

Желтый свет стал заполнять стопы и, толкая ману наверх, поднимался выше. Будто широкий шток шприца, выталкивающий воду. Объем голубой дымки стал уменьшаться, оставляя привычную ментальную дрожь.

Давление фойре усилилось, и вдохнуть полной грудью стало невозможно.

Я ухватился за сформированный образ и усилил давление на ману, она рванула вверх и, истончившись, полностью исчезла. Этого было недостаточно.

Сцепив зубы от боли и отчаяния, я хватался за любые варианты. Удерживая в памяти воспоминание ментальной дрожи при высвобождении маны, я начал сознательно вызывать его. Раз за разом, я вызывал это ощущение, будто оно и не пропадало вовсе. Думал о каждой детали этого состояния. Как оно начинается и как заканчивается.

Мне даже начало казаться, что дрожь появилась на самом деле. Я поднимал ее выше и выше, бережно удерживая, как воду в ладонях, стараясь не отвлекаться на боль.

Появилась тоненькая синяя полоска на каждой ноге светящегося меня. Она стала расширяться и по мере давления снизу истончаться. Спустя несколько секунд, мысленное давление практически не давало полоске расширяться, и желтый свет покрывал ману по мере ее тончащего проявления.

– Что ты... – ворвался голос из реальности. – Какого хуя происходит?

Фойре усилил давление на меня, а я на свою ману, стараюсь не упускать чувство ментальной дрожи.

Внезапно, меня начало тошнить и выкручивать. По всему телу разбегались волны тягучей боли, отличающейся от сдавливания тела магией фойре.

– Да ты гребаный разрушитель! Гребаный, мать его, разрушитель, – расхохотался фойре.

Прессинг его чар резко ослаб, и я часто задышал, хватая воздух, как рыба на берегу. На самом деле, это произошло очень вовремя, ибо мой воображаемый штوك уперся во что-то непреодолимое, и голубая дымка перестала появляться.

– Слышь, Коир? Это гребаный разрушитель! – словно балдея от своего голоса, вопил фойре.

Я разлепил глаза и заметил еще одну пару черных сапог.

– Ага. Редкие птицы. Слабые, но полезные, особенно для наших дел, – прозвучал тихий, растягивающий слова голос.

Первый голос вкрадчиво предложил:

– Слышь, атлан... А давай к нам! Я, канеш, понимаю, что ты за своих, все дела, но черт, ты же гребаный атлан! Вы предаете и убиваете друг друга больше, чем все остальные расы, вместе взятые! Я даже эту девку тебе отдам нетронутой, раз ты за нее так впрягался.

Отдаст? Лизи?

Нет. Стоп. Это же не Лизи.

Я всерьез задумался о его предложении. Решив, что при первой же возможности тупо сбегу, я даже открыл рот, чтобы ответить, но вспомнил про ошейник. Вряд ли бы они дали мне возможность расхаживать без ошейника. Даже если бы затолкали в голову кучу свитков со структурами разрушения, подняли мне ступень Сосуда – я бы пользовался всем этим только когда им будет нужно. Все остальное время – я обычный раб без права голоса.

Конечно, есть шанс, что их поймают и убьют. Но где гарантии, что освободитель не станет угнетателем?

Дерьмо.

– Пошел... ты, – прошептал я.

– А? Повтори, атлан, – театрально громко спросил первый фойре.

– Я сказал, – шепотом, – ПОШЕЛ НАХЕР!

Да лучше, мать его, сдохнуть и встретиться с Саей... мамой... Ну, а если не встретимся, то по крайней мере я не буду жить с чувством вины за их смерть. Кернис убил Саю, чтобы отомстить мне. Он же убил маму, защитившую меня.

Слишком много. Я и так был не самым лучшим человеком на планете.

Вспомнив свою жизнь, начиная с исчезновения матери, в моей душе появился камень, который тянул мою шею к земле похлеще магии ветра фойре.

А Лизи?

Лизи сильная девочка, и если ей хоть чуточку повезло

больше, чем мне, она выберется из любого дерьма.

Пока я лежал и настраивал себя, вокруг стоял задорный смех.

– Слышь, атлан. Тогда, пожалуй, я не стану тебя убивать сейчас. Мы наденем на тебя один из ошейников, которые так любит твоя раса, и продадим какому-нибудь уроду.

И снова раздался всеобщий смех.

Я представил себе такую перспективу и неистово искал способ убить себя до того, как на меня наденут эту жуткую вещь. Было ясно, что первым же приказом владельца будет "не вредить себе".

Как правильно откусить язык, я не знал да и сомневался, что у меня хватит духу сделать это. Без психологической подготовки такие вещи практически не выполнимы. Да и шансы на удачный "перекус" ради смерти от кровопотери тоже не стопроцентные. Кроме того, если среди головорезов есть целитель – смерти мне не видать.

Сказать, что мне было страшно – ничего не сказать.

Безумно хотелось, чтобы это был всего лишь один из тех снов, после которых ты долго лежишь в постели и благодаришь вселенную за то, что все это было нереально.

Сердце колотилось, как не в себя. Тело покрывала мелкая дрожь, но я не мог даже закричать из-за прессинга магии зверолода.

Смех толпы фойре резко стих, и я почувствовал, как с меня слетела воздушная плита, прижимающая к земле. Я мед-

ленно поднял голову, и мои глаза наткнулись на кучку обездвиженных зверолодей, с торчащими из горла, испускающими дымок, широкими черными клинками. Едва я осознал это зрелище, как словно по указке, мои барабанные перепонки начали ловить предсмертные хрипы и чавканье крови, обильно вытекающей из молча открывающихся ртов. Не самая лучшая сцена, которую мне довелось видеть за свои почти двадцать четыре года, но мне понравилось.

Я начал искать глазами виновника торжества справедливости и наткнулся на стоящего посреди толпы фойре атлана, который со скучающим видом осматривал деревню. Светловолосый, в черном пальто ниже колена, коричневых брюках и такого же цвета жилете.

Эта одежда так отличалась от всего, увиденного мной до сих пор, что моя челюсть отвисла, несмотря на дичь, что творилась буквально полминуты назад. Парень атлан больше походил на человека с Земли, который улизнул с вечеринки, не забыв прихватить пиджак. Выдавал его лишь осознанный взгляд и отсутствие любых признаков испуга.

Он только что убил минимум пятнадцать человек, а выглядел так, будто высматривал нужную маршрутку.

Сейчас, когда я вспомнил себя и недостающий Каину жизненный опыт, вселенная магии снова впечатлила своим... наличием.

Чары этого мира безмерно поражали и пугали.
Нет. Не так.

Пугали не чары, а мир. Чары – всего лишь нож, которым ты можешь нарезать салат, а можешь нарезать прохожего. Или обоюдоострый клинок.

Я еще не успел встретить достаточно разумных, чтобы начать вести статистику и делать решающие выводы. Не видел городов и бурлящей в них жизни. Прыгающих по полю довольных спиногрызов, радующих родительский глаз. Влюбленных парочек, прогуливающих вдоль пирса местного морского побережья.

Да я, по сути, вообще нихрена еще здесь не видел.

Тем не менее, впечатления за эти несколько дней сложились весьма определенные.

Нужно срочно становиться сильнее. Намного сильнее. То, что выдал этот парень наверняка не предел.

Глава 21

Разглядывая внезапного спасителя, я все же лежал молча и старался не двигаться. Что он станет делать дальше? Может он и не спаситель вовсе, а местный потрошитель, который сначала спасает, а потом наслаждается, наблюдая за реакцией жертв, когда те осознают, что это такая игра.

Сначала парень стоял, просто оглядываясь по сторонам, затем, по прошествии минуты, резко сунул руки в карманы пальто, и скучающее выражение лица сменилось брезгливостью. Нос то и дело морщился, будто он оказался в пахучем туалете сельской глубинки, а глаза нервно помаргивали.

Фойре уже не издавали никаких звуков. Все до единого были мертвы, а черные клинки, торчащие из шеи каждого, испарились, словно черный дым горящей резины. Под каждым телом была лужа крови, а лица с глазами навывкате выражали полное неверие. И я вполне себе понимал их непонимание.

Люди, сидевшие в центре улицы, начали медленно подниматься и неверяще оглядываться. В основном, все были женщинами и детьми, так как фойре повырезали почти всех атланов мужского пола. Остались только подростки, которых не убили либо из-за отсутствия сопротивления, либо, что вероятнее, ради продажи в рабство. Это именно то, чего я боялся, узнав об ошейниках от рябого Аруна.

Рабство – самое мерзкое из выдуманных разумными издевательство над свободным от рождения существом. Безусловно, ситуации бывают разные, и в обеих вселенных есть те, кто отказался от ответственности и переложил свою жизнь на другого. Но даже это близко не сравнится с невозможностью повернуть назад.

Тем не менее, я еще слишком мало знал о жизни и технологиях на Фариде, чтобы рассуждать о безысходности всех и каждого, отталкиваясь только от своих возможностей.

Пока я напрягал извилины, одна из женщин подбежала к светловолосому парню и, упав на колени перед ним, ухватилась за ноги. Он к этому времени вышел к середине улицы, видимо, устав созерцать частокол, единственный двор,

из которого громила и тащил девушку, и мою ночлежку.

На меня же он не обратил никакого внимания, посчитав, видимо, одним из местных.

– Спаситель! Избавил от душегубов! – начала причитать она, почти целуя его ботинки.

Меня сначала скривило, а потом я представил, что было бы с этой женщиной, если бы парень не появился. Вряд ли бы она стала поварихой кружка любителей "убивай атланов как баранов". Да и я, собственно говоря, был не в самом лучшем положении. Если не сказать больше. Так что, переборов высокомерие, я понял ее эмоции и отнесся с пониманием к выражению даже такой благодарности.

– Д-да ничего... – неуверенно сказал парень и попятился. – Я здесь чисто с-случайно.

Женщина не стала преследовать его и просто сидела на земле и разглядывала спасителя, как уверовавшая.

Тут подбежала вторая, третья, четвёртая, и вот уже целая толпа одиноких, теперь, женщин рванула к белокурому. Они просто оседали перед ним на колени и рыдали, утирая лица рукавами испачканной одежды. Совсем маленькие дети бессознательно следовали примеру и, глядя то на мать, то на парня, утирали свои слезы и пузырящиеся сопли.

Конечно, не все женщины подбежали к нему. Многие горевали возле трупов своих мужчин, безудержно утыкаясь в их холодные тела лбами, теребя одежду и моля, чтобы тот поднялся.

И несколько действительно зашевелились. Один даже перевернулся на спину, держась рукой за бок.

Так же среди выживших оказалось несколько стариков, неизвестно зачем оставленных в живых. Может фойере не доглядели, а может быть, и на это есть спрос.

– Господин искатель! Господин! С вами, случайно, нет целителя? Прошу вас... господин искатель! – завопила одна из тех, чей мужик еще дышал.

Что за искатель?

– Ээм... нет, простите. Я... эм, случайно здесь, – снова неуверенно отступил парень.

– Как же так! Что же нам теперь делать? Как мне спасти моего Кринка?! – опустила она голову.

Остальные дамы, чьи мужчины зашевелились, тоже смотрели на него с надеждой.

Вспомнив про себя, я поспешил обследовать свое тело, попеременно дергая конечностями и обшаривая все руками. Поднялся на ноги и тут же чуть не осел. Сил почти не было, но кости, по-видимому, целы.

Я доплел до моей ночлежки и присел рядом с ночным стражем, который в той же позе лежал у двери. Возможно, он спас меня. Если бы я не завалился в этот сарай, мне пришлось бы ночевать на улице или бегать от дома к дому, пока хоть кто-нибудь не отопрет. И тогда, скорее всего, я очнулся бы не от хренового сна, а от клинка в горле. Очнулся и назад.

Прикрыв его испуганные глаза, я шепотом поблагодарил

уже не красномордого мужика, и как последняя мразь, пробежался по карманам. Мародерствовать в планы у меня, конечно, не входило, но так как к нему до сих пор никто не подбежал, значит либо никого нет, либо убили. Ему уже не надо, а мне пригодится.

Нашарив небольшой мешочек, я, не глядя, перекинул его к себе в карман и поднял с земли клинок. Качество, на вид, так себе. Местами затупленный, да и звук у него глухой, но все же лучше, чем ничего.

Так же ковыляя, я доплел до фойре, который прессовал меня ветром. Посматривая на причитающую вокруг спасителя толпу, я обшарил тело ушастого и выудил еще один мешочек. Глаз упал на его меч, и щелкнув по нему ногтем, я быстренько заменил им клинок стража. Хоть он и не от моей руки пал, я посчитал, что заслужил награду за то, как держался.

Так же поступил с громилой. Тут все честно.

Тем временем на площади развернулась серьезная драма. Женщины продолжали вымаливать у белокурого целителя, а тот пятился назад. Глаза бегали туда-сюда. От одной просящей к другой.

Он резко остановился и поднял руки.

– Так. Стоп! Остановитесь, прошу вас, – крикнул недовольно он. – Я же сказал, что оказался здесь по чистой случайности, и со мной нет целителя! Хватит меня просить о невозможном!

Здесь не поспоришь, парень и так втащил нас из задницы.

– Но как же мне спасти моего Рюшка! – слезно не отступала одна из женщин.

– Не знаю! Я не знаю, как вам помочь!

Женщины, чьи мужья были мертвы, не совались в это, а просто молча наблюдали. Им уже некого было спасать. Скорее всего, для них сейчас оставался только вопрос выживания. Людей стало меньше, и без физической силы в такие времена было очень нелегко.

– Как не знаете, господин искатель! Вы же член гильдии и много знаете! Наверняка есть какой-то способ помочь моему Рюшке... – женщина, выговорившись, снова всхлипнула.

Парень нервно закрутил головой и, порывшись в карманах, достал горстку амулетов.

– Вот, если это чем-то поможет... – начал он, но его перебили.

– Спасибо. Спасибо вам, господин искатель! – ближайшая к нему женщина хватанула из его руки амулеты и, подняв подол платья, бросилась к мужику.

Тот все время корчился и стонал. Она вложила ему в ладонь амулет и сжала кулак. Мужик перестал завывать и спустя пару секунд отключился.

Вспомнив, как незнакомка из леса использовала тот, что достался мне из сумки Пипа, я задумался о том, как он работает. Если ману можно в чем-то удерживать, значит вариантов работы с чарами намного больше. Но все равно здесь

не все ясно. Как целитель заряжает и настраивает амулеты, чтобы ими мог воспользоваться обычный крестьянин, который скорее всего Белый?

Пока я вспоминал рассказы Леа о магии, на площади все немного разбрелись. Глянув на уже одиноко стоящего парня, я хотел было подойти к нему и поблагодарить за спасение. Пожать руку, что ли.

Как здесь принято?

Но вовремя заметил его кислое и недовольное лицо. Будто откусил пол-лимона. Задрав подбородок, он осматривал суетящихся женщин и пыхтел ноздрями. Пожимать руку перехотелось.

Внезапно он развернулся и широким шагом удалился через открытые врата. Я подскочил к забору и стал выглядывать, куда он рванул.

Белокурый отошел от деревни метров на двадцать, и мой взор наткнулся на его ездового питомца, а глаза вылезли из орбит. Парень подбежал к огромной коричневой ящерице с крыльями и, поднявшись по подставленной лапе, расположился на ее шее. Зверь звучно зевнул и, махнув несколько раз кожистыми крыльями, легко оторвался от земли.

Я уцепился руками за частокол и с тарабаниющим сердцем неотрывно следил за каждым движением... виверны? Ящерица звучало слишком глупо, а дракон грозно. Слово виверна само выскочило из памяти и безоговорочно укрепилось в сознании.

– Чтоб меня, – проямлил я, затаив дыхание.

Виверна набрала хорошую высоту и понеслась вперед.

Быстро.

Я постоял еще с минуту, пытаюсь усмотреть что-то в небе, но теперь, за исключением мелких пернатых, там было пусто.

– Эм..., – раздался неуверенный голос из-за спины.

Я резко развернулся и столкнулся взглядом с рыжеволосой девушкой.

– Спасибо вам, – поклонилась она, придерживая разорванное на груди платье. – Если бы не вы... если бы не вы...

Я проморгался и, подвиснув на пару секунд, вспомнил ее.

– Да не за что, на моем месте так поступил бы каждый... наверное, – проямлил я какую-то чушь и почесал затылок.

Что я несу? Мне вместе с памятью вернулся идиотизм?

Она грустно улыбнулась.

– Мое имя Норса, – резко представилась она, и щеки покрылись румянцем.

– То..., – начал было я, – Каин.

– Токаин? – подняла брови рыжеволосая.

Я замахал руками:

– Ам, нет. Просто Каин.

– Я поняла, просто шучу, – улыбнулась она и, красуясь, отбросила с плеча прядь волос.

Солнце уже давно восседало на небесном троне, и его лу-

чи выгодно осветили начинающую обольстительницу, над которой совсем недавно хотел надругаться громила. По всей площади валялась куча трупов, с молчаливой отреченностью туда-сюда ходили женщины с детьми, а редкие веснушки рыжеволосой молодежи подпрыгивали в такт ее прищуру.

Норса не сдвинулась с места, теребя края грязного серого платья, она определенно чего-то от меня ждала.

Я молчал. Она смотрела на меня – я на нее. Стало неудобно.

– Эм, я хотела спросить, – начала все-таки она. – Ты ведь не местный? Я тебя раньше не видела. Куда направляешься?

Глава 22

Куда я направлялся... План вернуться в хижину и поднять уровень Сосуда, конечно, хорош, но увидев этого парня и его летающего зверя, мне перехотелось просто сидеть на месте.

– Я, это, искателем хочу стать. Можешь мне рассказать что-нибудь о них? – спросил я в лоб.

Норса недоумевающе нахмурилась и перестала теребить платье:

– А что о них рассказывать-то? И так все известно же.

– Видишь ли, я память потерял и многое забыл, – сказал я печально. – Вот теперь пытаюсь вспомнить о мире все, что знал раньше.

Она снова затеребила подол.

– Память, это плохо. Я могу рассказать, что мне известно. Я выдал самую дружелюбную улыбку и сказал:

– Отлично! Где бы нам присесть? Я ночевал в охранке, – ткнул пальцем в сарайку. – Так что могу предложить только это место.

Норса усмехнулась, прикрыв ладонью рот.

– Давай, лучше я тебя как следует отблагодарю и накормлю хотя бы, – сказала она по-хозяйски, уперев кулаки. – Но сначала, нужно помочь женщинам.

Я проследил за взглядом и опомнился.

Понурые жительницы маленького Пантоа даже не пытались организовать и начать подготовительные работы к похоронам. Мне не были известны местные погребальные обычаи и связанные с ними ритуалы, но то, что трупы даже под осенним солнцем скоро начнут вонять, было очень даже ясно. А учитывая их количество, ситуация складывалась хреновая. И это не учитывая местных насекомых, которые обязательно начнут кружиться вокруг тел.

Я насчитал около пятнадцати домов, а значит, трупов не меньше, что для такого маленького поселения сравни катастрофе.

По идее, следовало отправить посыльного к местному феодалу или другому управленцу, чтобы тот отправил помощь выжившим или типа того. Я не очень-то разбирался в средневековых взаимосвязях между крестьянами и знатью.

– Слушай, Норса. А как вы обычно решаете вот такие во-

просы? – спросил я аккуратно, кивнув в сторону улицы. Бегло осмотрев, я насчитал семь тел. Сколько лежало между домами и по улице, я даже не представлял.

– Как... в прошлый раз... В прошлый раз было не так, и... и я даже не знаю, как сейчас быть, – ее глаза покраснели. – Тогда банда атланов показательно убила пятерых, и все было ужасно, но сейчас...сейчас...

Норса быстро утерла рукавом слезы и неровно улыбнулась.

Ясно. Понятно.

В такие времена, когда нет фабрик и супермаркетов, в деревнях разделение обязанностей между мужчинами и женщинами упиралось в физические возможности. Сейчас здесь остались почти одни женщины, и убитые горем, они не могли справиться с мыслями и действовать решительно.

– Так, ну-ка бабы. Собрались. Ать-два! – гаркнул каркающим голосом какой-то старикан.

В центре улицы показался дед и, упираясь тростью в землю, начал раздавать указания. Видимо, один тех, кого не тронули фойре.

– Римка, хватит хныкать. Осмотри раненных, ты же дочь лекаря, как-никак, – подозвал он курносую брюнетку. – Давай, потом будем оплакивать.

Он по-отечески погладил девушку по волосам, и та, кивнув, всхлипнула и, утершись, пошла выполнять распоряжение.

– Макша, собери баб и подсчитайте потери, – и мягко добавил после паузы, – да-да, я знаю, что звучит не очень, но мы должны знать точно.

Девушка, к которой он обратился, прерывисто вздохнув, молча кивнула.

– Дед Акир выжил, – с надежной в голосе сказала Норса. Я глянул на нее и запечатлел слабую улыбку.

Она пояснила:

– Он старейшина деревни. Думаю, с ним дело пойдет быстрее. Мы ведь люди простые, и долго горевать не позволительно в этих местах.

– Ты извини, если спрошу что-то странное, я вообще лесной. Отец растил вдали от поселений, а потом еще и по голове прилетело, отшибив память, – подложил соломку. – Скажи, а как вы здесь выживали до сих пор? Вас же очень мало.

Норса медленно кивнула на мое объяснение и ответила:

– Пантоа образовалась не так давно, я одна из первых, кто родился именно здесь. Обосновывались изначально вдоль торгового тракта, который идет от берега залива Четырех и до Каменной Границы. К тому же, рядом река Рорга.

Она указала на другую сторону деревни.

– А местный феодал как-то отреагирует на происшествие? – спросил я.

– Фе...ондал?

– Местный герс.

– Ааа, – скривилась она, – господин Крешда волнуется

только когда деревня вовремя не выплачивает налог.

Я округлил глаза:

– Неужели никак не отреагирует? У вас ведь вырезали почти под ноль всех мужчин!

– Хм... Может быть, в этот раз... – сказала она неуверенно. – Когда два года назад банда атланов терроризировала нас, убив мое...пятерых человек, он ничего не сделал. Прислал смотрителя, и тот, оценив ущерб, просто выдал всем по два серебряных.

– То есть, получается, сейчас вы фактически остались одни. Без мужчин, с детьми на руках, и кучей трупов на земле – констатировал я.

Она серьезно кивнула.

– Слушай, Каин. Давай поможем остальным, а продолжим говорить позже. Там сейчас очень понадобится мужская помощь.

Я поежился. Помощь означала рытье могил и перетаскивание трупов. Из стоящих на ногах взрослых мужчин, кроме себя, я больше никого не заметил. Может где-то были подростки. В таком месте и времени люди очень быстро взрослели.

Появилось даже желание молча уйти, как тот белокурый. Кто они мне? Никто. А мне нужно срочно становиться сильнее и искать сестру.

И брата. Хочу убить тварь.

Здесь меня ничего не держало, и я должен был сбежать

еще во время нападения, но моя память решила иначе. Лучше бы она вообще не восстанавливалась. Жил бы себе в неведении, может даже счастливо. Может.

Тем не менее, быстро все обдумав, я решил остаться и помочь этим людям. Ради Сораса и Леа, что вытащили меня с того света. Да и ночной страж косвенно уберег меня.

– Да, ты права. Я тогда пойду.

Норса кивнула и пошла за мной.

Я направился прямо к старику, чтобы узнать фронт работы.

– Уважаемый, чем я могу помочь? – просил я громко. Вдруг у него проблемы со слухом?

– А? Ааа. Оооо, – заголосил он. – Мужик! Здоровехонький мужик!

– Эм, да, – неуверенно подтвердил я. Вообще-то, мне двадцать четыре, и мужиком еще называть рановато, но спорить не стал. Вряд ли здесь кто-то обращает внимание на такие детали.

Борода растет? Мужик. Сопли не жуешь? Мужик. Все просто.

– Дуй, значица, за Макшей, она покажет где инструмент. Темку и Вяшку прихвати с собой.

Я замотал головой в поисках моей гидессы.

– Дед Акир, не нужно занимать Макшу, я сама проведу его, – отозвалась Норса.

– А? Аааа. Оооо, – под копирку заголосил старикан и, ух-

мыльнувшись, добавил. – Ну давай, девчушка. Проведи.

Норса взяла меня за руку и повела вглубь поселения. Мы петляли по узким проходам между участками, пока не дошли до скромного дома без земельного надела и чего-либо, напоминающего домашнее хозяйство.

– Это дом дядьки Марка. Он наш...был нашим кузнецом, – поправилась она. – Думаю, позаимствовать инструменты у него будет лучшим решением.

Да уж, гидесса оказалась так себе. Чего вызвалась то?

– А какие у вас погребальные традиции? Есть какие-то предпочтения? Верования? – как бы невзначай спросил я.

Вряд ли эти люди стали бы меня подозревать в попаданчестве, но легенду на всякий случай лучше держать впереди себя.

Норса прищурилась, разглядывая дом кузнеца:

– Да все, как везде. Погребальный костёр да в небо, к Ландушке в руки.

Она сложила ладони лодочкой и раскрыла к небу.

Ясно. Значит лес рубить.

– А где материал брать? – спросил я. – Дерево, в смысле.

– А я проведу. Справа от Пантоа берет начало лес Гора, так что есть, где развернуться... – задумчиво закончила Норса.

Только вот некому теперь разворачиваться, хотелось закончить за ней.

...

Закончили мы к ночи.

Когда я и пара подростков под чутким руководством старикана Акира доложили кострище, уже прилично воняло, и перетаскивая трупы, я обмотал нос тряпкой, с удивлением наблюдая отсутствие ярко выраженного дискомфорта у окружающих меня людей. Либо они уже привыкли к подобному, либо я настолько щегол из каменных джунглей. Сам лично я склонялся ко второму варианту.

Да и вообще, до Хряка и Пипа я и трупов-то вблизи не видал, не то что перетаскивать и обшаривать. Уж не знаю, что во мне сломалось после убежища, но если не учитывать вонь, давалось это весьма просто.

Костер запылал. Женщины зарыдали.

В общем, от рук фойре погибло двадцать человек. Не так уж много по меркам средневековых болезней и бандитских набегов, но для Пантоа, как оказалось, весьма достаточно.

Выжившие возносили ладони к небу и просили Ланду, богиню перерождения атланов, о принятии погибших в свои земли. Как я понял, в этом мире господствовал политеизм, но тихо расспросив Норсу об отсутствии часовен, был удостоен поднятых бровей и задумчиво сморщенного лба.

У атланов не было принято ставить места поклонения в виде зданий. Присутствовали лишь маленькие капища каждому из четырех богов, но не в центре поселений, а как кому хочется и на своей земле. Меня это весьма удивило, ведь опиум для народа – самый действенный рычаг в отсутствие

науки.

Послушав Норсу, я понял, что эти люди не знали даже такого понятия как "религия". Тем не менее, вера в разных богов присутствовала, но не как часть общественного строя, а как индивидуальный элемент. Когда Норса рассказала о богах, она дополнила, что сама лично не верит в них как в личностей или отдельную силу, а скорее, как в способ успокоить себя или переложить ответственность. Забавно было слышать это от деревенской девушки. На Земле в средневековье религия была основополагающим фактором при любых обстоятельствах. Но видимо, присутствие магии, Кель и знаний о космосе все-таки накладывают свой отпечаток на образ мышления.

Вообще, она оказалась весьма разговорчивой и умной, учитывая место, где она проживала. Я скорее ожидал глуповатую пастушку, чем рассуждающую о вере юную красавицу.

Глава 23

Когда прощание с погибшими закончилось, все разбрелись по домам, а я поплелся за Норсой. Она провела меня в тот же дом, куда ее хотел затащить громила фойре. Совсем недалеко от моей ночлежки, и как оказалось, он принадлежал ей. Вернее, не только ей, а ее матери, ей и ее младшему брату Паку.

Проходя по тихим улицам Пантоа, я не чувствовал вчерашнего восхищения атмосферой и, честно признаться, хотел поскорее убраться отсюда. Ночь была глухой и темной.

Холодной и неприятной. Будто кто-то в один миг сгреб рукой весь сказочный налет и оставил одну мрачную темноту.

Тем не менее, в доме меня ждало тепло, мягкий свет масляных (или жировых) ламп и улыбка матери Норсы.

– Ну здравствуй, спаситель, – мягко сказала она.

На вид ей было лет сорок. Стройная. Темные волосы собраны на затылке в пучок, а карие глаза глядели с какой-то хитринкой. Приплюснутый нос и пухлые губы создавали образ классической деревенской женщины.

– Добрый эм... вечер, – сказал я неуверенно. – Меня зовут Каин.

Она усмехнулась моей скромности и кивком пригласила за стол.

– Тут уж как посмотреть, спаситель. Давай, поешь, а то намахался там руками, небось. Меня Мария звать. Можешь так и обращаться.

– Ага, спасибо.

Я был очень даже за и, вымыв руки, прыгнул за стол. Норса и ее брат уселись напротив и чинно ожидали мать.

Как и в доме Сораса, здесь было прилично и уютно. Атмосфера внутри складывалась не деревенски беднятской, а больше походила на уютный домик, как на одном из тех фантастических фото, отражающих прелести современной хижины где-нибудь в загородных районах.

Высокий потолок, аккуратно отделанные стены, широкий стол, большой горящий камин в стене – все, как на картинке.

– И откуда же ты такой взялся? – напомнила о себе женщина и вывела меня из режима наблюдения.

– Да так, мимо проходил, – начал было я, но потом спешно добавил. – Вообще, я искателем хочу стать!

Она задумчиво глянула на Норсу и сказала:

– О как, искателем, значит... И что же в жизни гильдийца тебя привлекло? Сила? Женщины? Власть над слабыми?

Ого! С чего зашла сразу.

Я от неожиданности завис и перестал жевать. Мне очень сильно стало казаться, что этот дом принадлежит не людям типа рябого Аруна. Говор чистый, а вопросы у хозяйки острые. Да и Норса весьма сознательная девушка.

Стоит быть аккуратнее и следить за словами.

– Пока ничего такого! – замахал я руками. – Видите ли, я лесной с рождения. А пару месяцев назад меня пришибло, да так, что память отрезало. Как звать, не помню, жизнь не помню. В общем, себя забыл и много чего о мире нашем.

– Ну и ну, – кивнула женщина и доложила в тарелку, судя по всему, местного картофеля. – И чем же приложило то?

– Да сероволки погрызли. Целитель Сорас с дочкой вовремя нашли и вытянули с того света.

Пожалуй, упоминать о том, что я был голый и появился из другого мира, не стоит.

Норса ахнула и прикрыла рукой рот. Малой сидел молча и уплетал поздний ужин.

– Вот так на... Не повезло же тебе, Каин, – покачала го-

ловой хозяйка. – А имя-то, получается, не настоящее?

– Ага. Но пока я себя не помню, оно для меня самое, что ни есть, настоящее, – максимально честно ответил я.

Да в общем-то, я не планировал его менять в ближайшее время. Мало ли. Вдруг какой-нибудь чародей по моей памяти об имени проследит мое прошло?

Мариа налила мне в деревянную кружку что-то горячее и бодро сказала:

– Ясно. Ну, как бы то ни было, падчерицу ты мою действительно спас. Это многого стоит.

Ого, значит, не родная мать? То-то я заметил явные различия.

– Я тебе постелила в гостевой, так что располагайся, как закончишь. За стол не переживай, я сама посуду соберу.

Я кивнул.

Она встала и, приманив мелкого, повела его в соседнюю комнату.

– А где твой отец? – спросил я Норсу, только сейчас опомнившись. Когда она не рыдала горячими слезами во время похорон, я решил, что среди погибших его нет.

– Он погиб, – грустно сказала она. – Несколько лет назад, во время налета банды атланов.

– Извини, если растревожил старое, – сказал я, коснувшись ее плеча.

– Да ничего, старое еще не такое уж старое, чтобы его тревожить.

Дальше сидели молча. Она медленно клевала из своей тарелки, видимо, чтобы не закончить раньше меня, а я уплетал за обе щеки добавку. Когда закончили, девушка отвела меня в комнату и оставила наедине.

Я упал в мягкую постель и, пролежав недвижимо пару минут, тяжело выдохнул. Это был чертовски сложный и утомительный день со всех сторон. Мало того, что я вспомнил себя, я убил разумного, мародерствовал, укладывал для кремации трупы. Этого было более чем достаточно для человека из каменных джунглей. Подумав о городах, я вспомнил Землю и убежище.

Странная штука – амнезия. Вроде бы я вспомнил себя совсем недавно, и мои эмоции должны быть более яркими, так как для Тома события в убежище должны быть совсем свежими. Но они не такие. Словно, живя без памяти все эти месяцы, моя психика залечивала себя и притупляла чувства.

Пробежав глазами по темной комнате, я подумал о своем перемещении в этот мир. Не помня себя, я не мог оценить всю важность этого события и его мистерию. Вот я был на Земле, и вот я здесь. В мире, где есть субстанция, которая позволяет восстановить человеку орган за минуту. Создать из ничего кусок льда и с огромной скоростью выпустить его в оппонента. Приручаемые звери, которые были описаны только в фантазиях авторов книг и сценариев кинолент, игр. Что меня ждет еще? Дракон? Темные маги, поднимающие мертвых?

И все это вкупе с космическими полетами, телепортационными вратами, зверолюдями, эльфами и, судя по всему, дворфами.

Если меня переместила сфера, значит она переместила и всех остальных. Вероятность этого очень высока. Но есть одно "но".

Я мог умереть и попасть сюда случайно. Моя память о встрече с существами, которые посодействовали этому, могла быть так же легко удалена, как и восстановлены отгрызенные сероволками пальцы. Меня могли призвать, пересобрать. В конце концов, это может быть загробный мир, мой личный ад или рай.

Здесьнее общество и существа так похожи на фантазии земных выдумщиков, что складывается впечатление о попадании на Землю разумных из этой вселенной. Иначе как можно объяснить такие сходства? Ну разве что, если этот мир – плод моего подсознания.

Если на разных планетах есть мана и магия, Земля не могла как-то отделиться от этого богатства, учитывая, что Кель, по словам Сораса, наполняет всю вселенную. И ведь это не его личные идеи.

Возможно ли, что родоначальники мифов о разных существах, магии, мане и других, присутствующих здесь реалиях, вплоть до космических одиссей, на самом деле либо потомки, либо сами попаданцы? Возможно ли это, учитывая то, что я лежу на кровати в деревне с названием Пантоа, с

восстановленной магией печенью? После нападения самых настоящих зверолодей! Да, черт возьми, я жил с двумя эльфами и путешествовал с одним из хвостатых!

Вполне вероятно, что один из таких попаданцев сейчас сидит возле проезжей части и не понимает, почему его руки не покальваются маной, а фаерболл не формируется! И что это за железки проносятся мимо, оставляя какую-то отраву после себя?!

– Черт, это слишком жестко, – мой лоб даже покрылся испариной от волнения.

Как бы странно это ни звучало, с возвращением своей личности все окружение приобрело дополнительные краски.

И все же, хотелось бы знать, как я сюда попал. Если это не Сфера, то возможно... все остальные мертвы.

Принимая это предположение за аксиому, мои мысли застревали, и в горле образовывался комок, не позволяющий вдохнуть воздух. Я вспомнил лежащую на полу маму и лужу крови под ней. Вскрик Саи, когда Кернис выстрелил в нее. Представил себе эмоции отца, на глазах которого его сын застрелил ни в чем не повинную девушку, после того как сексуально извращался над собственной сестрой. Да, он не насиловал ее физически, но не потому, что не хотел или не мог – он не успел. Представить сложно, что в это время чувствовала Лизи.

Как я мог быть так слеп?

Сейчас, вспоминая прошлое, я отчетливо видел ненависть

в глазах Керниса. Его недовольство от моего присутствия. Гнев и раздраженность. Вспомнился случай с вертолетом и Сферой. Тогда он явно хотел убить меня, подтолкнув игрушкой прямо в уничтожающий органику неизвестный предмет.

Воспоминание, пронесшееся в голове за доли секунды испарилось, оставив только тягучий остаток сожалений.

Я в полной мере осознал смысл его проникновений в комнату сестры и отношения с ней в целом. Может быть, она чувствовала его ненормальность? Он ведь был психически болен! Все это время!

И дело не просто в вожделии сестры, а в ТАКОМ абсолютно сумасшедшем вожделии. Маниакальное стремление владеть кем-то. Его слова перед выстрелом в...Саю очень ярко показали истинные желания.

Меня начало одолевать отчаяние и ярость. Не имея возможности направить эти эмоции, я постарался переключиться на что-нибудь другое, что не имеет отношения к тем событиям.

Вспомнил о воровке, знаниях, что она мне невольно передала. О прорыве, что случился во время атаки фойре. Сосуд не дал мне больше маны, даже перед приближением физической расправы. Я подумал о той ментальной дрожи, удержание которой помогло мне выудить больше, чем дозволено по умолчанию.

Я закрыл глаза и представил светящегося себя. Образ сформировался мгновенно, и если бы в этой фантазии я

имел глаза, они бы выкатились от удивления.

Мой Сосуд был заполнен голубой дымкой больше, чем наполовину. А это значит, что обнуление происходит не за раз, а по мере осваивания контроля над маной. Возможности обнадёживали. Но как мне двигаться дальше? Неужели удержание в памяти ментальной дрожи – это единственный способ высвободить запретную ману?

Представив, как мысленно хватаюсь за ману, я стал опустошать себя. Да так напористо, что исчерпал имеющиеся объемы быстрее, чем за две минуты. Я захотел, чтобы мана просачивалась через каждую пору на моей коже, и она исполнила мою волю. Чувствуя легкое покалывание по всему телу, я улыбался, как дурак.

Тем не менее, как бы я ни старался, взять больше не мог. Сосуд словно уперся ногами в край и не пускал выше.

Пропыхтев около часа, я так и не понял, как действовать дальше, и завернувшись в покрывало, постарался уснуть...

Глава 24

На следующий день я скромно предложил Мариа свою помощь по двору. Оказалось, что дел скопилось прилично, и покрутившись весь день за рубкой дров, починкой крыши и внутренней отделки дома, я с чистой душой отужинал и настроился расспрашивать Норсу об искателях.

Местная еда, кстати, довольно вкусная. Я понаблюдал за Мариа и оценил ее манипуляции с разной травой и всякими

порошками, которые, видимо, являлись специями. Она забавно ухмылялась, но не отгоняла.

Мария была не юной девицей, но выглядела отлично. Невероятной красавицей я бы ее не назвал, но было что-то в ней... естественное, что ли. Притягивающее. Женственное.

Укутавшись в одеяло, Норса вытащила меня на крыльцо и, сунув в руки кружку горячего напитка, кивнула.

– Ладно, с чего бы начать... – задумался я вслух.

– Ну, ты уж придумай, – хмыкнула она.

В общем, не сильно утруждаясь логикой, я начал заваливать ее вопросами:

– Кто был тот белокурый крутыш? И кто такие искатели? И почему фойре на вас напали? Где охрана поселения...

– Эй-эй, полегче, герой, – замахала Норса руками, – я тебе не Вилла, чтобы ответить на все сразу. Давай по порядку.

– Кто такая Вилла? – спросил я тут же.

– Это не тот порядок, – улыбнулась Норса. – Вилла – дух дерева. По легенде знает все о мире, и если ее отыскать, ответит на любые три вопроса.

Что-то знакомое.

– Спасибо, – вернул я улыбку. – Продолжай, пожалуйста.

Она покрутила пальцем у подбородка:

– Искатели – это наемники Гильдии. Они выполняют поручения по всему миру, как самой Гильдии, так и тех, кто делает запросы.

– А Г... – начал я, но она прервала меня.

– Не все сразу. Я поясню, беспамятный ты наш.

Норса отпила горячего и потянула ночной воздух.

– Мы, сельские, много чего не ведаем по миру, но что такое Гильдия, знают все. Гильдия – это самая влиятельная организация в Пределах, которая напрямую никому не подчиняется. Многие мечтают работать на нее, – она грустно выдохнула, – но не всех берут, и если ты родился Белым, туда тебе путь закрыт.

Я кивнул, дав понять, что впитал информацию.

– Именно Гильдия предоставила возможность снова покорять космос и новые земли. После войны с магами все расы были разгромлены и опустошены настолько, что население сократилось вплоть до родных планет. Долгое время не было ни разумных, ни ресурсов, чтобы снова покидать родные планеты. Даже эльфы потеряли слишком много.

Война с магами?

Я помнил, что Сорас говорил мне об этом, но тогда не придал этому такого значения.

Норса продолжила, отпив еще горячего и, поежившись, скрутила одеяло потуже.

– Гильдия заключила пакты неприкосновенности со всеми расами разумных и предоставила ресурсы и транспортеры. Так началось второе заселение планет. Так была заселена, в том числе, Фарида. С этого времени ставки Гильдии имеют право находиться на любой планете и являются неприкасаемыми для закона напрямую. Искатели не участ-

вуют в войнах или переворотах. Они просто гильдийцы. Каждый ребенок в Пределах мечтает работать на Гильдию!

Ее глаза загорелись, но потом погасли. Я уже понял, что она Белая, и лишь надеялся, что мне повезло больше. Намного больше, раз уж я не местный.

– Значит, тот белобрысый тоже искатель, – констатировал я. – Искатели все такие...хм, надменные?

– О да, уж поверь! Они еще те хвастуны и заносчивые ублюдки! – скривилась она. – Тем не менее, они на самом деле помогают. Отец рассказывал, что место, в котором он родился, постоянно подвергалось нападкам вакаш, и только группа гильдийцев помогла освободиться от этого ужаса.

– Кто такие вакаш? – спросил я и поторопился оправдаться – Ну, в лесу ничего такого не было, а целитель не объяснял. Память подводит в неожиданных местах.

– Память, говоришь? – прищурилась рыжеволосая. Я скромно кивнул.

– Вакаш – это полуразумные зеленые коротышки. Мерзкие твари. Вечно бегают толпой и нападают на беззащитных. На вид слабые и тупые, но очень шустрые и подлые, – последнее она почти рыкнула, аки зверь. – Я встречала их единожды. Пять лет назад. Двадцать этих уродцев прорвались через Каменную Границу и как-то добрались аж до нас. Похитили девочку, Милду. Ее нашли потом в лесу, истерзанную.

Она поежилась и придвинулась ближе ко мне.

– Мне отец ничего не рассказывал, но я подслушала их разговор с Мариа. Он говорил, – ее голос задрожал, – что они насильовали ее пока она не умерла. А потом питались ее телом.

Меня передрогнуло от такого финала юной жизни. В голову заползли мысли о том, что Лизи могла оказаться в руках этих гоблинов, и внутри поднялся жуткий страх. Страх от невозможности на это повлиять.

– Это был не последний раз, когда о них слышали на освоенных территориях. Поэтому опасность встретиться есть всегда, так как за Каменной Границей много чего жуткого. Хорошо, что до нас редко доходит, да только чем выше на юг и ближе к границе – тем чаще всякая жуть появляется. Говорят, многих создали древние маги, как и еще немало чего ужасного, – последнее девушка сказала почти шепотом.

– Нда, Сорас не рассказывал мне всего этого, – сказал я больше себе. – А что насчет фойре?

– Для меня это тоже загадка. Нажитого у нас не так много, да и время не для караванов... – протянула она задумчиво.

– Ну, как я понимаю, вас в рабство забрать хотели! Небось, за раба много дают! – удивился я. Мне казалось это самым очевидным.

– За нас? Тьфу ты. За нас гроши! Кому нужны простые крестьяне? Корми, пои – ошейники дороже стоят будут! Нас скорее убили бы всех.

Я удивился.

– Ну и зачем же тогда им сюда переться? Неужели ради развязки войны?

– Да кто их знает. Но не были они похожи на солдат. Особенно тот... фойре, – сказала девушка и уставилась в темное небо. – Ты ведь правда спас меня, Каин. Уж не знаю, что ждет меня дальше, но я благодарна тебе.

Я грустно улыбнулся и интуитивно потянулся приобнять ее, но одернул себя. В голове возник образ Саи, а в груди ноющая пустота. Не хотелось превращать этот разговор во что-то другое, тем более, что завтра меня уже не должно быть в этом месте.

Хотелось еще много чего узнать, но как и в случае с рябым Аруном, я не понимал, что именно спрашивать.

Но все же нашлось кое-что важное для меня на данный момент.

– Слушай, а как нанимаются в Гильдию?

– Да в общем-то, просто. Приходишь в ближайший штаб, и тебя проверяют на цвет. Если Желтый и выше – ты принят. Больше я не знаю.

– А где ближайший штаб? – спросил я.

– Каира. Вверх по торговому тракту, не ошибешься, – грустно сказала она и глянула мне в глаза. – Я знаю, что это прозвучит глупо, но ...ты уверен, что хочешь уйти? В такое время здесь будут очень нужны мужчины...

– Уверен, Норса. На все сто.

Хотел бы я ответить иначе, но не мог. Я уже жил в од-

ном месте, в одном мире. И насмотревшись на здешние крестьянские реалии, очень не хотелось прогибать спину перед каждым сопляком, которому повезло родиться Желтым. Тем более, что впереди ожидало еще больше неизвестного и... Лизи. Я должен найти сестру.

И брата, который должен умереть.

К тому же, если Гильдия такая могущественная, значит есть шанс, что через них можно отправиться на другие планеты. Это мой единственный шанс. Даже беспамятный Я решил так.

– Извини. Я понимаю, что вам сейчас будет нелегко, но от того, что здесь появится еще один слабак – проще точно не станет, – сказал я уверенно. – Кстати, ты не ответила на вопрос на счет поддержки. Местный барон ведь должен выслать помощь и как-то отреагировать на все это!

– Должен, но кто к нему пойдет? Коршак сидит себе в замке и просыпается, только когда нужно налоги собирать. Сейчас даже послать некого, – пожалала она плечами.

Ясно. Намек понят. Если не останусь, то хоть забегу предупрежу.

– Я найду, если его обитель по пути в Каиру.

– По пути. И караван останавливается у него, – уверенно сказала она.

– А откуда знаешь-то? – спросил я.

Норса вздохнула и задумчиво ответила:

– Отец возил в Гильдию, чтобы проверить цвет.

– Ясно.

– Ага.

Мы посидели так еще около часа. Просто глядя в ночь.

Меня поразили эти люди. Поразило их отношение к смерти и продолжению жизни тех, кто остался. Может, и у нас так было? Когда каждый человек мог умереть от простой царапины или другой случайности. Когда жизнь крестьян напрямую зависела от того, у кого в руках клинок или власть. Или и то, и другое. И это не мифическая опасность, которая может подстергать каждого за углом большого города, а вполне реальная смерть от всего подряд. Они привыкали к таким сюрпризам, и смерть была не таким потрясением, каким стала для живущих после появления пенициллина, антисептиков, развития медицины в целом...

Женщины и девушки Пантоа похоронили своих мужчин, но не впали в безумие от потери. Я видел их глаза, и в них было море печали и грусти, но не отчаяния. Страх от того, что они остались беззащитными, перекрывал боль потери. В их глазах был поиск надежды выжить. Думаю, выжившим мужикам придется не скучно во всех смыслах.

Но мне не по пути с этими людьми, ибо самому нужно разгрести кучу дерьма.

– Почему среди них нет ни одного целителя? – спросил я себя, когда остался в выделенной мне комнате один.

Да потому что Гильдия забирает всех. Точнее, все спешат отдаться Гильдии и уходят. И все вполне объяснимо, мало

кто на заре своей юности захочет выживать в деревне, тем более Желтых рождается не так уж и много.

Вообще, я так понял, рождение со второй или третьей ступенью Сосуда достаточно редкая штука, чтобы сделать таких людей привилегированным классом. И если бы я не насмотрелся в своем мире на искусственные ограничения, я бы, может быть, и не заподозрил в местной системе свитков ничего ужасного. Но теперь, когда я ко всему прочему узнал про контроль маны и ненужность этих бумажек, все стало предельно ясно.

Вздохнув, я поднялся с постели и покинул комнату. Доплелся до двери девушки и тихо постучал. Дверь скрипнула, и взъерошенная Норса высунула голову в приоткрытую дверь.

– Нужно поговорить, – сказал я шепотом.

Она удивленно кивнула и скрылась в комнате.

Время близилось к утру, и мои вещи были уже собраны. Заплечный мешок, который мне выдал Сорас, охотничий лук, меч фойре, постиранные вещи и тонна лени. В этот момент хотелось вызвать такси и рвануть в аэропорт. Перспектива шагать пару недель по бугристым дорогам и спать непонятно где не очень-то привлекала, учитывая то, что каждый раз есть риск нарваться на хищников или местных отморозков. Я как человек города просто не был готов к такому пути, но выбора не было.

Когда завернутая в плед Норса появилась, мы вы вышли

на улицу. Несколько раз крикнул местный будильник, и заспанные глаза девушки, заметив мою готовность к дороге, покрылись влагой.

Я не стал тянуть резину и устраивать объясняшки. Роль человека, который постоянно сбегает, мною уже давно обкатана, и сейчас я хотя бы прощался по-человечески.

– Слушай, – сказал я, глядя в ее темно-карие глаза. – Перед тем, как уйти, я хочу кое о чем рассказать тебе.

Она молчала.

– В лесу я встретил человека, который сказал мне, что свитки для изменения ступени Сосуда не нужны. Нужно научиться контролировать свою ману. Сосуд поймет, что ты готова, и не будет сильно сопротивляться, отдавая ее тебе. Так ты сможешь обнулять себя без свитков. Понимаешь меня?

– Д-да, наверное, – кивнула она резко.

– Я не знаю, как учиться контролю маны, но это ключ ко всему. Я стараюсь чувствовать ее и понимать, сколько уходит и восполняется. Стараюсь представлять себе ману и мысленно прикасаться к ней. Постоянно выпускать ее и сознательно наблюдать за этим процессом. Я маг разрушения и, опустошив себя наполовину...

– Как... – вырвалось у нее.

– Опустошив себя наполовину, я смог ослабить его структуру, – закончил я. – Я бы не хотел брать ответственность за твою жизнь, но в тебе еще горят амбиции, и возможно, у тебя получится. Только не спеши. Не умри, прошу тебя.

Я крепко обнял Норсу, так напомнившую мне сестру и, резко развернувшись, пошагал прочь. Не оглядываясь.

Глава 25

Покинув территорию деревни, я сделал полукруг и вышел на тракт, ведущий на север.

Обочины дороги снова начали покрываться густой растительностью, переходя в почти лишенный листьев лес, и под тяжелое колыхание высоких крон я задумчиво поплелся вперед. В целом, было не холодно, но ветер то и дело предпринимал попытки пробраться под куртку. Я ежился и недовольно бурчал.

Несколько раз попадались возницы, но несмотря на мои добросердечные улыбки и размахивания руками, никто не останавливался. Погрешив на выглядывающий меч, я тем не менее не нашёл, куда его спрятать. Кожаная куртка была чуть ниже пояса, и запихнув клинок в штаны, я сомневался, что смогу идти, не сгибая колено одной ноги.

Когда остался один, в голове начали крутиться мысли о семье, из которой у меня осталась сестра и отец, которые неизвестно где. Перед глазами то и дело мелькало лицо Эммы – матери, которая внезапно исчезла на шесть долгих лет, бросив нас. И которая так внезапно появилась в самый дерьмовый день, который только можно было выбрать. Где она была? И почему придумала ту сказку об амнезии? И зачем пообещала решить вопрос с братом?

– Такое себе обещание, мама, – сказал я, глядя в даль. – Учитывая, что он убил тебя.

По дороге я то и дело подбирал валяющиеся на пути камни и ветки, выпуская в них ману. Вспомнив стычку с фойере, до меня дошло, что я не использовал никаких структур, чтобы ослабить его чары, и видимо, моя мана действует разрушительно сама по себе. Но не бывает все так просто, и если бы разрушители так легко уничтожали чужие структуры, они бы автоматически выпали из прослойки, нуждающейся в свитках. Видимо, здесь нечто иное.

Вливая ману в очередной стебель какой-то травинки, я наблюдал уже привычную картину желтизны, но не разрушения. Даже самый махонький листок только коричневел. Вывод: либо моя мана не способна неосознанно разрушать структуры, либо ее концентрация слишком слаба для этого. Но здесь же следует все тот же пример со свитками и разрушителями. Если бы все упиралось в ступень Сосуда – разрушители были бы на ступень выше любого мага, ибо ломать не строить. Значит, все-таки необходимо осознанное воздействие, а не бесконтрольный выпуск.

Время за испытаниями бежало быстро, и я опомнился, только когда красное солнце коснулось верхушек деревьев, на левой от дороги стороне леса. Нужно было выбирать место стоянки, и здесь я завис. Когда бегал по лесу, выбора не было, но сейчас мне попросту не было известно, где лучше оставаться. Забраться на дерево или разжечь костер вдоль

дороги?

Решил все-таки развести костер, так как спать еще точно не хотелось, но под деревом, на которое можно будет в случае чего забраться.

Свернув направо, я стал углубляться в лес и услышал звон стали вперемешку с криками людей.

– Черт, этого еще не хватало, – пробубнил я себе, но все-таки пригнулся и пошуршал в сторону звуков боя. Ведь это были именно они.

Подобравшись ближе, я затаился неподалеку и стал приглядываться. Классика, в общем: две повозки с запряженными в них ревущих ватусси. Пара костров и толпа разумных, вальсирующая в танце смерти, звеня сталью.

Единственное, обо что сразу споткнулся глаз, – это три уже знакомых мне пернатых велоцераптора, привязанных недалеко к деревьям и спокойно наблюдающих за боем.

Конечно, можно было пройти мимо, но путешествие на колесах или живности, в благодарность за помощь, – весомый аргумент.

Я не мог знать, кто есть кто, поэтому искал сходства. По идее, банда должна выделяться чем-то, каким-нибудь опознавательным знаком. Так было принято среди земных группировок во все времена, но в глаза бросилась более очевидная подсказка.

Трое трясущихся мужиков забились под колеса одной из повозок. Трое рубились против пятерых. Вряд ли бандиты

напали бы в меньшинстве – напрашивался логичный вывод.

О моем присутствии пока никто не знал, и приготовив лук, я решил помочь охранникам парой стрел, ну а потом, наверное, бежать, ибо мечом я размахивать не умею от слова совсем. Вообще не знаю, зачем я его прихватил.

Я поднял лук и под треск тетивы навелся на грудь одного из бандюг, но тут же сильно засомневался в своем решении.

"Я ведь собрался лишить жизни разумного!" – эхом отозвалась мысль в голове.

И ради чего? Ради удобной дороги?

Я с такой легкостью решил помочь защищающимся, и до меня не сразу дошло, что нужно будет убивать.

Совесть настойчиво запротестовала против этого решения, и поддавшись моменту, я решил просто сбежать.

Внезапно, пара мечей, насевших на одного охранника, все-таки дотянулись до него, и вечерний лес пронзил крик боли. Раненный попятился назад и, выпустив из рук оружие, махнул рукой. Каменный шип мгновенно вспорол шею его противнику. Тут же появился второй такой же и точно так же прошил брюхо следующего разбойника. Затем он обессиленно рухнул на спину и, завывая, скрутился.

Черт! Черт! Черт!

Стараясь не смотреть в лицо будущей жертве, я снова поднял лук и отпустил тетиву. Тихо свистнув, стрела проткнула грудь замахнувшегося мечом мужика, и он машинально схватился за торчащую из груди смерть. Тут же сталь чужого

меча под рычащий хрип прошила ему брюхо.

– Ааркош, здесь...луч...ник, – хлюпая кровью выдавил падающий разбойник.

Ааркош развернулся в мою сторону, но вторая стрела уже была наготове и, опередив его выкрик, устремилась к цели.

Бандит вовремя присел, и наконечник проскочил прямо над головой. Он тут же рванул ко мне, и я уже собрался бежать, но один из охранников, словно появившись из ниоткуда, подставил ногу, и тот вспорол носом землю.

Сверху прыгнул другой охранник и, не мешкая, выдохнув "ха", вогнал в грудь лезвие.

Я нервно выдохнул и заметил, что остальные члены банды уже лежат с красной лужей под телами.

– Эй, неизвестный союзник, выходи. А то мы и так на взводе, – рявкнул тот, что сбил с ног Ааркоша, вглядываясь в темноту. Это мне было нормально видно, что к чему, он же находился со стороны света.

– Выхожу, только не надо нервничать. Все стрелы в колчане, – отозвался я громко и вышел из тени леса.

– Ладно, – выдохнул охранник и, обтерев клинок о тело бандита, сунул его в ножны. Второй поступил так же. – Ты откуда такой появился?

Я кивнул в сторону Пантоа и сказал:

– На ночевку устраивался да возню вашу услышал.

– Возню, говоришь? – хмыкнул второй. – Как звать тебя?

– Каин, – представился я и подошел ближе.

– Я Ворак, – сказал плечистый и кривоносый охранник. – Тот, что корчится, Карис.

– Я Сокш, – сам отозвался второй. Он был высоким и худощавым, с редкой светлой бородкой и маленькими хитрющими глазенками.

Торгаши выползли из под телеги и подобрались.

– Мы купцы-караванщики, – прокряхтел самый старый на вид. – Держим путь из Титану в великий город-защитник Фроу. Спасибо за помощь, незнакомец.

– Да не за что, каждый на моем... месте... – начал было я, но меня уже никто не слушал.

Кривоносый подошел к воющему Карису и сунул ему в руку амулет. Через минуту охранник стих и вырубился. Затем они с напарником прошли по трупам банды и профессионально общмонали всех. Не тронули только того, в ком торчала моя стрела. Я понял намек и сделал свое дело – не глядя, выудил горстку каких-то монет, не спуская глаз с остальных.

Все еще очень мерзко и жутко ощупывать бездыханное тело совсем недавно живого разумного. Да и вообще, трупы живых существ. Но выбора не было, поэтому, не кривя лицо на публику, я хладнокровно обыскал мертвеца.

– Каин, – окликнул меня кривоносый, – помоги оттащить трупы, а то лесные зверушки придут на пирушку.

Долговязый поддакнул рифмоплетцу своим карканьем, и мы принялись относить трупы вглубь леса, сбрасывая в маленький овражек.

Я молчал, не рискуя нарваться на какие-нибудь подозрения этих рубак. Сомнений, что они не станут церемониться, почему-то не было. Да и нечего было говорить. Устраивать с ними задушевные разговоры, как с рябым Аруном или Норсой, не было никакого желания.

Когда с трупами было покончено, мы затащили раненного в крытую повозку и отвели стоянку еще дальше. Костры снова запылали. Я уселся возле одного в ожидании расспросов, которые однозначно были неизбежными, и периодически косился в сторону молчаливых ездовых, так напомнимших мне пернатых велоцерапторов.

– Ну, что, – как по часам, подсел ко мне кривоносый Ворак, – рассказывай.

Я вопросительно поднял брови.

В свете костра его лицо выглядело очень смуглым, и кроме кривого носа в глаза бросился длиннющий шрам, падающий от лба к подбородку. Глаз, тем не менее, выглядел абсолютно нормальным.

– Куда путь держишь и почему один по лесу шастаешь, – протянул Ворак и, вытянув клинок, начал его старательно протирать какой-то тряпкой.

– В Каиру иду, хочу в Искатели податься, – ответил я приготовленной фразой.

– Искатели, гы-гы, а цветом-то вышел? – уселся с другой стороны Сокш.

Я ответил спокойно:

– Вот и узнаю. Я лесной, вообще, – на всякий случай подстелил соломку.

– Для лесного стрелы пускаешь хреново, – хмыкнул Ворак.

Сокш снова поддержал поэтические стремления соратника громким карканьем. А его, в свою очередь, поддержали то ли вороны, то ли еще какие пернатые, мною доселе не видимые. Но было очень похоже.

– Не всем быть стрелками. Рогача или сероволка подстрелить могу да и вам подмог, – прокомментировал я внятно.

Трое торгашей расселись у второго костра и принялись что-то тихо обсуждать.

Спешить и напрашиваться в попутчики я не торопился, не желая, в случае чего, зря расставаться с монетами. Если уж до утра не предложат, выбора не останется.

– Пошутил я, не обижайся уж, – поправился кривоносый Ворак. – Твоя помощь действительно оказалась к месту.

Я кивнул.

Голоса у них были ровные, а речь, снова же, в сравнении с рябым Аруном, чистая.

– А вы, стало быть, охранники торговцев? – спросил я, глядя на второй костер.

– Стало быть, – подтвердил Ворак, не отрываясь от меча.

– И часто на вас вот так вот нападают в пути?

– Бывает. Но сегодня сами сглупили. Расслабились, – фыркнув, ответил Сокш. – На этом пути обычно ничего се-

рзнее Белых рубак не попадает, а нам они на один зуб. Наш Карис – Жёлтый, и обычно хватает выпустить одну ледышку, чтобы всякое отребье не цеплялось.

– Сегодня было не так? – поддержал я.

– Еще бы! Наши, – перешел на шепот, – наниматели решили, что переплачивают нам, раз даже мечи не вынимаем. Вот и получилось.

Недовольно кивнув на троих торгашей, он сплюнул в сторону.

– Но, видать, Марэ сегодня на нашей стороне, – тяжело поднялся Ворак и пошел к крытой повозке со спящим Карисом.

Сокш повернулся ко мне.

– Слышь, а ты чего один-то идешь в самый Каир? Туда пешком не меньше недели топать, а если учесть всяких недоумков, сидящих по лесным лагерям, то можно вообще не добраться.

– Вышло так. Не с кем мне идти, а платить за перевозку нечем. Я ж лесной! – выдохнул я и театрально развел руками.

Сокш втянул носом и, хлопнув меня по плечу, расхохотался.

– Ну тогда, тебе, считай, повезло, парень. Если не будешь отсиживаться, в случае чего, можешь позади плестись, не прогоним!

– Да-да, молодой человек, – вклинился в разговор старик торгаш. – Если не будете отсиживаться, не погоним. А сего-

дня уж, за оказанную услугу, дозволяем вам заночевать в нашем лагере.

– Благодарю, – сказал я сухо.

Хотелось сказать еще что-нибудь, но промолчал. Если бы я не появился, не факт, что они бы справились, и можно было бы завернуть в эту сторону да выразить недовольство. Но к сожалению, за моей спиной нет силы, и я не знаю местных дорожных обычаев.

Да и вообще, каждый раз убеждаюсь, что я нихрена не знаю. Кто такой Марэ? Кто такой Са-арг?

Следует плотнее заняться местной мифологией.

Глава 26

Пока я размышлял о высоком, появился Ворак и под карканье товарища установил над костром вертел. Молча подвязал тушку рогача и плюхнулся на камень.

– Угостим тебя сегодня, – сказал он и, опрокинув бурдюк, занюхал рукавом. – Будешь?

– Нет, благодарю, – отказался я от протянутой, по-видимому, выпивки.

Он снова опрокинул бурдюк и, удовлетворенно причмокнув, занюхал.

– А зря. Сильная вещь. Хух. Говорят, – перекинул Сокшу, – делают по рецепту неприкасаемых коротышек. Но знаешь, нам в самый раз. Ахахаха.

Сокш, прыснув, поддержал его своим карканьем и снова прильнул к бурдюку.

– Ты это, не серчай на торговых, они даже внутри себя такие хитрющие и вечно всех хотят оболванить. Такие уж порядки на Фариде. А мы наемники простые. Ежели б не торговые, то разделили бы с тобой всю дорогу, как полагается.

– Да я понимаю, не первый день живу, – успокоил я его.

– Вот и ладно, – кивнул Ворак и снова принялся за переданный ему бурдюк.

Я посидел с ними еще немного, в ожидании баек или еще чего просветительного лично для меня, но так ничего и не дождавшись, отчалил к ближайшему дереву. Собрал по кругу сухих веток и, позаимствовав горящую палку, поджег свой костер. Добавив в огонь своей маны, в очередной раз уловил слабую ментальную дрожь.

Что у нас получается?

От города к городу бегают торгаши и нанимают Желтых магов. К тому же не Гильдейских, ибо парочка у костра прожужжала бы мне об этом все уши.

Да и банда, что напала на Ройана, тоже была забита Желтыми. Видимо, вторая ступень Сосуда здесь весьма распространенная.

Может, Гильдия не так уж и хороша, а я прусь туда, как идиот?

Я глянул в сторону обсуждающих что-то очень веселое, судя по гыгыканью, парней.

Нет. Все проще. Просто этим ребятам от космоса и других планет ничего не нужно. Вероятно, возможность выбраться с

Фарида – одна из основополагающих причин присоединяться к Гильдии.

Чтобы зря не тратить время, я выпустил всю ману, взяв в руку горсть еще зеленой травы, и сбросил уже коричневую.

Слишком долго. Слишком много телодвижений. Пока я буду выпускать ману, меня попросту изрешетят всем, чем угодно.

Но как обезопасить себя от внезапных и быстрых атак? Чем защищаются обычно в бою?

Бронежилет, щит, скорость, повышенные чувства.

Как защищают себя обычно маги? Магическим щитом.

Вспомнив бой Ройана, собрата которого натворили столько бед в Пантоа, перед моими глазами возник образ тающих ледяных конусов прямо рядом с его телом. Что это может быть ещё, как не магический щит?

Значит, мана может останавливать чужие структуры.

Возможно, здесь вся соль её специфики. Сорас говорил, что мана у всех разная, именно так получают маги разных видов. Ройан уклонился, когда в него полетел огонь. Потому что у него закончилась мана? Возможно. А может быть потому, что его огненная мана не могла блокировать другую такую же.

Но как он затушил чужой огонь на себе, в то время как несколько атланов беспомощно сгорели?

Привычно пошерудив костер, я достал из мешка покрывало и хорошенько укутался. Ночи с каждым днем станови-

лись все холоднее, и я серьезно опасался начать чихать.

Вероятно, здесь повязаны все факторы. Насыщенность маны, ступень Сосуда, уровень структуры и, конечно же, сама стихия.

– Черт, – вспомнил я рогатого.

Если мне этого никто не расскажет, придется провести тонну экспериментов с возможностью убить себя.

Тяжело выдохнув, глянул на темное небо, и мне снова вспомнилась черноглазая воровка. Ее уверенные и простые слова о ненужности свитков, возможно, изменили все мое будущее в этом мире. С ее слов это звучало как простая истина, как если бы кто-то сказал, что для дыхания нужны только легкие, которые есть у каждого.

– Эй, парень, – махнул рукой Воран, выудив мой разум из тяжких дум, – отведай с нами рогача. Я ведь обещал, что угостим.

– Да, давай, лесной, – поддакнул Сокш и смачно вгрызся в бедро.

Пожинать было бы неплохо, поэтому я не стал отказываться и, сбросив покрывало, направился к костру.

Мы просидели еще около часа, и набив желудок на удивление годно прожаренным мясом, я поплелся к своему потухшему костру. Влил в него ману и почти моментально впал в мир грез.

...

– Слышь, лесной, а слышал историю про мага каменщи-

ка? – спросил Сокш, и его Мямля гортанно крякнул рядом с ухом.

Я вздрогнул от неожиданности и, вздохнув, повернулся к охраннику:

– Нет, Сокш. Но ты ведь с удовольствием поведаете мне.

– Ага, надо же просвещать молодых, – оскалил зубы охранник.

Передвигаться на крытой повозке было определено лучше, чем своими ногами, и когда я не услышал предложения от торговцев, подошел сам и расстался с целым серебряным. Ворак и Сокш были определено не против такого расклада, так как лишняя стрела всегда в помощь.

– Значица, был один древний маг каменщик... – начал Сокш и выжидательно зыркал на меня своими маленькими гляделками.

– Почему каменщик? – спросил я, заставив его немного понервничать в ожидании моего, казалось бы, закономерного вопроса.

– Потому что в его голове были такие же камни, как и у Сокша, – раздался голос Ворака с другой стороны.

Я сидел в задней части первой повозки и, свесив ноги, мерно покачивался из стороны в сторону. Вытянуться, к сожалению, возможности не было никакой из-за нагроможденных сундуков и мешков, но все остальное меня устраивало.

Осеннее солнце совсем не жгло, наоборот, было приятно ощущать на себе его слабые лучи в такую прохладную пого-

ду.

– Ворак, ты создаешь неправильное впечатление обо мне у нашего спутника! – надулся Сокш, но глазенки все равно смеялись.

– Ты создаешь его перед каждым встречным, когда открываешь свой клюв, – довольно оскалился Ворак.

Сокш заржал, и пернатый Мямля поддержал его своим криком. Я снова спонтанно дернулся от этого звука, так как все еще никак не мог привыкнуть к такому близкому контакту с этими каатор, как их называют местные. В памяти то и дело всплывали наброски новоявленных пернатых велоце-рапторов, с которыми я так лихо их сравнил. Снова эта все-ленная подбрасывала мне нескромные намеки на свое творческое однообразие.

– Ладно, шутки шутками, а легенда и правда существует, – отсмеявшись продолжил Сокш.

– Да знаю я твои легенды, – хмыкнул Ворак, – ты сочини-ешь на ходу, дай только свободные уши.

Сокш возмущенно замахал длинными ручищами и поспешил объясниться:

– Не-не, на этот раз по-настоящему! Мне ее перед этим заказом рассказал старик Кранк за кружкой браги в Черном Жереке! Ты же знаешь, что этот старый дуб шастает по Фариде столько, что с него вот-вот труха начнет сыпаться.

– Знаю, кто ж его не знает, – вполне серьезно ответил Ворак. – Ну давай, и я тогда послушаю, раз такое дело.

– Господин Ворак, вам не кажется, что вместо баек вам следует осматривать местность и вести разведку? – раздался голос одного из торгашей.

Вроде бы его имя Марикаш, хотя за эти полдня я с ними еще толком не общался, чтобы запомнить каждого. Все трое обычно не высывались из второй повозки, за исключением смены управления вожжами первой. Ну и конечно же, внимательно следили за тем, чтобы я чего не стащил у них. Как будто мне делать больше нечего, чем взваливать на себя кучу барахла, в стоимости которого я не разбираюсь, да и попросту не дотащил бы на своем горбу до ближайшей торговой точки.

– Господин Марикаш, давайте каждый будет заниматься своим делом и не учить, как работать, профессионалов! – гаркнул Ворак, не оборачиваясь.

Они вообще особо не церемонились с заказчиками и могли откровенно грубить торгашам. Видимо, в таких ребятах, как эти охранники, был хороший спрос, а предложений слишком мало.

Марикаш закричал что-то напарнику и не стал комментировать ответ кривоносого Ворака.

– Давай, Сокш, не томи, а то эти выкидыши погана так и будут глазами спину сверлить.

– Хе-хе, ладно. Слушайте, значица. В древние времена жил один маг тверди по имени Каменщик. Никто не знал его настоящего имени, поэтому Каменщиком он и остался в ле-

гендах, – начал Сокш.

– Ворона ты бескрылая, не нужно столько деталей! Я же сказал – не томи! – нервно вздохнул Ворак.

– Не получится не томить, гоблин ты кривоносый. Старикан Кранк так рассказывал, и я половины уже не помню! – праведно возмутился долговязый.

Ворак что-то прорычал несвязное, но не стал отвечать. Видимо, решил, что спор займет больше времени, чем его рассказ.

– Так на чем я... а, но это был не простой древний маг, а маг – коротышка. Смысленый был гаденыш, и как каждый из этих ушлых выкормлешей погана, дни и ночи возился с камнями. Мечтал он, значица, сотворить жизнь из камня!

– Тьфу ты. Какой ж он древний маг, если големов даже Желтые сотворить могут? – удивился Ворак.

– Да не голема, кривоносый ты забулдыга, а жизнь! Не чуешь разницу? Голем – это ж просто тупой булыжник, а он хотел сотворить именно жизнь. По крайней мере, старикан так сказал, – гаркнул Сокш и запыхтел.

Его Мямля, словно чувствуя недовольство хозяина, нервно замахал зубастым клювом и пару раз крякнул. К слову, кааторы Ворака и Кариса не были такими разговорчивыми, а тот, что принадлежал раненному охраннику, вообще плелся, привязанный к задней повозке, где отдыхал его хозяин.

– Ладно, не гуди, продолжай, – примирительно сказал кривоносый.

Сокш поправился на спине Мямли и, пару раз кашлянув, продолжил:

– Жаждал он создать каменную жизнь, значит. И настолько ему посерел весь остальной мир, что ушел от коротышек и забился в какую-то пещеру посреди Серых песков. Только тогда они еще небыли Серыми. Он не выбирался под солнце, от слова вообще, и думал только о своей маниакальной мечте. Так прошли сотни лет, и имя Каменщика превратилось в обычную сказку про безумца, который настолько заигрался чарами, что сошел с ума. История множилась и обростала новыми подробностями, в конечном итоге добравшись даже до атлан...

– Хе-хе, – снова перебил Ворак и похлопал по бурдюку с пойлом, поклажей висевшем на боку каатора. – Видимо, мы и раньше перенимали от коротышек все самое дурное.

Сокш начал было весело скалиться, но опомнился и нахмурил брови.

– Все-все. Молчу-молчу, – поднял кривоносый примирительно руки. – Это я просто лесного просвещал. Продолжай.

Глава 27

В общем-то, я был согласен с недовольством Сокша, ибо эта история мне начинала нравиться. И вообще, я готов был слушать любые легенды и мифы. Довольно часто они рассказывают больше правды, чем слова ученых историков, отрабатывающих гранты и политические заказы.

– Но уже немолодой маг сам себя не считал сказкой и все эти десятилетия пытался найти путь. Так и не добившись успеха своими силами, он предпринял немислимое – вызвал соре'кхи из самих чертогов Са-арга! – округлил свои хитрющие глаза Сокш и потряс руками, видимо имитируя, сам призыв. – Соре'кхи-то только повод дай заявиться сюда! Договорившись о плате, рассказали они ему как сотворить то, что он желал, и стали ждать.

– Кхм, – привлек я внимание, решив, что соре'кхи – местный вид чертей или демонов, – извини, что перебиваю, но мне интересно – какую плату они запросили у Каменщика.

Повозка хорошенько скакнула, и я, еле удержавшись, чуть не вывалился на пыльную дорогу.

– Это тебе за то, что перебиваешь, – самодовольно буркнул Сокш. – А запросили они его самого! Пообещали прийти через сто лет да только обманули. Как только исполнил маг свое желание, демоны мигом перебросили безумца в чертоги Са-арга!

– Утащили! Дубина ты долговязый, – раздался тонкий голос плешивого торговца.

– Че? – обернулся Сокш.

– Говорю, не перебросили, а утащили! – повторил торговый, чья очередь сейчас была упряжь держать. – Если уж трапишь впустую наши деньги, так хоть пересказывай нормально.

– Я нормально пересказываю. Все, как Кранк говорил! Ду-

маешь, я идиот? – гаркнул Сокш в ответ и, повернувшись к нам, добавил. – Я сам поправил его, а он как зыркнул на меня своими белющими, как Ночные Свидетели глазами, что перехотелось зубы от кружки отрывать.

– Ладно уж, не все ли равно, что они там с ним сделали? Давай, заканчивай, да надо местность разведать, а то и правда нарвемся на кого-нибудь, – махнул рукой Ворак.

Сокш поиграл скулами и продолжил.

– В общем, забрали они его, а чудище его осталось! Да так осталось, что чумой по Фариде прошлось, уничтожая все на своем пути. И все из-за того, что хозяина его – тью-тью – забрали. А когда упокоили его, все изничтожить смогли, да только сердце оказалось нерушимым, как сам мир, – закончил он пафосно.

С полминуты я ждал продолжения, и когда уже решил задать вопрос, снова дал о себе знать плешивый торгаш:

– А концовку-то чего не рассказываешь? Не так ведь заканчивается легенда Каменного!

– Как не так? – изумился Сокш.

– А вот и не так, дубина ты, – отозвался второй торгаш, глотнув воды. Вроде бы его звали Родерик.

Долговязый охранник открыл рот, но видимо, передумав спорить, захлопнул.

– Ну, если не так, то расскажи как!

Родерик надменно фыркнул:

– Да больно нужно басни травить тут.

Сокш оскалился довольно:

– Ну вот, значит и не надо влезать, раз не собираешься договаривать.

Несмотря на гонор нашего рассказчика, что-то в его поведении выдавало неуверенность. Глазенки бегали, а грудь вздымалась слишком часто для уверенного в себе человека. Подозрение на то, что он тупо забыл концовку, росло как на дрожжах. А ведь какая-то недосказанность в легенде и правда чувствовалась.

Ворак молча дал по крупу каатора, и тот, вильнув длинным хвостом, моментально рванул вперед, оставив за собой пыль.

– Пора осмотреться, – бросил нам охранник. – Сокш, не отставай.

Долговязый мгновенно посерьезнел и двинул следом за соратником.

Когда топот лап зверей стих, я от нечего делать решил испытать удачу переговорщика.

– Господин Родерик, простите, что отнимаю ваше время, – сказал я вежливо, – но ваши слова сильно уж заинтересовали мой несведущий лесной ум. Мне кажется, что Сокш, в отличие от вас, мог прослушать несколько деталей, отвлекшись на закуску.

Родерик, услышав меня, надул грудь и важно зацокал, усердно кивая:

– Да и еще раз да, молодой человек. Эти наемники вообще

помнят только как железками размахивать, что, безусловно, бывает полезным в наше непростое время, но разумные атланы всегда должны уделять внимание деталям!

– Вашими устами словно сама истина глаголит, – восхитился я театрально.

Плешивый тем не менее, недовольно сжал губы и замотал головой. Видимо его моя игра не проняла.

– Ну, если вы так просите, уважаемый Каин, я так уж и быть поведаю вам известную мне концовку, – набрал воздуха Родерик. – На самом деле, это действительно небольшая деталь, но как бывает, она оставляет после себя еще больше вопросов и тревожит умы гильдийцев и артефакторов.

Я натянул на лицо воодушевление после услышанного и закивал в согласии.

– Видите ли, сердце, о котором упомянул этот узколобый рубака, считается очень сильным артефактом, которое, не сумев разрушить, воины прошлого, спрятали в месте, неизвестном доселе, – поэтично протянул Родерик. – Считается, что с помощью него можно снова призвать демонов, создать жизнь из любой магии и еще много чего удивительного! Но это учение было забыто со смертью самого Каменщика. Никто после него так и не смог достучаться до чертогов Са-арга. Я уже молчу про создание жизни.

– Удивительно! Вот это действительно интригующая концовка, – сказал я вполне честно. – Вы великолепный рассказчик, господин Родерик.

– Вы правы, молодой человек, – довольно кивнул торгош и добавил, – вообще, любая история должна заканчиваться интригой и надеждой, какой бы темной она ни была. Будь то надежда на жизнь или ее уничтожение.

Я молча кивнул.

Дальше дорога была молчаливой. Только хруст деревянных колес по утопанному тракту, сливаясь с голосами природы, создавал какофонию звуков. Ватусси, казалось, неумолимо тянули всю эту тяжесть, лишь добавляя дороге ездовой прочности.

По бокам тракта все еще бежал густой лес, поддерживая ветер шелестом неопавшей листвы и едва слышимым скрипом голых веток. Мои ноздри то и дело ловили запах гнилых листьев, трухлявости и мокрой земли. Таким лиственным лесам вообще свойственен запах смерти и преходящести жизни. Тем не менее, сейчас, сидя в сухости и относительной безопасности, мне нравилось находиться здесь. Даже увядающий осенний лес был полон жизни, а постоянные перекрикивания пернатых и четырехлапого зверья не давали об этом забыть.

С самого утра Сокш не давал мне покоя, рассказывая интересные, по его мнению, истории про разносчиц из Черного Жерека. Одна была слишком заносчива, другая податлива. Третья больно необъятна даже для его длинных лап. Это было настолько увлекательно, что я не знал, куда прятаться.

Тем не менее, общий взгляд на быт этих людей снова под-

толкнул меня к мыслям о Земном средневековье и общем представлении о нем. Расписанные в сотнях и тысячах книг, будь то исторические романы или художественные выдумки, образы в голове разительно совпадали с этой реальностью.

Да и еще, благодаря этому болтуну, мысли о событиях в убежище не так плотно заполняли мою голову. Хотя, сознание так и норовило погрузиться в угрюмые и депрессивные думы.

Оставшись в тишине, я поддался этому позыву и принялся копаться в тягостных воспоминаниях.

Перед глазами тут же предстал улыбчивый образ Саи, девушки, которая умудрилась пробраться мне в душу. Я вспоминал нашу первую встречу возле внедорожника, во время поисков Лизи и Керниса. Стоя под проливным дождем, я думал, что нам всем конец, а она просто смотрела на меня и улыбалась. Если бы я в тот момент знал, что все закончится именно так, я бы свернул шею ублюдку и оставил тело валяться посреди дороги. И плевать, как на это отреагировали бы родители.

Приемные родители.

Я не злился на них ни сейчас, ни тогда. Да, узнал я это весьма дерьмовым способом, но они сделали все, чтобы мое детство было достойным, и винить их попросту не за что. Пока Эмма не исчезла на долгие шесть лет, я был счастливым ребенком, как и Лизи с Кернисом.

С тварью.

Поежившись, я сжал кулаки до хруста костяшек от бессилия и фатальности произошедшего, а в теле, вместе с участвовавшим сердцебиением, поднялась волна кипящего, как жерло вулкана, гнева. Взгляд затуманился, а сознание начало уплывать, словно погружаясь на дно самого глубокого океана.

– Эй, лесной, хватит спать – впереди Двор, – одернул меня голос Ворака. – Внутри отоспимся, да кружку местной кислятины опрокинем. Если у тебя, конечно, монетка-другая завалялась.

Я махнул головой и спрыгнул с повозки.

Уснул я или просто потерялся в воспоминаниях, а судя по солнцу, стрелка земных часов должно быть уже перебралась бы ближе к пяти вечера.

Перед моим взором предстало двухэтажное деревянное строение, первый этаж которого спрятался за высоким и по виду крепким забором. Телеги подползли ближе, и Ворак, подъехав вплотную к воротам на своем кааторе, несколько раз мощно ударил дверным молотком и стал ждать.

Спустя полминуты открылось знакомое мне окошко, и Ворак переговорил с привратником, лица которого я не видел.

Ворота дрогнули, и здоровенный бритый налысо атлан неспешно отворил сначала одну скрипучую створку, затем вторую. Мы втащились внутрь, и я, зайдя последним, старался не выпучивать глаза, рассматривая постоянный двор.

Сразу напротив врат располагался хлев, в котором уже пожевывали какую-то солому ватусси. Отдельной пристройкой стоял зверинец для ездовых животных, но там сейчас было пусто. Сам двор был не слишком широким, но почти до самых врат устлан длинными балками, исключая стоянку для повозок и подход к хлеву и зверинцу.

Трое торгашей вышли вперед и сразу направились к дверям главного здания, я же старался не отставать и выглядеть скучающим.

Внутри все выглядело совершенно ожидаемо и волнующе одновременно.

В главном зале было тихо, а из десятка крепких на вид столов, было занято только три. В глаза сразу же бросился большой камин с железными решетками, а теплый воздух моментально расслабил тело. Ноздри уловили запах чеснока и жареного мяса, да так хорошо уловили, что в желудке громко забурчало.

Я плелся следом за торгашами и старался не пялиться, как на экскурсии, но взгляд то и дело приклеивался к колоритному интерьеру. Впереди за широкой стойкой с полотенцем на плече стоял плечистый мужик да две бочки, выступающие из стены позади него. Видимо, здесь наливали только один вид горячительного.

Глава 28

– Вечер добрый, путешественники! – басовито выдал му-

жик за стойкой. – Я Корчаж, и это мой Двор.

Корчаж выглядел на лет пятьдесят. Здоровый и на вид крепкий, как дуб. Каштановая шевелюра с седыми проблесками переходила в баки и мощные усищи. Подбородок выбрит под ноль, но чернота щетины все равно выделялась даже на смуглой коже.

– И тебе добрый, Корчаж! Давно не виделись! – прокричал Марикаш и развел руки.

– Марикаш, старый ты пройдоха, давно не бывал у меня! – светанул зубами Корчаж и, потянувшись через стойку, хлопнул того по плечу.

Марикаш от такого приветствия пошатнулся и вцепился в стойку.

– А ты все не меняешься, как был здоровым, как жерек, так и остался, – проскрипел торгош скривившись.

Корчаж ухмыльнулся и кивнул на нас:

– Твои новые подельники?

– Не подельники, сколько можно объяснять, а партнеры! – вяло поправил его торгош.

Корчаж загыгыкал от души, да так, что уши заложило.

– Да ладно, шучу ж я, шучу, – он снова рванул через стойку, да Марикаш весьма ловко уклонился.

– Не надо по старым костям хлопать, а то нарушишь чего! Где я потом целителя искать буду? – обвиняюще возмутился Марикаш.

Снова раздался басистый смех хозяина Двора.

– Это Родерик и Панкар, – указал он на торгашей, – мои партнеры. А это наш случайный попутчик, который весьма кстати помог нам с какой-то шайкой расправиться.

– Я Каин. Хорошее у вас местечко, – доброжелательно улыбнулся я.

– Лучшее из лучших в лесу Гора! – гаркнул он и снова загоготал.

Я кивнул и усмехнулся максимально понимающе.

Входная дверь скрипнула, и раздался голос Ворака:

– Корчаж, здорова! Как ты, дуб столетний?

– Привет, Корчаж, – отозвался Сокш.

– Приветствую, – раздался неизвестный голос, и обернувшись, я увидел наконец поднявшегося Кариса.

У третьего охранника было вполне приличное лицо, без шрамов и деформаций. Тонкие губы, унылый взгляд и явно выраженная лопухость. Единственное, что в нем было как будто не к месту, это ярко-голубые глаза.

– И вам добра, рубаки недалекие, – гаркнул в ответ хозяин Двора. – Сразу предупреждаю, кто к дочери или жене моей руки протянет – руки потеряет. Потом яйца и только в самом конце голову.

Его тон был полностью серьезным и даже угрожающим, что мои руки машинально спрятались за спину.

– Да ладно тебе, Корчаж, мы ж не первый день знакомы! – возмутился Ворак. – Я ведь дочурку твою на руках держал, когда ты с женой еще в Гвине жил.

– То было тогда, а это сейчас. Ты просто давно не видел Ларочку, – наставительно поправил его хозяин. – Потому и предупреждаю вас, лиходеи, уберегаю от смерти, можно сказать.

– Ладно, Корчаж, мы поняли, – примирительно сказал Ворак.

Они еще долго о чем-то гудели, но я не стал ожидать и, узнав стоимость койки, выложил медь и поднялся наверх. Как оказалось, я мог себе это позволить вполне легко, учитывая, что с тел мертвых фойре я обогатился на целых три золотых и двадцать серебряных.

До этого дня я не особо задумывался о ценности монет на Фариде, да и вообще о денежной системе рас. Очень сомнительно, что та часть разумных, которая не заперта на Фариде, а свободно перемещается по планетам, использует монеты в качестве денежной валюты. Здесь же, судя по всему, только монеты. Ну, еще некий алмид, о залежах которого упомянул рябой Арун. Я тогда не стал расспрашивать, усугубляя представление о своем лесном детстве, но очень интересно узнать, что из себя представляет местная нефть.

Оказавшись в довольно маленькой комнатке, я зажег жировую лампу и упал на узкую, но мягкую кровать.

– Да... Вот и мой первый постоялый двор в этом мире, – сказал я сам себе, вяло улыбнувшись.

Вытянув, как следует, гудевшие ноги, я вспомнил свое пробуждение в день падения метеорита. Что бы я подумал,

лежа в своей постели, если бы знал, где мне придется ночевать?

– Черт, – ругнулся я.

Вспомнив Землю, мне голову услужливо залетели воспоминания с убежища, и в груди стало холодно и тяжело. Отсутствие возможности что-нибудь исправить или хотя бы отомстить просто разрывало мой разум.

Не в силах контролировать разгоняющуюся депрессию, я решил переключиться на более важную сейчас действительность. А важно было то, что я слаб по всем параметрам и моя никчемность никак не поможет мне отыскать сестру.

– Нужно помыться и подстричь бороду, – сказал я деревянному потолку. – Ну, и заодно постираться.

Кивнув себе, поднялся с постели и поплелся снова вниз, чтобы узнать о возможностях местных купален или что тут у них.

Соскочив с лестницы, я заметил за ближайшим столиком весь наш отряд, но проигнорировал их и бодро спросил у хозяина:

– Господин Корчаж, я хотел бы помыться, что может предложить ваша таверна?

– Во-первых, не таверна, а Двор Сумрачная Дархе, – поправил он меня спокойно, не отрываясь от протирания гладкой столешницы. – А во-вторых, купальни находятся во дворе.

– Ясно, прошу извинить, – кисло улыбнулся я.

– Ничего. Ларочка! – резко гаркнул он на весь зал. – Иди сюда, ласточка моя!

Из правой двери кухни выскочила чернявая девчушка лет двадцати. Низенькая, круглая, как бочонок, но симпатичная. Я вспомнил угрозы касательно этой девицы и решил, что Корчаж не зря запугал охранников.

– Да, папа, – мягко и приятно прошелестела Лара.

– Доченька, – нежно сказал Корчаж, – нужно господина постояльца проводить в купальни да проследить, чтобы он разобрался, где холодная и горячая водица.

– Да, папа, – со скромностью воспитанной принцессы склонила голову Лара и, кивнув мне, направилась к выходу.

Милая девочка оказалась великолепно воспитана. Хотя в такие времена дочери ее возраста, если я правильно оценил, уже бегали в женах.

Я двинулся следом за мерно плывущим бочонком и диву давался легкости ее шагов.

Мы прошли почти через весь двор, раздражая тихую ночь топаньем по деревянному настилу, и Лара остановилась перед прилично сложенным сараюшкой. От купальни исходил приятный запах горячей древесины и чего-то душистого.

– Вот, господин, – мягко указала рукой на дверь Лара. – Наша купальня рассчитана на нескольких человек, но сейчас, насколько мне известно, вы единственный.

– Благодарю, а что насчет стирки одежды? – спросил я, решив, что могу себе это позволить.

– Постирать тоже можно, но это обойдется вам в дополнительный медяк, господин, – прошелестела она.

– Конечно, без проблем. Я тогда оставлю одежду у входа. Что насчет чистого полотенца?

– Я сейчас же принесу вам, господин, – сказала она и развернулась.

Я провел пышку взглядом и, поежившись от прохладного воздуха, запрыгнул в двери купальни.

В предбаннике все оказалось довольно прилично, что приятно удивило. Светлые стены, скамейка и ящик для одежды выглядели новыми и чистыми. Внутри самой купальни меня встретил теплый пар, две большие деревянные бадьи и между ними глубокая емкость, полная горячей воды. Я обошел этот высокий таз, но не нашел места, где он пополняется и способ его разогрева.

– Я же в мире магии, черт возьми, – пробормотал себе и продолжил беглый осмотр.

Над каждой бадьей возвышался громоздкий металлический кран, вода из которого лилась такая же холодная, как в том ручье, где мне пришлось мыться перед крушением шаттла воровки.

В общем, меня удивила техническая составляющая купальни, ведь я ожидал чего-то менее инновационного.

Разбавив себе воду, я забрался в горячий рай и откинул голову. Тут же меня поглотило великое блаженство.

– Прекрасно, – выдохнул с удовольствием.

– Вас все устраивает, господин? – пропела Лара над ухом. Я дернулся так, что долбанулся лбом об кран.

– Ч-что ты здесь д-делаешь? – проблеял я, как трусливый школьник. Перед глазами тут же возник здоровенный Корчаж и его кулаки-кувалды.

– Я принесла вам полотенце, – прошелестела Лара.

– Ага, с-спасибо, – нервно повернулся я и наткнулся на взгляд Лары.

– Вам потереть спину? – спросила она мягко и, переведя взгляд на середину бадьи, добавила, – или вас помыть полностью?

Ее розовые щеки налились красным, а грудь поднималась с такой же частотой, как стучало мое испуганное сердце.

Я поспешил отказаться:

– Н-нет, Лара, благодарю за предложение. Я позабочусь о себе сам.

– Но я бы могла помочь вам позаботиться о себе, – настаивала она вполне уверенно.

– Нет, спасибо. У тебя наверняка куча дел в зале. Наверное, сейчас все начнут ужинать, и отцу понадобится помощь.

Она замотала головой в стороны и глаза запылали фанатичным светом.

– Нет-нет, матушка начнет готовить примерно через час, так что у меня есть время, чтобы помочь вам.

– И все же, я хотел бы остаться в одиночестве, – деликатным тоном сказал я и постарался мило улыбнуться.

– Но я...

Она не успела договорить, так как с улицы раздался многоголосый ропот и ржание каких-то зверюг. Занервничав, Лара завертелась на месте, разрываясь между долгом и, судя по всему, более личными целями. В конце концов, она выбрала первое и, резко поклонившись, выскользнула из купальни.

Я нервно выдохнул и нырнул в бадью с головой.

"Это было весьма опасно", – проскользнула в голове мыслишка.

Тем не менее, когда опасность миновала, я даже улыбнулся глупости ситуации. Вряд ли на Земле со мной могло бы произойти что-то подобное.

Понежившись еще минут двадцать, я хорошенько распарился и отмылся.

Чувствуя себя заново родившимся, я накинул, к сожалению, грязную одежду и, не чувствуя вечерней прохлады, медленно поплелся в главное здание.

Внутри меня ждал сюрприз в виде забитых до отказа столов и стоящего гомона мужских голосов. Новоприбывшие были поголовно снаряжены в пластинчатые доспехи из красноватого металла и с одноручными мечами, сейчас покоившимися рядом со столами.

– Каин, давай к нам! – махнул мне рукой долговязый Сокш.

Видимо, торгоши уже отужинали, так как за столом сиде-

ли только трое охранников. Я упал на скамейку и, подозвав Лару, заказал поесть. Девушка спокойно кивнула, приняв заказ, и быстро уплыла. Было видно, что с пополнением Двора и кучей голодных ртов ей было не до посторонних мыслей. Оно и к лучшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.